

№2

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Судаба СЕРВИ. <i>Тень страданий. Документальный роман</i>	3
Джошгун ХАЛИЛОГЛУ. <i>Рассказы</i>	96
Ляман БАГИРОВА. <i>Эссе</i>	105

ПОЭЗИЯ

Нармина МАМЕДБЕЙЛИ. <i>Стихи</i>	94
Дмитрий ВОЙНОВ. <i>Стихи</i>	128

ПУБЛИЦИСТИКА

2025

Ширин МАНАФОВ. <i>Шушинский характер и миссия крепости</i>	68
Марат ШАФИЕВ. <i>Суфийские традиции в Азербайджане</i>	121

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ouunR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 29.1. 2025 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

СУДАБА СЕРВИ

ТЕНЬ СТРАДАНИЙ

Документальный роман

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

На протяжении всей истории на долю азербайджанских тюрок выпало много несчастий. Армянские националисты, намеренно переселенные в Азербайджан во времена Петра Первого, а затем царя Николая Второго, время от времени проливали кровь и совершали преступления ради реализации своих коварных планов. Ужасными преступлениями, вписанными в историю, являются массовые убийства, совершенные армянскими националистическими силами дашнаков и поддерживавшей их царской Российской империей в различных районах Азербайджана в 1904 – 1906 и 1918 годах. В те дни в Баку, Губе, Шамахе, Гяндже, Ереване, Шуше, Нахчыване... были убиты и замучены десятки тысяч невинных людей – стариков, женщин и детей. Местное население было изгнано из родных очагов и стало беженцами вдали от родных земель.

Герой данного произведения доктор Фахреддин (Бахтияр Тюркелли), доживший до недавних лет, ещё в детстве пережил те болезненные события и трижды в своей жизни становился беженцем. Его дед Ахмед Эфенди оглу был участником и живым свидетелем событий, произошедших в Шамахе в начале прошлого века.

Автор

ПРОЛОГ

«Конец августа 2020 года.

Известие о гибели генерала Полада Гашимова, полковника Ильгара Мирзаева, подполковника Рагуфа Оруджева и десятков других храбрецов с каждым днем усиливало ненависть к врагу. Враг держал свиней в Агдамской мечети, премьер-министр Армении со своей свитой распивали вино и плясали в Шуше, на древней азербайджанской земле.

Это был предел терпения...»

*«Геноцид повторяется, когда о нём забывают...»
Алие Изетбегович*

Он видел семилетнего мальчика. Тот прятался за большим серым зазубренным камнем и с тревогой смотрел на него.

Ба-бах! Ба-бах!

О, Боже! Пуля попадёт в ребенка. Прячься, дитя! Прячься! Враг убьет тебя, если заметит. Торопись! Ага, спрятался. Сколько дней он пробудет там? Без еды и питья... А что потом?

– Гляньте, тут ребенок, товарищи, ребенок! – взволнованно крикнул кто-то.

Малыш был без сознания. Они взяли его на руки и унесли. Куда они его унесли? Кто этот ребенок? Кто? Кажется, он знал его.

Это ты. Внутренний голос подсказывал. Я? Я тут. Ты не тут. Ты там. Тебе еще семь лет.

Посмотрел на его ноги и руки. Маленькие детские ручки. Вздрыгнул.

С нервной опаской обернулся и посмотрел на большое зеркало, стоящее в углу. В зеркале видел девяностолетнего мужчину. А куда делся тот малыш? Только что он был там, я видел. Стоял с широко открытыми от страха глазами.

Это был он. Его детство.

Последние несколько дней малыш неотступно следовал за ним. Как только он закрывал глаза, грохот автоматной очереди тут же прорезал его уши. Бежали. Куда они бежали? Уносили ноги, оставив свои теплые дома, кота Сары, пса Алабаша, петуха Марджан и стельную корову с детёнышем в чреве. Тех, кто бежал, убивали. Бабах! Крики людей, боли беременной матери. Падала наземь, схватившись за живот. Змееподобно корчилась от боли. Затем крики его новорожденного брата. Какой это был замечательный младенец... Улыбнулся. У него теперь был брат. Должен был расти. Он бы читал ему сказки. Сказки о разбойниках. Разбойники убивали людей. Внезапно младенец исчез. Люди с безобразными бородами схватили его и закололи штыками. Чем провинился грудной малыш? Почему они не дали ему вырасти?

О, Боже! Он закрыл глаза и заткнул уши. «Убирайтесь! – крикнул он. – Не подходите ко мне! Оставьте меня в покое!» Стало бы спокойно?

Порой прошлое тяжело, как камень. Оно впитывается во всё тело и душу, когда о нём вспоминаешь. Поэтому он и не хотел вспоминать. Уже 85 лет как он похоронил эти дни в своем сердце. События, произошедшие на его глазах восемьдесят пять лет назад, всплывали в ночных кошмарах и мучили пожилого профессора.

***

Доктор Фахреддин Тюркелли, которого мы называем «профессором», на протяжении многих лет занимался хирургической деятельностью. Он был очень талантливым и образованным врачом. Несмотря на преклонный возраст, к нему вновь обращались во время серьезных операций. С большим энтузиазмом он учил молодых врачей тому, что знал. Ростом выше среднего, он был темнокожим, с густыми бровями и слегка полноватым телом. Прямо под носом носил тонкие, густые усы. Это придавало его лицу необычный вид, заставляя его выглядеть моложе своего возраста. Временами его седые пышные волнистые волосы, зачесанные назад, падали на лоб, как «непослушные дети», и резким движением головы он откидывал их назад. Имел привычку слегка наклонять правое плечо при ходьбе. Когда он говорил, он поднимал брови, и глубокие морщины, оставленные годами на его лбу, выдавались еще сильнее.

Его жена умерла много лет назад. Его четверо детей со своими семьями жили отдельно и часто навещали его. У него было большое сердце. Последний год он провёл в постели под присмотром сиделки.

Его предки были выходцами из Шамахи – знаменитый род Эфендиевых. Из этого поколения вышли многие врачи, общественные деятели, ученые.

Детство он также провел в Шамахе. Ещё ребенком он слышал от бабушки рассказов об армянских дашнаках, а впоследствии стал живым свидетелем тех событий. Обо всём этом он периодически делал заметки. Но того, что он не успевал записывать, было больше.

В последнее время ему было сложно писать из-за болей в ногах и сердце. Лежа в кровати, он брал ручку и переписывал на белый лист то, что оставалось сокрытым в самых отдаленных частях его памяти. Затем стало ещё сложнее. Он затруднялся держать ручку. Он решил, что ему нужен грамотный писатель, способный терпеливо выслушать его. Спросил знакомых и нашёл. Пригласил писательницу и рассказал ей о своей жизни. Попросил ее зафиксировать на бумаге его воспоминания.

– Я больше не могу писать. Чувствую, что моей жизни пришел конец. Я не хочу, чтобы эти воспоминания ушли со мной в могилу. Запиши, пусть последующее поколение прочтёт и узнает. И ещё, у меня к тебе есть просьба. Хотя моим детям не нравится эта идея. Они полагают, что я не выдержу и умру по дороге. Пожалуйста, есть один человек, отвези меня на его могилу в последний раз. Но не говори ничего моим детям.

Писательница сначала не согласилась.

– У вас неважное самочувствие, доктор, – сказала она. – Нам придётся ехать около двух часов. И почему в последний раз? Только Бог дает и забирает жизнь.

– Нет, дитя моё, Азраил часто предстает перед моими глазами, велит проститься с родными. Моё время настало. Мне пора уходить. Я молил Бога дать мне немного времени, чтобы я мог повидаться с ним. Прошу тебя, не отказывай мне, отвези меня туда.

Писательнице ничего не оставалось, как согласиться. Она заказала машину на следующий день.

Пожилому профессору, и без того замученному бессонницей, было сложно уснуть. Он чувствовал боли в сердце. Опираясь на трость, он еле привстал, накапал в воду 40 капель «Корвалолола», стоявшего на маленьком столике рядом с ним, и выпил. «Ах, старина Фахреддин! Было время, когда ты летал туда, как птица. А что теперь? Сердце не слушается? А ты сходи туда ему назло! Ведь ты её очень любишь. Всем сердцем и душой!» Он посмотрел на фотографию своей покойной жены на стене. «Прости меня, Наргиз! Я больше не пойду. Это последний раз. Скоро я приду к тебе».

Наутро еле поднялся. Хоть и без аппетита, съел завтрак, приготовленный сиделкой. Затем положил на язык две маленькие желтые таблетки и запил их водой.

Он положил коробочку в карман. Подумал, что лекарство может пригодиться, если в дороге его состояние ухудшится. Ему не хотелось огорчать писательницу. Писательница явилась в назначенное время. Старик привстал, опираясь на трость, а затем на писательницу, подставившую плечо. Они медленно вышли из комнаты.

Уже на первой ступеньке лестницы он почувствовал, как затряслись колени, но не подал виду. Держась за руку писательницы, он осторожно спустился по ступенькам. Дошли до первого этажа, когда у него началась одышка.

– Подожди немного, передохнем...

– С вами все в порядке? – писательница беспокойно смотрела на его бледное лицо.

– Всё хорошо.

Они вышли во двор. На свежем воздухе ему стало легче дышать:

– Ох, какая прекрасная погода! Целый год я был приговорен к постели...

Он поднял голову и посмотрел на небо. Погода была пасмурной. Кучевые облака затянули небо, словно женщины в черных платках, идущие на поминки. Кажалось, они вот-вот заплачут.

С помощью водителя они посадили профессора на заднее сиденье автомобиля. Она и сама села рядом. На улицах былолюдно. Машины выстроились в ряд, как спичечные коробки. Отовсюду доносился оглушающий шум сигналов.

Кое-как миновали колонну автомобилей и направились в сторону Хырдаланской дороги. Фахреддин глубоко вздохнул. Пробки его душили. Автомобиль выехал на трассу Баку-Шамаха. Они проехали Сулутепе.

В пути он торопил водителя.

– Пошустрее, сынок. Если вдруг умру в дороге, моё желание останется неисполненным, – сказал он.

– Не дай Бог, доктор. Слава Богу, выглядите молодцом, – ответила писательница.

На самом деле она только подбадривала. Старик выглядел неважно. По пути она просила Бога довезти мужчину и вернуть его в Баку в целости и сохранности. Писательница рисковала.

Вся жизнь состоит из рисков. «Чему быть, того не миновать», – думала она. Ей тоже было интересно. Она собиралась написать о событиях, в которых сама поучаствовала.

Водитель прибавил скорость, и новые постройки вдоль дорог стали пролетать мимо. На смену домам пришли горы. Серые горы без растительности.

«Господи, почему эти горы такие лысые? – подумал врач. – Когда-то зелень на них ослепляла. Эх... О чём это я? Нынче не только голова, но и сердца, и души людей облысели, что уж говорить об этих старых горах...»

Фонарные столбы, стоявшие вдоль дороги длинными рядами, издали походили на людей в пальто, навешанных на веревку. Одно за другим мелькали великолепные вечнозеленые деревья. С юных лет он любил листву. Он часто проводил время на природе, часами наблюдая за созданной Богом красотой.

– Эх-х... – глубоко вздохнул он. – Целый год я был лишен этой красоты. Врачи приковали меня к постели.

– Ей-богу, вы правы, – поддержала писательница. – В наше время к врачам лучше не попадаться.

Она вдруг вспомнила, что человек рядом с ней тоже был врачом.

– Простите, доктор. Вы не в счёт. Таких опытных и ответственных специалистов, как вы, очень мало.

Фахреддин улыбнулся. Хоть он ничего не ответил, слова писательницы его тронули.

Он вспомнил годы, когда работал врачом. Он всегда говорил своим пациентам: «Старайтесь не болеть. Много гуляйте, занимайтесь спортом, разминайте ноги, чтобы в них не копилась соль. Обращайте внимание на диету. Не нагружайте желудок, почки и желчный пузырь. Человеческое тело как конструкция, держащаяся на одном гвозде. Если гвоздь выдернуть, то тело потеряет способность жить и, подобно конструкции, разложится, рассыплется и погибнет».

– О чём вы думаете?

– Вот, доченька, как же быстро прошло время...

– Вы о чем-то жалеете?

– Поверь, ни о чём не жалею. Просто жизнь проходит в мгновение ока. Мелькает в глазах и исчезает.

Писательница где-то читала, что мудрые люди желают жить долго только в том случае, если жизнь наполнена смыслом. Этот человек прожил насыщенную жизнь. Достаточно того, что он написал для будущего поколения.

– Что думаешь ты, доченька?

– Я бы хотела, доктор, чтобы все жили, как вы, любили эту землю, эту Родину, как вы. У вас столько книг и статей! В начале прошлого века вы в детстве пережили много боли и страданий, стали свидетелем преступлений армян против этого народа...

– Да... Я видел много зверств, совершенных армянами. Я обо всём этом написал. Об остальном напишешь ты. Пусть наша память хранится. Сколько беженцев повидала эта страна!

Он сделал паузу.

– Помню, как сейчас: мне было семь лет, когда мы бежали в первый раз. Но я всё отчётливо помню. Армяне истребили целый народ. Эта рана неизлечима, доченька. Народ не должен этого забывать!

Тяжело вздохнул. Поднял брови. Морщины на его лбу утроились, и внезапно он стал похож на тысячелетнего старика.

– Армяне снова нарушили режим прекращения огня. Еще один наш солдат погиб, – присоединился водитель к разговору, глядя на них в водительское зеркало.

– Да... слышал вечером. В новостях.

– Ей-богу, доктор, извините за выражение, но они совсем озверели, – добавил молодой водитель. – Мы должны их раздавить! Они засели на нашей исконной земле. Вы прекрасно знаете, что у них бы никогда не хватило духа, если б не русские. Люди стали беженцами на собственной земле. Мы должны их выгнать!

– Всё верно, сынок, – сказал доктор.

– Без войны не обойдется, – добавила писательница. – Сказав «кыш», не выгонишь свинью из хлева. Они тоже не уйдут. Таких случаев в истории было много. Разными уловками они забирали наши земли и не отдавали.

Водитель посмотрел на неё через зеркальце.

– Конечно, война неизбежна, ханым! Мне 22 года, я служил там, на границе. Они стреляли каждую ночь, каждую ночь! Как долго мы будем слышать новости о погибших во время прекращения огня? Если начнётся война, я лично пойду первым! Чем я лучше погибших? Кто такие армяне, чтобы жить и господничать в Шуше и Карабахе?! Где наша честь?

Водитель хлопнул ладонью о ручку двери автомобиля.

– Молодец, брат! – сказала писательница. – Такие достойные молодые люди, как ты, и освободят нашу землю.

– Мы обязаны! Нам хватит одного приказа. Мы выгоним этих, простите, тварей, как собак!

Слова водителя взволновали врача.

«Хорошо, что у нас есть такая молодежь. Да хранит вас Бог!»

– Как тебя зовут, сынок?

– Меня зовут Орхан.

– Дай Бог прожить тебе сто лет, Орхан. Теперь я могу умереть спокойно и ни о чём не тревожиться, – сказал врач.

– Дай Бог вам здоровья, доктор. Надеюсь, вы застанете эти дни, – сказала писательница.

Доктор был хорошо знаком с её творчеством. «Эти писатели и поэты очень чувствительны. Они принимают все близко к сердцу».

Он тоже искусно владел пером, мог распознать эту боль. «Водитель прав, надо скорее прогнать этих тварей! Время идёт...», – думал Фахреддин.

Водитель нажал на маленькую кнопку радио. Певица Азерин пела: «Мы поднимем флаг Азербайджана над Карабахом!»

О, Боже! Как чудесно! Доктор был тронут. Эта песня пришлась ему по сердцу. Очень вовремя она прозвучала. Надо же, сегодня всё в его удовольствие!

– Дай Бог, поднимем! – воскликнули одновременно писательница и Орхан.

– Дай Бог!

«Светлая память Ахмаду Джаваду! – подумал доктор. – Сто лет назад ты написал: *Мы повесим над Тураном флаг Великих Тюрков!* Откуда б ты знал, что наш Карабах оккупируют после тебя? Если бы ты жил, ты бы так и написал...»

Он вновь стал вспоминать прошлое.

В одной из старых книг он прочёл:

Делай врагу столько уступок, сколько будет выгодно продвижению твоих дел. Не позволяй многого, чтобы тебя не считали трусом. Примером этого может служить палка, установленная вертикально перед солнцем. Если её немного согнуть, то её тень увеличится, если оттянуть, то тень укоротится. Война очень опасна, особенно после поражения. Тот, кто слепо ввяжется в такие дела, будет подобен каменотёсу, постелившему себе место перед бурным течением реки.

Столько лет длится перемирие. Но, как сказал Орхан, продолжают поступать вести о погибших. Наши земли находятся под оккупацией. Единственный выход – война. Правда, некоторые советуют избегать войны и не проливать кровь. Но когда побег хуже смерти, смысла бежать нет. Это уже дело чести. Война неизбежна. Мы терпели 20 лет. Сколько ещё можно терпеть? Терпению тоже есть предел. Я не увижу победу. Жаль, не доживу. Пусть хотя бы наши дети и внуки гуляют по тем местам. В Шуше, Кельбаджаре, Лачине, Губадлы, Джебраиле, Физули, Агдаме, Зангилане, Ханкенди, Ходжалы... Несчастный Ходжалы. Наше самое больное место. В ту ночь они истребили нацию. Это называется геноцидом. Нужно обязательно отомстить!

– Приехали.

Голос писательницы вернул его в реальность. Он вздохнул.

– Больно спешат часики времени. Разве мы не только что выехали из Баку? Может быть, время летит, когда ты стареешь? – он выговорился.

– Это не часики времени, доктор, это мы спешим.

– Да, с этим я согласен.

Водитель помог профессору выйти из машины. Писательница протянула ему красивую и необычную деревянную трость, на которой было выгравированы небольшие изображения флагов Азербайджана и Турции с узорами в виде буты. Это придавало трости особый вид. Её подарило врачу посольство Турции в прошлом году. Врач всегда отмечал, что в старости человеку становится трудно ходить. Этот посох – как третья нога.

Он стоял, опираясь на трость правой рукой, и тяжело дышал.

Это место в Шамахе называлось Аджыдере. «Ты стал свидетелем стольких бед, что... тебя называли Аджыдере».

Он осмотрелся. Боже, какая красота!

Писательница заметила румянец и бодрость на лице старого профессора. Она была ошеломлена. Ещё несколько мгновений назад она молила Бога, чтобы довести этого человека в целости и сохранности...

Она поняла. Когда человек достигает своей мечты, его лицо преображается. На лице старого профессора тоже искрились признаки счастья.

Он медленно сделал несколько шагов.

– Мне тоже идти? – спросила писательница.

– Нет, не надо. Я пойду один, – сказал врач.

Дойдёт ли он?

Когда он, постукивая тростью, пошёл по прямому широкому гладкому пути, отвлечённому от главной дороги, писательница еще раз стала свидетелем того, как приятное воспоминание приободряет человека и дарит ему жизнь. Старый профессор, казалось, бежал. Легкий ветер тормошил его седые волосы и разбрасывал их по лицу, но врач не обращал на это внимания. «Скорей бы мне дойти!» – думал он.

У дороги, общей длиной в пятьдесят метров, был посажен ряд деревьев. На деревьях шелестела молодая листва, в воздухе пахло весной. Доктор продолжал вдыхать этот прекрасный аромат. Вокруг было тихо. Лишь гул проезжающих машин да стук трости нарушали эту тишину.

В конце дороги стояла единственная могила.

Он осмотрелся. Возвышающиеся на горизонте горы стояли в ряд, как люди, держащиеся за руки в хороводе. В детстве Фахреддин ходил по этим горам вдоль и поперёк.

Всё было зелено тогда. Теперь это выглядело как мираж. Этот мираж, напоминающий пшеничное поле, раскинувшееся волнами под дуновением ветра, слепил глаза. Ох! Как тут красиво!.. Какое прекрасное зрелище! Какое дивное спокойствие! Оно как бальзам на душу!

Душа его, долгое время находившаяся в беспокойстве, постепенно обретала мир.

И вот он стоял у могилы, о которой грезил несколько дней. «Господи, спасибо, что Ты нас свёл!»

Он был очень счастлив в этот момент...

– Я пришел к тебе в последний раз, – прошептал он, – мой спаситель, мой паша! Если бы не ты, меня бы уже давно не было в живых!

Он посмотрел на великолепное надгробие.

– Мой brave турецкий солдат! Мой командир! Да наградит Господь тебя раем!

Он прикоснулся лицом к могильной плите. Старый профессор хотел продлить эту последнюю встречу как можно дольше.

Восемьдесят пять лет он ходил по этому пути.

Две капли слез скатились по его щекам.

«Прости меня, мой паша! Мне жаль, что я не смогу приехать снова. Это мой последний визит. Я поручил своему внуку Мамеду – он носит твоё имя и имя моего отца, – когда он вырастет, он вместо меня будет навещать тебя каждый год. Покойся с миром, мой Мамед, мой Мехмет. Нам никогда не отплатить вам долг. Если б не вы, то и этого народа не было бы. Жизнь дал Бог, но ею мы обязаны и вам!» – прошептал он.

Легкий ветерок коснулся его плеч. Была ли это душа Мехмета?

Над его головой развевались два красных флага. Вместе с флагами влево и вправо покачивались седые волосы профессора.

Повторилась бы в мире вновь эта сцена?

Он посмотрел на два развевающихся вместе флага. Турция – Азербайджан! – «Одна нация, два государства!»

Как красиво сказал наш лидер!

Он положил букет красных гвоздик на могилу.

«Я скоро приду к тебе, туда, – сказал он. – Если повезет, мы встретимся там. Я так хочу тебя увидеть... Прошло столько лет... сколько времени».

Послышался стон. Голос доносился со стороны гор. Обернулся. О, Боже! Ребенок, которого он видел вчера, был там. За серым, зазубренным камнем у подножия горы. Там была круглая выемка. Временами он высовывал голову и в ужасе оглядывался.

Ба-бах! Ба-бах!

Шум выстрелов оглушал.

– Прячься, малыш, прячься! Эти негодяи никого не щадят. Они убьют и тебя.

Ребенок пропал. Куда он делся?

– Приди в себя, Фахреддин! Этот ребенок остался в прошлом. Кажется, я схожу с ума. Боже, не дай мне опозориться на старости лет. Подари мне легкую смерть. Я не хочу разочаровать писательницу!

Послышался шорох. Маленький мальчик снова здесь. Да, это он сам. Но чего он боится? Почему не выходит? Почему он не подойдет к Фахреддину? Он вспомнил. Малыш был сильно напуган. Как он мог забыть те годы?!

За одну ночь армянские бандиты на его глазах безжалостно расстреляли его близких...

Это был 1918 год. Фахреддину тогда было семь лет. Все звали его Фахи.

Село Адналы, где родился маленький Фахи, находилось за этими горами, примерно в семи километрах от Шамахи.

Из города в деревню было два пути. Один пролегал через горы. Узкие дороги, словно плющи, обвивали горы и тянулись к деревне. По этим дорогам можно было спуститься на лошади или телеге и войти в деревню.

Из центра в деревню была и главная дорога. Но поскольку горная дорога короткая, население чаще пользовалось ею. Они возили в город товары на телегах, лошадях, иногда пешком и обменивали их на продукты или деньги. Жители села занимались в основном земледелием, виноградарством и животноводством, обрабатывали землю до позднего вечера, зарабатывая на хлеб. Рядом протекала река Аджычай. Но, вопреки названию, вода в реке была пресной. В летние месяцы люди приносили свою одежду, стирали ее в реке, проводили оттуда воду для полива урочья.

Фахи часто ходил купаться в реку со своими друзьями. Он очень любил это занятие.

Фахи был шустрым удальцом... У него были черные густые вьющиеся волосы, смуглое лицо, черные блестящие глаза и длинные ресницы. Он ни на минуту не стоял на месте. Вечерами скакал на коне из одного конца двора в другой.

Фахи и его друзья часто поднимались на гору возле их дома, собирали щавель, крапиву, козлобородник, татарник, пастушью сумку, мать-и-мачеху, портулак, словом, все, что попадалось под руку, а потом садились в круг. Фахреддин доставал из глубокого кармана широких брюк завернутую в бумагу соль и держал ее в ладони. Дети посыпали собранные растения солью, растирали в ладошках и с удовольствием ели. Его бабушка Алмаханым говорила, что эти травы – лекарство от всех недугов; кто больше их съест в детстве, тот будет здоров, когда вырастет. Еще его бабушка говорила, что у того, кто чаще будет смотреть на зелень, будут самые зоркие глаза. Эти слова запомнились ему. Поэтому время от времени он зазывал детей на гору.

В этом году его отдадут в сельскую школу. Он был очень умным ребенком. Так утверждала его мать Гюльбута. Слова матери вдохновляли малыша и вызывали большой интерес к учебе. Его дедушка также купил ему ручку. Поскольку у его матери было кое-какое образование, она учила сына писать, когда у нее было время.

В те дни жители села были сильно напряжены. Ходили дурные вести. Он услышал, как бабушка рассказала об этом его матери. Приезжие армяне, которых они так тепло приняли, требовали у них землю со словами: «Уходите, это наша земля». У них было оружие, и они формировались в банды. Несколько лет назад они напали на мусульманскую деревню, где причинили людям много страданий и утопили людей в колодце. Хотя бабушка шепталась об этом с его матерью, маленький Фахи их услышал. Он сначала не понял. Он часами стоял у крытого колодца во дворе и пытался представить себе это событие. Он был умным ребенком. Он всё понял. По словам бабушки, за ними стояли, иначе кто такие армяне?!

– Что это значит, бабушка?

– Господи, Боже мой... Ты-то откуда взялся? – вздохнула бабушка. Затем она пояснила ребенку. Она подумала, что лучше ему знать обо всём сейчас. В любом случае ситуация не очень хорошая. Если с нами что-то случится, пусть эти дети знают правду и не растут в неведении. Алмаханым была удивительной женщиной. Она знала о многом. У неё было предчувствие, что скоро снова может случиться что-то ужасное. Она строго велела ребенку нигде ничего не говорить во избежание проблем. «Везде полно информаторов. Поглядим, что с нами станет. У этого народа хлеб на коленях», – говорила она.

Фахреддин с детской наивностью представил себе людей с хлебом на коленях.

– Почему они кладут хлеб на колени? – спросил он у бабушки.

И его бабушка, и его мать засмеялись.

– Это выражение такое, милый Фахи, пословица. Оно дошло до наших дней от наших дедов. Так называют людей, которые не помнят добра, которые просят, умоляют, когда им что-то нужно, а потом отворачиваются, забыв все хорошее. Ясно, свет очей моих?

– Ясно, бабушка.

После этого Фахреддин подбегал к псу Алабашу и коту Сары, подзывал и играл с ними. Ему нравилось убегать от пса и чтобы тот его догонял. Фахи смеялся. Присаживался, если уставал. Затем зазывал цыплят. Куры хлопали крыльями и окружали Фахреддина, а петух Марджан расправлял крылья и ходил вокруг кур. Курица-наседка, услышав позывные, также прибежала со своими желтенькими кругленькими цыплятами. Она обшаривала землю и найденные зернышки скармливала своим птенцам. Всё это зрелище очень нравилось Фахреддину. Он был счастлив, когда бросал цыплятам крошки хлеба. Бабушка говорила ему: «Если найдёшь хлебные крошки во дворе на земле, подбери, поцелуй, приложи к глазам, а потом бросай цыплятам. Хлеб – это святое. Некоторым людям нечего есть».

Отец Фахреддина Мамед, его дядя Ярмет и муж тети Товуз Ислам записались в добровольческий отряд, сформированный в регионе два месяца назад. Из центра донеслись вести, что ситуация в Баку, Гяндже, Нахчыване и Шуше необнадеживающая. Армяне вновь что-то замышляют. Пришло время создавать добровольческие отряды. Все избранные молодые люди села, умело владевшие оружием, зачислились в армию. Это была храбрая молодежь. У каждого из них хватило сил и мужества дать отпор целому отряду врага. Так писал в письме его отец Мамед. Все дети, чьи отцы были солдатами, в том числе и маленький Фахреддин, гордились своими отцами и хвастались перед теми, чьи отцы не числились в армии.

После ухода отца и дяди все бремя семьи легло на плечи деда Ахмеда. Ахмед был мужчиной с твердым характером. Высокий, с густыми бровями и усами, темной кожей и орлиным взглядом, он всегда ходил в папахе, наклоненной низко ко лбу, носил хромированные сапоги с длинными отворотами. Даже в этом возрасте он был подвижным, целыми днями ездил верхом. Все называли его «храбрым Ахмедом». Всегда говорил всё в лицо и никогда не повторялся. Не только в селе, но и во всём городе пользовался большим уважением и почетом. От мала до велика, все в области его уважали. Пользовался большим авторитетом.

У Ахмеда был конь. Очень красивый... Его янтарно-русая грива колыхалась и сияла на солнце. Кличка этого грациозного животного была Сарытель. Его ещё жеребенком привезли из Карабаха специально для Ахмеда. Он с любовью и заботой растил своего коня. Они были очень привязаны друг к другу. Видя коня издали, жители деревни узнавали наездника, старика Ахмеда. Женщины прикрывали лица платками и прятались.

Ахмед пользовался таким уважением во всём округе.

Маленький Фахи очень любил своего дедушку. Он спал с ним по ночам после того, как отец ушёл в армию. Фахи хотел вырасти, чтобы ездить на коне и ходить на охоту, как его дедушка. Дед иногда брал его с собой на охоту, чтобы тот приучился с ранних лет и не был простофилей.

Фахи вспомнил, что еще несколько лет назад дома все называли его Тошу. Раньше он думал, что это его имя. Однажды сельские дети собрались вокруг него и спросили, какое у него настоящее имя?

– Тошу, – ответил он. Дети засмеялись, мол, что это за имя такое. Фахреддин сломя голову прибежал домой и спросил у матери, разжигавшей печку: – Как меня зовут?

– Святые угодники! А разве ты не знаешь своё имя? Ты – Тошу.

– Что это за имя такое, Тошу?

Гюльбута улыбнулась и погладила сына по голове.

– Это мы тебя так ласково называем. Твоё настоящее имя Фахреддин.

Ребенок удивленно посмотрел на мать.

– Что, дорогой? Тебе не понравилось?

– Нет, не хочу. Это длинное имя. Тошу намного лучше.

– Но ведь Тошу – это не имя.

– Тогда почему ты называешь меня Тошу?

Гюльбута растерялась и не знала, что в этот момент ответить сыну. Она залила в печь немного керосина, который держала в руке, и чиркнула спичкой. Печь тут же с треском разожглась. Гюльбута сняла крышку с середины печи и поставила на горящий огонь заранее приготовленную кастрюлю с мясом. Она села на застеленный немного в стороне ковер с разноцветными узорами, взяла сына на руки и погладила черные кудри, падающие ему на лоб, затем прижала к себе и поцеловала в обе щеки.

– Мой умный сыночек, Фахреддин – имя твоего прадеда. Когда-то он был одним из самых известных людей в Ширване. Его называли «храбрый Фахреддин». Он всегда помогал бедным, был грозой плохих людей. Воры и бандиты искали, где спрятаться при виде его. Он не давал житья армянским головорезам. Когда армяне убивали наших, твой прадедушка сформировал отряд и защищал наши земли. И ты носишь его имя, понял?

Фахреддин кивнул. Он вырвался из объятий матери и выбежал во двор. На другом конце двора бабушка Алмаханым сидела в тандырной и сбивала масло. Фахи подбежал к ней.

– Что случилось, свет очей моих? – спросила Алмаханым.

– Бабушка, а правда, что мой прадедушка Фахреддин был храбрецом?

Старушка улыбнулась и, убрав одну руку с маслобойки, дотронулась до груди внука.

– Дорогой ты мой, свет очей моих! Твой прадед, мой тесть был человеком известным не только в этом селе, но и во всем округе. Когда случалось торжество или, не дай Бог, какое-то несчастье, люди приходили к нему за советом. Они знали, что твой прадед был честным человеком, всегда отстаивавшим справедливость. Он всегда носил с собой пистолет. Когда армянские разбойники видели его издалека, они тряслись от страха. В то время он воспитал и вырастил множество сирот, родители которых были убиты армянами. Эх... скольким детям он дал образование. Он говорил, что будущее нации за наукой и грамотностью. Образованный человек может хорошо и правильно мыслить. Так говорил твой прадед. Он был строгим, но в то же время очень мягким и благородным.

Фахреддин выскочил из рук бабушки и устремился на улицу, а оттуда на склон горы к деревенским детям.

– Эй, Газанфар, Мустафа, Идрис... – крикнул он детям, – идите скорее сюда!

Дети тут же собрались вокруг него. Фахреддин рассказал им то, что услышал от матери и бабушки. Ребята слушали его с открытыми ртами. Они воображали этого воинственного, смелого и мужественного человека.

Таким образом, ему полюбили его имя. Каждый день он рассказывал своим друзьям множество историй о своем прадеде. Некоторые факты он выдумывал сам. Дети слушали его с открытыми ртами.

После этих рассказов никто его больше не называл Тошу.

В деревне было правило ходить раз в месяц пасти скот.

Маленький Фахреддин с нетерпением ждал этого дня настолько, что не мог накануне ночью сомкнуть глаз от волнения.

Бабушка готовила для него хурджун. Она собирала в него все, что могла: йогурт и сливки, соль и сыр, масло, ягоды и фрукты. С утра пораньше дедушка сажал его на коня, и, гоняя перед собой скот, они медленно поднимались на зеленую величественную гору. Фахреддину очень нравилось подниматься на гору верхом на коне. Он сидел на коленях у деда и держался одной рукой за лошадиную гриву. Не каждая лошадь могла подняться на эту гору. Ахмед гладил светлую гриву коня: «Ну, родной, вперед!»

Умное животное тут же устремлялось вверх.

Дед Ахмед лихо спрыгивал с лошади, а затем помогал слезть внуку. Он привязывал лошадь к дереву. Чуть ниже скотина лениво жевала сочную зеленую траву. Фахреддин брал в руку палку и следил за животными. Забавным образом, у Фахреддина, который дома ел немного, тут ещё до полудня появлялся аппетит. Он тыкал деда: «Я голоден». Дед улыбался, гладил его по голове и, отложив в сторону палку, шёл с внуком умываться в родниковой воде. Старик несколько раз подряд плескал себе в лицо ледяной водой и чувствовал, как на душе становится легко. Фахи следил за действиями дедушки и повторял за ним.

Ахмед до краев наполнял небольшой железный бидон родниковой водой.

Они садились на ярко-зеленую траву.

– Садись-ка, Фахи. Давай посмотрим, что твоя бабушка приготовила нам.

Он развязывал нити хурджуна с разноцветными узорами. Тут же всё вокруг наполнялось аппетитными запахами. Ароматы мягкого теплого лаваша, свежесбитого масла, сыра-мотал, гатыга из буйволиного молока, меда, свежей зелени, помидоров, огурцов и зажаренной в тандыре курочки сводили с ума Фахреддина и Ахмеда.

– Вкуснятина! Лучше любого лекарства! – восторгался дед и, сказав «бисмиллах», тянулся за хлебом. – Как говорит твоя бабушка, если накормить этим мертвеца, тот бы ожил. Ешь, Фахи. Будешь здоровым и быстрее вырастешь.

Они ели и с удовольствием запивали глотками прохладной родниковой воды.

Те дни были очень запоминающимися для Фахи. Он с нетерпением ждал этих дней и часто спрашивал: «Дед, когда наша очередь?» «Не спеши, малыш, недолго осталось!» – каждый раз отвечал дедушка.

Вот и настал тот день, которого ждал Фахи.

Завтра их очередь пасти скот.

В воздухе пахло весной. На деревьях во дворах распустились почки, а некоторые даже зацвели. Особенно ощущался аромат цветков абрикоса и персика. Разноцветные бабочки расстилали над цветами свои длинные усы и пятнистые розовые крылья. Пчелы садились на цветки, высасывали сок и разлетались по сторонам. Бабочки и пчелы перемешивались в воздухе. В деревне многие люди держали во дворах ульи. Дед Ахмед держал ульи на вершине горы подальше от детей, а когда приходило время, цедил темно-янтарный мед, который они ели и делились с другими. На завтрак больше всего ели мед. И Ахмед, и жена его Алма знали, что чистый мед – лекарство от тысячи недугов. А ещё чай из шиповника... Лучшее средство для почек и от давления. Поэтому жители деревни, как мужчины, так и женщины, были в то время здоровыми и сильными.

Проснувшись рано утром, Алма надела длинную безрукавку и вышла во двор. Она почувствовала запах фиалок, который ветер доносил прямо с гор. Учувяв аромат, она подумала: «Дождусь мужа с очереди и пойду послезавтра собирать травы, цветы, шиповник...»

Но хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. О, жестокое время! Алма начала готовиться к завтрашнему дню. Ей помогала и невестка Гюльбута.

– Я заскочу в Гурд Ери и вернусь, – сказал дед Ахмед, выведивший Сарытеля из конюшни. – Затем пойду на мельницу.

– Хорошо. Бог в помощь!

Тандырная была любимым местом бабушки Алмы. Её муж создал для нее здесь все условия. Это была летняя кухня Алмаханым. Она пропадала здесь часами, готовила и делала заготовки на зиму, в том числе различные варенья, джемы, компоты, соленья. А когда уставала, садилась на ковер на полу и прислонялась спиной к кирпичной стене, нагретой печкой. Вся её усталость моментально снималась. Она вновь вставала и продолжала работать. В жаркие летние месяцы они не поднимались наверх и ели всей семьей в тандырной.

Бабушка Алма просеяла муку и замесила тесто в большом тазике, затем вернула его и оставила подходить. Она разожгла огонь во дворе под большим ореховым деревом. Расставив по краям два кирпича, она принесла садж и осторожно положила на раскаленные угли. С нетерпением ожидавший завтрашний день Фахреддин присел рядом. К нему тут же примкнул кот Сары. Фахреддин погладил шелковистую желтую шерсть кота. «Мой хороший котик, я тебя люблю!» – сказал он. Кот от умиления сомкнул глаза. Тепло огня и дружелюбие людей опьянили кота. Птицы, куры, индюки и петухи тоже почуяли запах и подбежали к ним. Фахреддин забросал их хлебными крошками и зерном. Птицы, не теряя времени, принялись клевать. Петух громко прокукарекал.

– Бабушка, что говорит петух?

– Он говорит: «Спасибо, Фахи. Ты дал нам зерно. Мы были голодны, ты нас накормил».

Фахреддин обрадовался этим словам и бросил птицам ещё зерна.

На другом конце двора Алабаш, сидевший на цепи, заскулил, будто хотел сказать: «Возьмите меня к себе, я тоже хочу к вам».

– Эй, дед, ты покормил пса? – Алмаханым обратилась к деду, дошедшему до ворот, и указала головой на Алабаша.

– Покормил, хозяйка. Покормил и напоил. Не волнуйся. Вы продолжайте, я скоро вернусь.

– Иди, дед, да поможет тебе Бог! Не забудь про муку.

Старик кивнул и вышел за дверь. Алма поджала одну ногу под себя и вытянула другую, чтобы расслабиться. Она взяла один из комков подошедшего теста, поставила на доску и начала раскатывать. Уже через миг тесто было раскатано тонким слоем. Фахреддин всегда сравнивал эти листы теста с платками своей матери.

Бабушка Алма брала раскатанные листы скалкой, перекладывала на садж и переворачивала их по нескольку раз. Так, за короткое время лепешки были готовы. Бабушка складывала готовые лепешки на небольшой столик, а Гюльбута опрыскивала их водой.

Гюльбута была беременна вторым ребенком. Вернее, третьим. В прошлом году трехлетняя Гюльтадж умерла от лихорадки. Сколько за неё ни боролись, всё было тщетно. Очаровательная Гюльтадж навсегда закрыла свои глаза. Этот случай очень расстроил маленького Фахи. Он всегда играл с сестрой, гулял с ней по большому двору. Теперь он остался один. Ему сказали, что отец купит ему нового малыша, чтобы ему не было скучно. Он с нетерпением ждал этого дня и часто спрашивал:

– Ну, что? Почему вы не купили мне ляльку?

– Не спеши, детка! И как ты только просидел девять месяцев в животе у матери? – говорила бабушка.

Маленький Фахреддин задумался. Позже он понял, что малыш еще находится в утробе матери, ему предстоит просидеть там девять месяцев, а когда время придёт, он посетит этот мир. Фахреддин часто клал руку на живот матери и ждал появления на свет ляльки. Бабушка сказала, что ребенок скоро родится. Фахреддин был счастлив. Он больше не будет одинок, у него тоже будут братья и сестры, как у других детей.

Бабушка Алма тщательно подготовилась к появлению своего будущего внука. Она купила всё, от сосок до маленьких детских носков, а также заказала вязаные шерстяные рубашки. Она также отправила весточку Набат, считавшейся акушеркой села, чтобы та никуда не уезжала, так как скоро время её невестки. Наблюдая за походкой невестки, Алма думала: «Совсем разбух её живот – будет мальчик».

Дед Ахмед ещё не вернулся. Уходя утром, он сказал, что заскочит в Гурд Ери, а оттуда пойдёт на мельницу. С тех пор прошло несколько часов, а от него нет никаких вестей. Бабушка Алма всё следила за воротами.

«Где же дед? Бог ему в помощь. Он должен был уже вернуться. Что же стряслось? Возможно, заболтался там с людьми».

Хотя бабушка Алма и утешала себя, в душе она тревожилась. Она слышала, что армяне беспредельничали в Баку, жестоко убивая детей и стариков. «Не дай Бог этим мерзавцам дойти досюда», – проклинала она.

***

Что происходило в Баку? Почему бабушка Алма опасалась, что разбойники могут дойти и до их села?

Она хорошо помнила о том, что произошло ещё несколько лет назад – в 1905 году. В то время произошли «армяно-мусульманские» стычки и погромы. После того, как всё успокоилось, они по-прежнему, как ни в чем не бывало, дружили с армянами, жившими по соседству. Хачатур и его жена Маро часто заходили к ним. Дед Ахмед принимал их тепло. Соседям-армянам очень нравились долма, бозбаш и плов. «Твой плов – лучший, сестра Алма», – говорил Хачатур. Они обожали хлеб, запечённый в тандыре. «Алма-джан, какой чудесный аромат у этого хлеба, – говорили они. – Что ты в него добавляешь?» «Ничего не добавляю, – говорила Алма. – Это собственный аромат зерна».

Однажды Хачатур обратился к жене:

– Маро-джан, смотри и тоже научись.

Сколько Маро ни старалась испечь такой же хлеб, как у Алмаханым, у неё не получалось. Вкус был совсем не тот.

– Вот, Хачик, та же мука, та же печь. Не пойму, почему у меня не получилось.

Хачатур пожал плечами. Позже Маро поинтересовалась у Алмаханым, та засмеялась и пояснила: «Сестра Маро, каждый готовит по-своему вкусу».

Бабушка Алма раскатывала тесто и думала, предадут ли армяне их и на этот раз. В прошлый раз они сделали это. И Хачатур, и его жена, и брат его жены Мкртыч вели себя с ними грубо. Они плюнули в колодец, из которого пили, и вели себя похамски, причем на чужой земле. Они оправдывали своих армянских националистов. «Они ничего не сделали. Наоборот, это вы, турки, нас убивали...».

Эти слова пронзили сердце Алмаханым, как нож. На её глазах армянские головорезы загнали людей в сарай и сожгли их заживо. «Это очень неблагодарный народ, пакость у них в крови... А если кровь нечиста, то и голова никогда не будет работать нормально».

Бабушка Алма задумалась.

Армяне позже извинились, но ни Ахмед, ни его родственники, ни население деревни не забывали о том, что произошло в 1905 году.

Это были очень трудные годы. Дед Ахмед все отчетливо помнил. События, свидетелем которых он стал и в селе, и в городе Шамаха, навсегда запечатлелись в его памяти. В Баку, Нахчыване, Гяндже, Ереване, Тифлисе произошло множество погромов, были убиты ни в чем не повинные мусульмане. Ему обо всём было известно. Он знал, что не только в Баку и Нахчыване, но и в сердце Карабаха Шуше, Тебризе и Хорасане, сознательно разжигали «армяно-мусульманский» конфликт. Местное население было вынуждено покинуть свои дома.

Умные люди понимали, что «армяно-мусульманский» вопрос распространялся не просто так. Бабушка Алма всегда спрашивала мужа: «Что мы сделали армянам? Почему они нас ненавидят? Ведь мы предоставили им жилье в лучших местах, несли им лучшую еду. Почему они теперь стали нашими врагами?»

Муж чаще всего молчал. Он не делился тем, что знал, со своей женой. Женщины не умеют хранить секреты. Старик задумался. На самом деле он знал, что семя этого конфликта было посажено давно и успело прорасти.

У него хранилась очень ценная историческая книга.

В прошлом году один друг-поэт из Шамахи на смертном одре позвал к себе Ахмеда, достал из-под подушки пожелтевшую книгу и протянул ему.

– Ты знаешь русский язык, Ахмед, возьми эту книгу, прочитай, и ты увидишь, сколько бед нам причинили эти твари», – сказал он. Потом он настоятельно велел спрятать книгу, никому о ней не говорить, иначе их сослали бы на всю жизнь в Сибирь и уничтожили всех потомков.

Ахмед спрятал книгу в горах, в местечке, похожем на колодец, о котором никто не мог подумать, и забросал его травой.

Однажды Ахмед выкроил время и, убедившись, что никто его не заметил, открыл книгу, прочитал ее и узнал всю правду.

Книга называлась «Полное собрание сочинений». Она была напечатана в 1903 году старой русской кириллицей. Ее автором был Петр Иванович Маленков, работавший директором российского архива с 1728 по 1778 год. Деда Ахмеда особенно заинтересовал один фрагмент из книги. Там было написано: «В 1718 году русский царь Петр Первый начал целенаправленно переселять молочан из России и армян из Ливана на Кавказ. Восемьдесят процентов из них были армянами. Тамбовский губернатор Максим Комар перевез их из Ливана на 6-7 кораблях. За этот героизм царь Петр Первый окрестил Максима Комара «пророком армян»...

Все несчастья начались после этого.

Поселившись на этих территориях, переселенные в Азербайджан армяне начали по установленному плану максимально притеснять местное население. В результате турки были вынуждены покинуть свои земли.

Такова правда. Но кому это можно было доказать? Скорее с тебя сдерут кожу, чем ты что-то кому-то докажешь.

Вот почему Ахмед большую часть времени молчал. «У них есть пушки и те, кто стоит за ними. А что у нас?»

Ахмед был образованным человеком. Он прекрасно владел арабским и персидским, читал древние рукописи. Он знал Священный Коран, читал Низами, Физули, Насими. Не раз перечитывал «Хамсе» Низами. Великий поэт написал много мудрых строк, восхваляющих Бога и Пророка Мухаммеда. Возможно, эти слова заставили Ахмеда полюбить Бога и Пророка еще больше. «Низами – гений», – думал он. Хорошо, что Низами наш. В персидских источниках утверждалось обратное. Но поскольку он читал Низами в оригинале, он прекрасно знал, что тот тюрк.

Читая, путешествуя, беседа с шамахинскими интеллектуалами и мудрецами, анализируя происходящее, он понимал суть событий.

Он знал, что большую часть времени миром управляли и управляют жестокие короли и тираны. Сколько крови они пролили! Сколько ещё прольют? Во имя чего? Почему люди убивают друг друга? Разве они не боятся Бога, что проливают столько крови? Он знал всё, но делиться было не с кем. С кем в эту эпоху можно было обменяться идеями?

Физули писал: *«Я поздоровался с ними, но они не приняли моё приветствие, ибо это не было взяткой...»*

Злодеи обязательно ответят за свои деяния. Об этом писалось и в Коране.

Беспокойство Ахмеда часто сказывалось на его сердце. Он делился своей болью только с Богом, и только в Нём он находил покой.

Он также знал, что быть образованным и осведомленным – это счастье. Трудно жить в этом мире, не приобретая знаний и не творя добра. Подобно тому, как золотые лучи солнца, посланные Богом, освещают землю и дарят жизнь людям и растениям, образование, грамотность и просвещение также проливают свет на души людей и спасают их от тяжкого бремени невежества.

Всегда, по возможности, нужно творить добро и не обижать других.

Те, кто знает эти истины и не следует им, подобны тем, кто знает, что дорога опасна, и не возвращается, и их грабят и обворовывают по дороге. Или они подобны больным людям, которые не отказываются от еды, зная, что она вредна, в результате чего погибают.

Знание, грамотность, чтение, хорошие манеры и искренность нужны человеку прежде всего для того, чтобы быть уважаемым в обществе и не пасть жертвой своих страстей. Человек должен сначала использовать знания и товары сам, а потом делиться с другими.

Умный, мудрый человек должен в начале работы представить себе, что у него получится в итоге, определить, куда он пойдет, прежде чем отправиться в путь. В противном случае, он станет скитальцем посреди дороги и ничего не приобретет, кроме сожаления и страданий. Мудрый человек – это тот, кто учится на опыте своих предков, достойных людей, умеет делать выводы из своих ошибок.

Есть такая пословица: «Нет худа без добра». Мудрый человек способен замечать ошибки и применять достижения других людей в своих делах. Люди, которые идут ложным путем, терпят неудачу изо дня в день, и к тому времени, когда они опомнятся, они уже состарятся и придет время их смерти. Да. Приходит время умирать. Зачастую человек даже не успевает покаяться и обратиться на правильный путь.

Дед Ахмед курил свою трубку и долго размышлял.

Мудрый человек должен смириться с Божьей волей и поверить в Него. Потому что за каждый поступок человеку придется ответить: и за хороший, и за плохой. Когда отпущенное время истечет, люди останутся наедине со своими деяниями. А жизнь очень коротка, как мгновение ока. Сделай так, чтобы потом не жалеть!

Ахмед был не только просвещенным, но и глубоко верующим человеком. Обязательно совершал намаз.

Все хорошие качества очень редко сочетаются в одном человеке. Но Ахмед был именно таким.

Он прочитал все суры Священного Корана, многие аяты знал наизусть.

Он часто перечитывал «Калилу и Димну».

Это была мудрая пора его жизни. Его лихие дни давно прошли. Теперь он больше думал о смерти и загробной жизни, и понимал, что этот мир эфемерен.

Он стал терпеливее и сдержаннее, мудрее. После того, как он пришел к исламу, он больше чувствовал это в себе. «Ислам – прекрасная религия», – думал он. Хотя некоторые муллы и религиозные деятели злоупотребляют доверием людей и сбивают их с пути, но настоящая религия, истинный верующий, настоящий мусульманин совершенно иные.

Он заучил несколько аятов. Он знал, что *«Бог наводит на истинный путь лю-бого, кого захочет»*. Сура Бакара, аят 213. Он читал, что *«Блажен тот, кого Бог на-ставляет на путь истинный. Страдает тот, кого Он вводит в заблуждение»*. Сура Араф, аят 178. И... *«Бог никого не обременяет больше, чем он может вынести»*. Сура Аль-Бакара, аят 286.

И он также знал, что в книге было написано: *«Каждый человек носит свои дея-ния на своей шее. В Судный День мы поставим перед ним раскрытую книгу»*. Сура «Аль-Исра», аят 17.

«Человек должен своими поступками заслужить уважение, – говорил Ахмед своим друзьям и родственникам. – Однажды каждый предстанет перед Богом за свои хорошие и плохие свершения».

Он уважал все религии. Он также читал Тору и Библию и видел, что в этих кни-гах содержатся очень глубокие философские и мудрые идеи.

Часто он думал, что, хотя люди и принадлежат к разным религиям и сектам, Бог один. Един.

Он много знал о жизни Пророка. Чтобы наставить людей на путь истинный, Пророк Мухаммад, как и многие другие пророки, испытал немало страданий.

Он назвал одного из своих сыновей в честь своего любимого Пророка. Эта традиция продолжилась в семье. Его жена, дочь и невестка были людьми верующими. Советской власти еще не было, религия не запрещалась, люди молились.

Дед Ахмед помогал бездомным, неимущим, вдовам и часто делал это тайно. Нашедший ранним утром сверток бедняк очень радовался, считая, что Бог услышал его молитвы. Бог слышит всех, кто молится, и вознаграждает их через кого-то. Ахмед не распространялся о своих добрых делах. Ему не хотелось, чтобы люди знали.

Временами он в одиночестве поднимался на гору, ложился на зеленую траву, смотрел в небо и долго размышлял. Затем он вставал, умывался прозрачной, как слезы, родниковой водой, мыл руки до локтей, обливал водой ноги и голову, расстилал коврик с изображением Каабы на чистую зеленую траву и со словами «Аллаху Акбар» начинал молиться. После намаза он продолжал молиться: «Господи, прости наши грехи! Спасибо Тебе за всё, чем Ты нас одарил! Не отними веру, которую дал!»

Вот и сегодня он прискакал на своем коне к реке Аджычай. Ахмед уселся на большом камне. Он сложил руки на коленях и уставился на бежавшую в реке воду. Что-то внутри него ныло. Дед Ахмед часто сюда приходил. Журчание реки и щебетание птиц радовали его и успокаивали душу. Но ничего не помогало ему избавиться от беспокойства в душе. «Ну, разве может такое быть? Эти твари продажные не дают нам покоя на нашей собственной земле...»

Он был осведомлен о произволе армян и их сборе оружия и боеприпасов. Это был плохой знак.

Он раскинул руки к небу: «Господи! Нет большего судьи, чем Ты. Рассуди этих армянских негодяев по заслугам!»

В 1905-1906 годах дед Ахмед стал свидетелем зверских убийств и сожжений своих родственников и близких. После того, как волнения утихли, они подумали, что впредь все будет хорошо. Но будущего было не предугадать...

Хачатур и его жена, приходя в гости к деду Ахмеду, проклинали виновников этой резни. «Нас тоже всегда заставляли, Ахмед-джан, но мы видим, что вы всегда к нам были добры», – говорили они.

Как и многие, ни дед Ахмед, ни жена Алма не верили в их искренность. Они знали природу подонков, знали, что при первой же возможности эти твари вытворят что-то. «Да будут прокляты те, кто свел вас с нами!» – говорил под нос дед.

Однажды произошла такая история: Ахмед увидел, как его сосед Хачатур точит топор, и подумал, что они в этот день зарежут скотину. Ахмед тут же пришёл домой и сообщил жене:

– Хозяйка, наш сосед сегодня собирается зарезать животное, пойди и возьми, сколько нужно.

Бабушка Алма до вечера не дождалась никаких вестей от соседней. Ведь их всегда приглашали первыми. Любопытство одолело Ахмеда, и он решил узнать, зачем его сосед точил топор, если не собирался резать животное?

Увидев Хачатуру, Ахмед задал ему свой вопрос. Хачатур склонился и прошептал:

– Ара, Ахмед-джан, никому не говори то, что я тебе скажу. Знайте и будьте осторожны. Нам было велено подготовиться и ждать приказа.

Потом он закурил сигарету и снова прошептал:

– Ара, кум, будь осторожен! Будет бойня. Есть поручение, чтобы те, кто живет в одном селе, не столкнулись друг с другом, ибо им может стать стыдно поднять руку на соседней. Поэтому, Ахмед-джан, нас отправят в другие села на резню, а тех, кто там, отправят сюда.

Эта история произошла в 1905 году.

Чтобы захватить бакинскую нефть и часть Каспийского моря, царская Россия прибегала ко всевозможным средствам, самым ничтожным из которых было использование армянской карты.

Ахмед сидел на камне у реки и думал. Ему следует отправиться в Гурд Ери, а затем взять муку с мельницы. Завтра они отправятся пасти сельский скот вместе с внуком. Но давайте пока оставим их там.

Что происходит в Баку?

И... На календаре март 1918 года.

В Баку – столице Азербайджана – неразбериха.

Армянские националисты-дашнаки при поддержке большевиков убивали местное население, мусульман. Оружие и пушки поступали непосредственно из царской России. Миллионер-меценат Гаджи Зейналабдин Тагиев, видя, что людей истребляют, как муравьев, созывает всех миллионеров и покупает на собранные деньги оружие. В Баку было достаточно молодых парней, у каждого из которых хватило бы сил и воли противостоять тысяче армян.

Бакинская молодежь начала оказывать сопротивление армянам, организуя добровольческие отряды.

В то время в Баку было много вооруженных атаманов, которые пользовались большим уважением среди бакинцев. Они также вступили в бой, чтобы защитить людей. Бакинские атаманы перевозили оружие и боеприпасы в целях обороны, строили траншеи, предотвращали нападение противника. Атаманы проявили большой героизм в защите от нападения армянских дашнакских и большевистских отрядов до прихода турецкой армии.

Вместе с Гаджи Зейналабдином Тагиевым и другими миллионерами они отважно и мужественно защищали город от армян. События в основном регулировались из здания «Исмаилия», построенного миллионером Агамусой Нагиевым в честь скоропостижно скончавшегося сына Исмаила. Армяне обстреляли здание пушками из «молоканского сада». Позже Агамуса Нагиев напишет: «Каждое ядро, попадающее в Исмаилию, поражает мое сердце...»

В городе шли кровопролитные бои. На помощь из окрестных деревень подключались отважные молодые люди с оружием. Эти парни, каждый из которых равен тысяче героев, были грозой армян.

Машагинский атаман Наджафгулу был одним из таких героев. Когда армяне напали на Баку, атаман и его окружение закупили за свой счет много оружия и боеприпасов и раздали населению для формирования отрядов обороны. В те дни дом и двор Наджафгулу были полны раненых и скорбящих людей. Измученный народ обрёл в нём надежду. Это были люди, чьих младенцев армянские палачи закололи штыками прямо на глазах у родителей, с чьих детей живьем сдирали кожу...

А годы спустя потомок дашнаков Зорий Балаян применит тот же метод...

На дворе еще 1918 год, и в Баку происходит ужасная резня. Турецкая армия все еще в пути.

В то время все атаманы объединили силы. Даже давний соперник Наджафгулу, атаман Теймурбей Ашурбеков отправил им патроны, когда у них кончились боеприпасы. С обеих сторон были убитые и раненые. Хотя сам Наджафгулу получил несколько огнестрельных ранений, он продолжал сражаться.

На помощь им со своим отрядом подоспел атаман Мешади Адиль из Кюрдаханы. Атаманы Дадаш Хырдаланский, Губад Хокмалинский и другие рыли окопы на дороге Баладжары-Ходжахасан и храбро сражались с кровожадными вооруженными отрядами Андроника и Амазапса.

Позже Нуру-паша лично встретился с Мешади Адилем и за героизм подарил ему свою лошадь. А маштагинского атамана Наджафгулу наградил орденом за его великий героизм.

Жил в те времена в Маштаги еще один храбрый и достойный мужчина. Многие знают о его великих подвигах. Имя этого человека – атаман Азиз. Он храбро сражался до последнего вздоха, защищая честь женщин и девушек села. Писательница исследовала его жизнь и беседовала о нём со старейшинами Маштаги.

Накануне входа армян в Маштаги атаман Азиз приказал отвезти женщин и детей на побережье Каспия, а сам вместе со своей вооруженной группой ждал армянских боевиков на дороге Маштаги-Забрат. В случае, если армяне захватят село, атаман приказал бросить женщин и детей в море, чтобы те не попали в руки врага...

Когда армянские дашнаки и группа большевиков вошли в Маштаги, отряд атамана Азиза проявил большой героизм и дал им отпор. Они раздавили дашнаков прямо возле дома самого Азиза.

ПРИМЕЧАНИЕ. До сих пор местность, где жил гордый сын маштагинской земли, герой, сокрушивший армян, называется уголком Азиза.

Ещё одним селом, объединившимся против армянского гнета, был Гобу.

Жил в Гобу воинственный герой: звали его Мешади Хилал. Узнав о резне в Баку, Мешади Хилал решает отправиться со своим отрядом в столицу. Его приглашает близкий друг и соратник Кербалаи Алекпер. Этот храбрый человек, известный как атаман Алекпер, отправил Хилалу сообщение:

– Мешади, приезжай скорее, на кону вопрос чести.

И то, что они видят в городе, поражает Мешади Хилала: разрушенные дома, сваленные в кучу тела женщин, стариков и детей. Турецкая армия еще не прибыла. «Если так пойдет, то эти ублюдки уничтожат нацию...», – подумал Мешади Хилал.

После этого группа добровольческой кавалерии из 12-15 человек, в которую входили такие воины, как атаман Шахпаланг, атаман Аррахман и атаман Алман, покинула Гобу и вошла в столицу. Мешади Хилал объединяет силы с Кербалаи Алекпером. Они выбирают дом Кербалаи Алекпера своей штаб-квартирой. Это владение располагалось в районе под названием Хамшари Палани. Бойцы, занимавшие эту позицию, вступили в открытый бой с армянами и неожиданными атаками нанесли врагу потери и оттеснили его. Однако, поскольку силы армян были слишком многочисленны, отряд под руководством Мешади Хилала, понеся потери, вынужденно отступил.

В это время женщина, переходившая улицу, была ранена вражеской пулей, рухнула на землю и скончалась. Когда женщина падает, подол ее чадры взмывает вверх. Взбешенный увиденным, Мешади Хилал поворачивает своего коня к полю битвы. «Наша честь под ногами. Пришло время ответить им!» – объявляет он и, не обращая внимания на град пуль, возвращается в свой штаб, окруженный армянами, и возобновляет жестокий бой с врагом.

Этот бой Мешади Хилала с армянами длился три дня. Видя храбрость Хилала, армяне не осмелились штурмовать здание. В конце третьего дня Мешади Хилал получил тяжелое ранение в спину, но борьбу не прекратил. В итоге Мешади Хилал погиб. Армянам было страшно подойти даже к бездыханному телу Хилала.

В это самое время в Баку находился немецкий писатель Кульнер. Став свидетелем массовых убийств, он позже, в 1925 году, написал:

«Армяне ворвались в мусульманские (азербайджанские) кварталы и всех перерезали и расчленили мечами, закололи штыками. Через несколько дней после резни из ямы извлекли перерезанные уши, носы и гениталии 87 азербайджанских трупов. Они не пощадили ни детей, ни стариков».

Это горькая правда, рассказанная немецким писателем. Эта кровавая трагедия произошла не только в Баку, но и в Шамахе, Губе, Хачмазе, Лянкяране, Гаджигабуле, Сальяне, Зангезуре, Карабахе, Нахчыване, Гяндже и других районах.

Армянских бандитов возглавлял Степан Шаумян.

Целью также была арменизация Баку.

Бакинский Совет, состоящий из большевиков во главе с Шаумяном, захватил власть в Бакинской губернии. Шаумян, этнический армянин, питал глубокую патологическую ненависть к азербайджанским туркам.

Позже, в советское время, нам его представят как героя...

75-летний Сафар Идрисоглу из Шамахи рассказывал: *«Это был тяжелый период Советского Союза. Когда дедушки не стало, мне было 27 лет. Он тяжело болел. Однажды он подозвал меня к себе и велел закрыть дверь. Хотел чем-то поделиться. Я запер дверь. Он указал на свою кровать и сказал: «Садись. Я всё это время молчал, но есть тайны, которые я не хочу уносить с собой в могилу...» Затем дед рассказал о событиях 1918 года, о том, как армяне учинили расправу над нашими родственниками, соседями, детьми, женами. Я не мог сдержать слёз, пока он рассказывал. Он говорил мне: «Будь сильным, не плачь. Столько лет я хранил в себе эту тяжелую ношу. Рассказал тебе – и мне стало чуть легче. Не распространяйся о том, что ты узнал. Не то нас всех убьют. Я рассказал тебе, чтобы ты знал своих врагов».*

Об этом писательнице поведал дед Сафар из Шамахи.

Он прослезился и продолжил: *«Ровно пятьдесят лет дед молчал о трагедии, учиненной армянскими фашистами...»* Он плакал, и слезы текли по его седой бороде.

Эту сцену писательница никогда не забудет!

Говорят, мужчины не плачут. Но от боли многолетних душевных ран плачут даже мужчины. Сердце деда Сафара терзала боль, о которой он никому не мог рассказать.

«Не думайте, что Аллах не знает о действиях злодеев. Аллах накажет их в тот час, когда они меньше всего этого ждут». Священный Коран, Сура Ибрагим, аят 42.

***

Весть о бакинской резне дошла до окрестных районов, в том числе и до Шамахи. Люди узнали, что в Баку вспыхнул «армяно-мусульманский» конфликт, и сколько невинных людей и детей было убито и брошено на улицы Баку. Были и те, кто своими глазами видел, как армяне поют над трупами. Шамаха находилась недалеко от Баку. Новости распространялись быстро. Ожидалось, что не сегодня завтра армяне войдут в Шамаху.

Люди были в панике.

Снискавшие огромное уважение в Шамахе люди убеждали народ успокоиться и не сомневаться, что ни царское правительство, ни Ленин не допустят подобного развития событий. Позже армяне зверски убили всех уважаемых жителей Шамахи и жестоко расправились с их семьями.

Знали ли они, что это именно царское правительство и Владимир Ленин, не питающие симпатий к мусульманам и желающие в любой момент захватить бакинскую нефть, прямо поощряли подобное насилие?

Дела обстояли хуже некуда.

Сколько ни старался дед Ахмед оставаться непоколебимым и успокаивать людей, вести его тревожили, ибо ему знакома была натура армян, которых он знал не первый десяток лет. Он знал, что они смеются в лицо и много чего творят за спиной.

«Их нутро наполнено злобой, предательством и болезненным национализмом. Как всегда, здесь замешаны и русские... Они используют этих бедолаг в своих целях. У армян нет мозгов. Они думают, что мстят за своих проклятых дедов. Человек, исполненный ненависти, хоть и спокоен внешне, готов в любой момент совершить ужасные поступки и плюнуть в колодезь, из которого пил. Мусульмане никогда не таили на них обиду. Мы склонны все забывать».

Дед Ахмед покуривал трубку и думал.

***

Постой, писательница! Не пиши пока...

Разве наши предки имели право забыть об этой резне?

На протяжении более 150 лет армянские дашнаки при военной поддержке российских и европейских покровителей издевались над народом, совершали массовые убийства. Царская Россия, режим Сталина, а затем и до «демократии» Горбачева насильственно изгоняли азербайджанских тюрок из родных очагов и ссылали в Казахстан и Сибирь. Мы всё забыли, и это вновь повторилось.

Потому что: *«Геноцид повторяется, когда его забывают».*

И... Спустя семьдесят пять лет они оккупировали Карабах, который не смогли взять в 1918 году.

«Армянские националисты всегда воспитывали своих детей с патологической ненавистью к тюркам. И время от времени они выжидали случай и возможность, чтобы реализовать свои грязные намерения. А когда возможность появилась, они осуществили свои мерзкие планы», – думала писательница.

Хотя она не была свидетелем предыдущих геноцидов, она застала события, произошедшие после 1988 года.

Ей было известно, что армянские дашнаки, националистическая интеллигенция, точнее, националистические паразиты, всей ложью пытались привлечь внимание некоторых европейских стран и мирового сообщества на себя. Им это часто удавалось.

Писательница с ужасом исследовала события, произошедшие в 1905-1906 годах. В Баку, Нахчыване, Шуше, Тебризе, Хорасане сотни азербайджанцев были убиты, обезглавлены, детей живьем прибивали к стене и даже рабочим-мусульманам, приехавшим на работу из Ирана, вбивали в голову гвозди. Все эти факты великий мыслитель, учёный, общественный деятель, художник, музыковед, писатель Мир Мохсун Навваб описал в книге «Армяно-мусульманский конфликт в 1905-1906 годах».

Почему бы не поговорить об этом? Почему мы часто умалчиваем правду?

Мир Мохсун Навваб родился в Шуше в 1833 году и умер в Шуше в 1918 году. У Навваба были соседи армяне. В то время царская Россия переселила армян в Шушу, в этот прекраснейший город. Их расселили в лучших местах. В то время, как и во всех регионах Азербайджана, ситуация в Шуше оставалась напряженной.

Армянские дашнаки дважды нападали на Шушу. Тысячи мусульманских семей и детей были зверски убиты и сожжены.

Мир Мохсун Навваб стал свидетелем геноцида и резни в Шуше и обо всём этом писал с огромной душевной болью. Еще тогда некоторые его друзья советовали ему уехать из Шуши, так как его соседями были армяне. Он отвечал: «Это мой родной очаг, армяне переехали сюда позже. Почему я должен покинуть свою землю? Если кто-то и уйдет, то это будут они...» Он не покинул свои земли и оставался там до конца кровопролитных боев. В районе, где проживал Навваб, жили очень богатые мусульманско-турецкие семьи ханского и бекского происхождения. Армянские дашнаки разрушали и их дома, стреляя из пушек, или совершали внезапные ночные нападения, когда люди спали, и безжалостно убивали членов их семей. Навваб пришел в ужас, увидев эту жестокость дашнаков.

Да покоится с миром его душа! Да помилует Бог! Он оставил нам ценные исторические факты.

Мир Мохсун Навваб жил в ту же эпоху, что и дед Ахмед. Один – в Шуше, другой – в Шамахе. Оба стали живыми свидетелями погромов и резни, совершенных армянскими дашнаками. Оба древних города в те годы были разрушены дашнаками и их покровителями, а их жители жестоко убиты.

***

– Как так получается, что малочисленные армянские бандиты не побоялись напасть на мусульман в 1905 году, да еще и до этого? Откуда у них столько сил?

Гурбангулу, близкий друг Ахмеда, однажды задал ему этот вопрос по ходу беседы. Ахмед все подробно разъяснил.

– Гурбангулу, родной, на это есть несколько причин. Первая основная причина заключалась в том, что некоторые страны положили глаз на многие блага Азербайджана. Ещё с середины XIX века царский режим объединился со многими европейскими государствами, такими, как Англия, Германия, Австрия, и использовал этих безмозглых армян как марионетку. Им как бы сказали: «Мы за вами, не бойтесь».

– Объясни чуть подробнее, Ахмед, ты очень образованный человек.

– Гурбан, брат, посольства и консульства стран, о которых я говорил ранее, пригласили армянских представителей и сообщили, что хотят их взять под своё покровительство. То есть хотят как будто бы защитить. Но это была ложь. Их целью был раскол тюркских государств, особенно османов. Вдумайся, из этнических меньшинств, проживавших в Османской империи, наибольшее внимание уделяли армянам. Ты можешь спросить, почему они выбрали армян?

– Почему же?

– Потому что они прекрасно знали, что армяне – хитрецы, предатели, мошенники и убежденные националисты.

– Да... да... это действительно так.

Гурбангулу вспомнил всех армян, которых он знал. Хотя на словах они говорили, что они друзья, все были убежденными националистами. Везде говорили только на своем языке, оскорбляли мусульман и высмеивали их.

– Будь они прокляты! – воскликнул Гурбангулу. – Подлые твари! Проклинают и оскорбляют нас на нашей же земле! Я много раз собственными ушами слышал их ругань, Ахмед, но не подавал виду, чтобы не начинать драку.

– Они это делают специально, чтобы сразу пожаловаться мусульманскому начальству.

– Да-да, это так.

– Было время, когда ни один армянин не жил ни здесь, ни в Турции, – сказал дед Ахмед. – Вся эта земля принадлежала тюркам. Природа нас одарила всем. И вот навлекли на нас беду ради своих целей.

Дед Ахмед и многие интеллигенты того времени хорошо знали, что в Турции проживало много приезжих армян.

– Пока Османская Турция была сильной и могущественной, армянские националисты боялись выступать против государства, – делился Ахмед со своим другом. – Когда внутреннее и внешнее положение Османской империи стало ухудшаться, европейские государства, а также Российская империя, стремившиеся захватить Турецкие проливы, стали поддерживать планы армян против турок. В России также были созданы партии «Гнчак» и «Дашнакцутюн», являющиеся строго националистическими армянскими организациями. Только подумай, в 1890 году в Турции уже готовили вооруженное восстание. Представляешь, эти негодяи плевали в колодец, из которого пили! Их мозги настолько загнили, что в мыслях у них была только «Великая Армения». Армянские лидеры прекрасно знали, что их будущее связано с Рос-

сией. Эти негодяи жили в Турции и ели хлеб турок, ожидая инструкций от русских против них. Ты можешь себе представить, Гурбан? Они хотели показать Европе, что армяне борются за свои национальные права. Тем временем поток армянских агентов на Кавказ, в Азербайджан и Турцию стал увеличиваться. В большинстве случаев они тайно создавали различные вооруженные отряды. Вот так вот. Это правда, брат. В мире всегда хватало больных, заблудших правителей-националистов, и они существуют до сих пор. Вероятно, так будет всегда. Эти глупые люди подвергают риску будущие поколения.

Дед Ахмед ещё год назад рассказывал своему другу Гурбангулу о событиях недавнего прошлого. Он словно что-то предчувствовал.

– Откуда у них оружие? – спросил Гурбан.

– А как ты думаешь, откуда? Конечно, от русских. Оружие тайно ввозилось в страну и хранилось на потайных складах. Первой задачей вооруженных формирований было уничтожение местного тюркского и мусульманского населения, чтобы создать на этих территориях Армянское государство. Думаешь, сейчас не то же самое происходит? Насколько я знаю, армян уже сейчас вооружают у нас в Шамахе.

– Боже упаси! Что это за гнилая нация? Господи, помоги нам сам!

– Аминь!

Оба подняли руки к небу и помолились.

– Не смотри, что сейчас спокойно. Русские постоянно подстрекают этих недомков. У них же мозгов нет, это гнилая, как ты говоришь, нация. У них в голове только создание Армении за счет наших земель. Точно так же они воспитывают своих детей.

– Да, да, я понял. Но почему ты до сих пор молчал об этом, дорогой Ахмед?

– А как мне говорить? Кому? Везде полно царских доносчиков. Скольких людей вынесли посреди ночи из постелей на глазах жен, и до сих пор про них ничего не известно. Большинство сослали в Сибирь. Видит Бог, боль на душе, как у Александра Македонского. Даже с колодцем делиться страшно. У колодца тоже есть уши.

– Да, брат, всё верно.

Гурбангулу глубоко вздохнул, достал из бокового кармана завернутый в бумагу табак и набил трубку. Он сделал затяжку и приковал печальный взгляд в одну точку.

Писательница задумалась. Как сказал дед Ахмед? «У колодца тоже есть уши».

Позже, в 1937 году, это выражение перефразировали как: «У стен тоже есть уши».

Люди боялись даже поздороваться друг с другом, как во времена деда Ахмеда.

Интеллигенты того времени, способные понять ход событий, сильно переживали за происходящее. Кому могли они рассказывать о бедах, тогда как режим, защищающий армян, топтал правду и предпочитал ложь ради достижения своих целей!

На чем основывался дед Ахмед, когда говорил: «Было время, когда в Турции не проживало ни одного армянина»?

Как и многие грамотные люди того времени, он знал, что первые переселения армян на Османскую землю начались лишь в XVII веке. Впервые они были переброшены на турецкие земли британским правительством. Это был секретный и коварный план. При финансовой и моральной поддержке Британской империи первые партии армян перевезли и расселили на турецкой земле. В этом вопросе были заинтересованы и некоторые другие государства.

Целью Англии был распад великого Османского государства.

Хоть люди это понимали, говорить об этом открыто вслух было невозможно.

В 1990-е годы, во время Первой Карабахской войны, армянские националисты дашнаки убивали и обезглавливали пленных простых мирных жителей на могилах своих «героев» – это бесчеловечный акт вандализма, одно из тысяч преступлений, совершенных ими. С военнопленными обращались ещё более жестоко. Об этом писательнице рассказывали вернувшиеся из плена. Она была в ужасе.

Нигде в мире с пленными так не обращались.

Но пока отправимся в многострадальную Шамаху начала прошлого века, на родину нашего героя Фахреддина Тюркелли – маленького Фахи. Этому ребенку семь лет. Он живет вдали от мирских печалей и еще не подозревает о горьких сюрпризах, которые приготовила ему судьба. Он растет под опекой своего деда Ахмеда и бабушки Алмаханым.

***

Гурд Ери – так называлось место, где собиралась сельская община. Оно находилось в центре села. Говорят, что в древние времена каждую ночь сюда приходил и выл серый волк. Однажды утром жители деревни нашли волка мертвым и там же его закопали. С того самого дня это место прозвали Гурд Ери.

Когда дед Ахмед добрался туда, он увидел большое скопление людей. Толпа – обычное явление для этого места, но такого количества народа, как в тот день, он никогда не видел. Людей, как муравьев, было не сосчитать.

– Что случилось, люди? – крикнул дед толпе, слезая с лошади. – Почему вы собрались здесь?

– Что ещё могло случиться, о, Ахмед? – качал головой старик Дуньямалы, покуривая трубку. – Эти мерзкие армяне вновь врываются в наши села и громят их. Нас убеждают успокоиться. Но до нас доходят вести, Ахмед. В других деревнях сотни людей загнали в сарай и сожгли заживо. Крики людей доносились отовсюду.

– Кто это сказал?

– Хашим. – Дуньямалы указал головой на молодого парня в светло-коричневой военной форме, стоящего на улице. – Он только что известил нас.

Хашим был высоким, широкоплечим, светловолосым молодым человеком в военной форме с шелковистыми волосами, рассыпанными по лбу. Он шагнул вперед и с почтением пожал руку деду Ахмеду.

Дед хорошо знал молодого человека. Он был сыном Мешади Гюльмали, одного из самых уважаемых старейшин села. Это был бесстрашный парень. Ахмеду нравились такие храбрые молодые ребята. Он и сам отправил своих сыновей на фронт. Он всегда говорил: «Будьте сильными, чтобы устоять перед врагом. И пусть ваши потомки тоже будут сильными и умными людьми».

– Это правда, сын мой? – спросил он.

– Да, это правда, дядя Ахмед. После резни в Баку они планируют атаковать села и города. Сообщается, что русские отправляют им оружие.

– Черт подери! Эти русские вечно всех стравливают. Ну, что ж ты поделаешь? – возмущался дед Ахмед. – Это у них древний обычай подстрекать народы на уничтожение друг друга.

Ахмед, всегда сдержанный в своих словах, впервые так открыто и публично выступил против империи. Деваться было некуда. Что теперь ему терять?

Ахмед хорошо помнил о событиях недавнего прошлого, когда в 1905-1906-х годах армяне при поддержке властей царской России, Думы и Суда беспредельничали по всему Азербайджану.

– Эти армяне не понимают, что они игрушки. Опять наглеют, – сказал дед Ахмед. – Чем больше вы отступаете, тем больше они нападают на вас. Помните события 1905 года? Господа, рана народа еще не зажила...

– Помним, Ахмед, как же об этом можно забыть, – отвечали ему. – Что сделало правительство? Мы снова стали с ними друзьями и соседями. Вот и результат.

– Будь они все прокляты! – бросил кто-то.

Все замолчали. Людям как будто стыдно было смотреть в лица друг другу. Словно это они виноваты, а не армяне. Все печально опустили глаза.

Наконец, молчание нарушил престарелый дед Гадим, один из старейших жителей деревни.

– Сын мой, Ахмед, мне девяносто лет, я повидал все лица этого мира. Нам известно обо всех выходках, которые совершили армяне. Мы всегда ненавидели войну. Что могли дать эта резня, эти битвы, кроме слез? Но, к сожалению, они не дают нам жить спокойно. Ей-богу, не дают. Видно, это выгодно кому-то. Ты прав, эти русские всегда пользовались армянами, как псами.

– Это хундородные люди, дед Гадим, – сказал Ахмед. – Нельзя ничего поделаться с такими ненадежными людьми. Их сорт гнилой.

Ахмед в гневе сел на большой камень. Одной рукой он отодвинул шапку. На его лбу открылись глубокие морщины. Казалось, вся печаль мира отображалась на его лбу. Он думал и перебирал свои четки. Очевидно, вести были достоверными. Двое его сыновей и зять были в армии, невестка беременна, и, по словам жены, скоро ей рожать. И, тем не менее, в чем же провинились эти бедные люди?

– Дядя Ахмед, у меня мало времени, мне пора возвращаться. Этот листок передал ваш сын Мамед.

Хашим протянул ему треугольный лист бумаги, который он достал из нагрудного кармана рубашки. Ахмед дрожащими руками взял бумажку и развернул ее. Он прочитал написанное и побледнел. Увидев выражение его лица, люди подумали, что случилось что-то плохое. Никому не хватало храбрости спросить.

– Что пишет твой сын, Ахмед? – спросил, наконец, Дуньямалы.

Дед Ахмед еле выговорил:

– Армяне на подходе.

***

Для защиты от врага была организована армия, состоящая из молодых людей села. Это и армией нельзя было назвать – скорее, это было объединение добровольческих отрядов. Но не хватало боеприпасов и продовольствия, в то время, как армяне откуда-то получали оружие, пушки и продовольствие. Об этом сообщил командир. Спонтанно организованная армия располагалась в лесу у подножия горы. Жители села носили солдатам одежду, теплые носки и еду.

Избранные сыновья села обосновались здесь. Среди них также были молодые люди курдского, лезгинского, аварского, талышского, арабского, татского, еврейского, русского и молоканского происхождений, свободно говорящие на азербайджанском языке. Они родились и выросли на этой земле. Эти народы тесно общались, женили сыновей и выдавали дочерей друг за друга. Они считали эту землю своей родиной. Но, увы, армяне в очередной раз нарушили их спокойствие. Эти люди всего лишь хотели мирной жизни в своих деревнях. Теперь они встали на защиту родины.

Писательница вновь задумывается. Она помнит первую Карабахскую войну. Альберт Агарунов, еврей по национальности, мужественно сражался с врагом. Он благополучно вывел из осады членов отряда, которым командовал, но сам при этом погиб. После его смерти президент страны присвоил ему звание Национального Героя. У нас есть шехиды и национальные герои русской, талышской, лезгинской, аварской, ингилойской, кумыкской и татской национальностей. Они тоже погибли за эту землю, за Родину. Потому что их предшественники сто лет назад также объединились и отдали свои жизни за эту землю в борьбе против армян.

Да покоятся с миром их души!

Командующий только что организованной армией опытный Шамилов, вернувшийся с военного обучения в царской России, был по национальности лезгином. Он говорил по-азербайджански с приятным акцентом. Никто не знал его имени. Он был очень строгим, имел дисциплину настоящего военного. Члены отряда внимательно слушали каждое его слово и познавали военные тайны.

Сыновья Ахмеда Мамед и Ярмет и муж его единственной дочери Ислам надели военную форму и встали на защиту своей земли. Очень много молодых добровольцев из окрестных деревень также зачислились в армию. Они знали, что армяне двигаются в сторону Шамахи. Поэтому все были начеку.

И Мамед, и Ярмет беспокоились только о домашних. Интересно, чем занимается отец? Как поживает мать, как там Фахи?

Братья думали, но ничего не говорили друг другу.

***

Скрипнула калитка. Ахмед слез с лошади и медленно вошел во двор. Ему было тяжело идти, как будто с ног свисала тонна камней. Что ему сказать им? Как сообщить о том, что армяне идут проливать мусульманскую кровь. Кажется, на этот раз они жаждут еще больше мусульманской крови. Но как ему сказать об этом жене? Нет на свете более ответственной работы, чем быть главой семьи. Вся нагрузка лежит на его плечах. Надо поступать так, чтобы суметь достойно нести это бремя. Надо суметь управлять людьми в доме и не потерять уважения. Короче говоря, надо уметь быть старшим. Терпение, самообладание, воля и разум всегда должны быть твоими спутниками.

Ахмеду в этом плане повезло. Его авторитет почитался, но и жена его Алма была хорошей женщиной. Она была настоящей хозяйкой, справлялась со всеми важными делами, пока Ахмед отсутствовал дома. Когда муж возвращался домой, она всё понимала с одного его взгляда.

Ахмед всегда считал, что порядок в доме зависит именно от жены. Жена не должна быть ворчливой, не должна цепляться за слова. Она обязана быть терпеливой и сдержанной, не доносить мужу обо всех сплетнях. Большинство ссор и конфликтов между детьми и отцами вызвано злобным, нервным и неуступчивым поведением женщины в доме.

В этом смысле Ахмеду действительно повезло.

Иногда он приходил домой злой и расстроенный. Жена тут же подбегала к нему с тазом воды и лейкой в руках, белым полотенцем на плече и успокаивала: «Дорогой, умойся и приди в себя». Мужчина смягчался от этой ласки, складывал вместе ладони, протягивал их вперед и плескал раз за разом себе в лицо прозрачную родниковую воду, стекавшую из дула лейки. Весь его гнев тут же остывал.

Её настоящее имя было Алмаханым. Все называли ее Алмой. Она была дочерью Гаджи Гянджамалы, одного из самых уважаемых людей села. Получила духовное образование, имела неплохое представление о том, что творилось в мире. Ахмед вспоминает, что многие молодые люди в то время желали заполучить в жены Алмаханым. Многие к ней сватались, поскольку она была из богатой семьи. Но Алмаханым отдала свое сердце Ахмеду, а Ахмед был не промах! Он мог так лихо вскочить на коня, что все девушки деревни изумлялись. Его осанка, его фигура, его усы и чёрные кудрявые волосы...

С тех пор прошло ровно сорок лет. Черные кудри теперь стали белыми. Как быстро пролетели годы!

Ахмед задумался. Эти твари не дали им спокойно жить. Вся жизнь прошла в битвах и бегствах. Им не дали спокойно расслабиться на собственной земле. Все время учиняли какое-то бедствие. Верно задается вопросом Алмаханым: что мы им сделали, кроме хорошего?

Несколько дней назад он случайно увидел живущего по соседству Аветиса, который ночью вместе с семьей покидал деревню. Получается, они знали. Им велели уйти. Но вы только посмотрите, как они умело всё скрыли, как будто ни о чем не знали. Правильно говорят, будь они все прокляты! Все до единого действуют исподтишка.

– Дедушка пришёл! Дедушка пришёл!

Фахреддину хотелось подбежать и прыгнуть в объятия деду. Но руки деда не поднялись. Он не смог обнять внука, как раньше.

Ахмед поймал себя на мысли, что застыл, как статуя, посреди двора. И жена, и невестка удивленно посмотрели на него. Мужчина, казалось, постарел на двадцать лет.

Алма ничего не заподозрила. «Что делать несчастному? После ухода детей на фронт вся забота о семье легла на его плечи».

Как им сказать? Как начать разговор? Завтра они должны были пойти с внуком пасти скот. Они готовились. Как радовался ребенок...

– Дорогой, почему ты так рано вернулся? Разве ты не ходил на мельницу? – спросила Алма, вытирая полотенцем стекающий по лицу пот. – Тебе следовало забрать нашу муку. Ты забыл? Зима, как дракон, приближается.

Фахреддин с удивлением уставился на бабушку и подумал, неужели зима может быть драконом? Его бабушка каждый вечер рассказывала ему истории о драконах и чудищах.

Ахмед не слушал. Нахмурившись, он сел на табуретку и достал из нагрудного кармана кисет. Он набил табаком свою коричнево-серую узорчатую трубку и сделал затяжку. Его густые брови опустились на глаза, делая их совершенно невидимыми. При виде такого его лица люди в доме знали, что дед злится. Все молчали.

Ахмед смотрел вдаль. Он словно не видел окружающих.

Невестка и свекровь с беспокойством переглянулись. Алмаханым забеспокоилась и задумалась о разном, в том числе и о детях.

– Дорогой, что такое? Скажи, наконец! Что-то случилось с детьми?

Ахмед как будто только сейчас все понял.

– Нет, жена, дети живы, слава Богу.

– А что тогда?

– Да что еще! Эти мрази всех убивают от Баку до Шамахи, один за другим нападают на все деревни и истязают людей. Завтра они могут войти сюда, в нашу деревню. Мамед отправил письмо через сына Гюльмалы Хашима с просьбой забрать детей и немедленно покинуть село. Я только сейчас говорил с людьми. Все спасаются бегством.

Алма хлопнула рукой по колену.

– О, Боже! Что ты такое говоришь?! Господи, а что мы будем делать с невесткой? – она указала на побледневшую от волнения невестку с большим животом. – Где мы будем её прятать? – спросил она.

– Где бы мы ни спрятали, они её найдут. Эти сволочи безжалостны, звери, крокодилы. Готовьтесь, мы сегодня же отправляемся в путь!

– Боже... как же невестка может идти в такой ситуации? Ей скоро рожать, дорогой... сегодня, завтра, а может, уже вечером...

– А что мы делаем, жена? – грубо перебил жену Ахмед, повысив голос. – Предлагаешь ждать, пока армяне придут и на наших глазах обезглавят наших жен и детей? Хочешь наблюдать за этим? Мы прожили свою жизнь, но в чем вина этих детей?

Он кивнул в сторону внука и невестки. Алма ничего не сказала. Она словом не возразила, так как муж был прав. Сколько подлостей совершили тогда эти негодяи с девушками? Она была свидетельницей тех событий. От увиденного волосы вставали дыбом.

Алмаханым с волнением посмотрела на невестку. Гюльбута совсем побледнела.

Маленький Фахи широко раскрыл глаза. Он слышал от старших соседских детей, что эти так называемые армянские разбойники были очень безбожными, они протыкали животы беременным женщинам и убивали их детей.

Фахреддин обнял мать за живот и заплакал.

– Дедушка, я боюсь дракона, он придет и заберет у меня брата.

Малыш словно чувствовал, что у него будет брат.

– Какой ещё дракон, сынок? Они рядом с нами даже не муравьи, они трусы. Понял? Чтоб я больше никогда не видел, как ты плачешь. Ты мужчина! После нас вы станете мстить за невиновных людей! Понял?

Фахреддин вытер слезы грязным рукавом рубашки и кивнул. Дедушка погладил его по голове.

– Если бы не вы, я б в одиночку расправился с ними. Но что поделаться... Мне необходимо вывезти вас из деревни, затем мы вернемся и расквитаемся с ними. Главное, чтобы я благополучно вывез вас из деревни.

Он поднял голову. Небо было преимущественно ясным, и только вдалеке подходили черные тучи.

– Быстрее! Нам нужно уходить. Эти безбожники могут объявиться в любой момент.

Дед Ахмед торопил их.

Алма разложила комки теста, которые она не успела приготовить, на деревянную доску и накрыла их полотенцем. Она не стала тушить огонь и встала.

***

Невестка и свекровь приготовились за несколько минут. Они взяли с собой из дома столько еды, воды и одежды, сколько смогли.

Отправив невестку во двор, Алма подошла к большому сундуку с желто-красными узорами, стоявшему в углу. В своё время это было ее приданое. Считалось большим событием, если невеста приходила в дом мужа с большим сундуком.

Она вспомнила дни, когда стала невестой, забеременела и родила детей. Несмотря на то, что прошли годы, она хранила сундук, как зеницу ока, и никогда не позволяла ему пустовать.

Она достала стопку ключей из бокового кармана, выбрала один и открыла замок на сундуке. Затем осторожно подняла крышку и почувствовала приятный запах. Она купила всё для невесты Ярмета. Чего только здесь не было? Золото, шуршащие атласные ткани, шелковые халаты, сверкающие позолоченные туфли, всевозможные духи...

Она замечталась.

Война закончилась, и армян изгнали с тюркских земель. Мамед и Ярмет благополучно вернулись, и у их ног приносят в жертву животных в знак благодарности за спасение. Во дворе полно людей. Все приходят с благословениями. Затем готовятся к свадьбе Ярмета. Набирают поднос с фруктами и сладостями, готовят пахлаву...

– Ну, где ты там, жена?

Строгий голос мужа оторвал ее от приятных мечтаний.

Женщина взяла только золото и драгоценности, чтоб можно было их продать и выручить за них деньги в случае необходимости. Она прикрыла крышку сундука и заперла на замок. Затем осмотрела свой аккуратно обустроенный и украшенный дом, толстые одеяла, сложенные почти до потолка, и глубоко вздохнула. «И как я могу оставить армянам свой дом, в который вложила столько сил за все эти годы? Боже, спаси и сохрани!»

Она вышла на балкон. Увидев ружье на плече у мужа, она немного взбодрилась, затем задумчиво спустилась по каменным ступенькам. Она заметила цыплят и вздрогнула.

– Постой, дорогой. Дай мне покормить их.

– Жена, нет времени. Я говорю, что эти негодяи рядом.

– А что им, оставаться голодными?

Алма тяжело зашагала в сторону хлева, открыла дверь и вошла внутрь. Она открыла один из выстроенных в ряд больших желтых мешков, наполнила ладони зерном и вышла.

– Цып-цып-цып...

В то же мгновение цыплята окружили её. Будто они тоже чувствовали, что хозяйка скоро оставят их без присмотра в собственном дворе. Они кудахтали в унисон, кружась вокруг широкой многослойной юбки женщины.

Ахмед вспомнил, что коровы сегодня не ходили на пастбище и оставались в коровнике. Там же находилась и стельная корова. Он быстро подбежал и открыл дверь коровника. Животные засуетились в темном помещении, глядя на своих хозяев. Стельная корова промычала два раза подряд.

«Бедное несчастное животное...», – подумал Ахмед.

Его невестка тоже была беременной, как и эта корова. Он мог спасти невестку. А как быть с этим животным? Корова тоже скоро рожать. Кто же поможет этому немому животному?

Перед ним стояли две матери. Обеим скоро придётся рожать. Он мог спасти одну, но не обеих. Матери рожают своих детей с тысячами болей и схваток. Что, если схватки у этой коровы начнутся завтра? Боже, спаси и сохрани бедное животное!

Две капли слез потекли по его седой бороде. Он вышел во двор.

Увидев слезы мужа, Алма поняла, что мужчина переживает из-за коровы. Впервые она видела мужа плачущим. Она чувствовала, как поник такой непоколебимый человек. Она не стала мешать: «Пусть успокоится!»

Ахмед пытался держаться бодро при жене и детях, но на этот раз не смог. Он прикусил губу и даже не почувствовал, как по его лицу стекла кровь.

– Дорогой, возьми в себя в руки, – сказала жена. – Потерпи. Пойди, спусти с цепи пса, – и указала головой на Алабаша.

Ахмед только сейчас заметил, что собака прикована к цепи. Он прошёл в другой конец двора и высвободил пса. Вместо того, чтобы отбежать, собака начала тереться о его руки и ноги. Алабаш чувствовал, что если хозяин спускает его в полдень, значит, здесь что-то не так.

Собака бросилась в ноги Ахмеда, положив голову на лапы, высунула язык и стала смотреть на мужчину умоляющими глазами. Сердце Ахмеда залилось кровью.

– Бедное животное, что же я могу поделать? Я должен оставить тебя. Мой умный пёс.

Собака словно говорила: «Не уходи! Не уходите, мои верные хозяева! На кого вы нас оставляете? Не уходите, пожалуйста!»

Они были вынуждены. Если угроза близка, если враг прямо у тебя под ухом, тебе следует отказаться от своего имущества, своего дома и покинуть место, где ты живешь.

Он наклонился и погладил Алабаша по голове. Эта была очень преданная и бесстрашная собака.

«Будьте вы прокляты! Вытесняют нас из родных земель, от наших верных животных, из наших домов, которые мы кровью и потом строили годами».

Он еще раз погладил пса по голове и телу.

– До свидания. Теперь ты хозяин в доме, – сказал он.

Маленький Фахреддин широко открытыми глазами следил за действиями деда. Все одно за другим запечатлевалось в его голове, в детской памяти. Они медленно, тяжелыми шагами пошли к воротам.

Дойдя до калитки, маленький Фахи заплакал.

– Дедушка, возьмем с собой и пса.

– Сынок, родной мой, сейчас нам не до собаки. Он может залаять и выдать врагу наше местонахождение. Идём. Дай Бог, позже приедем и заберем пса.

Маленький Фахи вытер рукой слезы с глаз и сказал:

– Дедушка, обещай, что мы вернёмся!

Ахмед кивнул.

– Вернёмся, сынок, вернёмся! Если даже не я, то ты обязательно вернёшься. Вы должны отвоевать эти земли!

Алма застонала в отчаянии.

«Вернутся ли они? Вернутся в свои теплые дома и очаги, которые оставили?»

Алабаш вилял хвостом и смотрел им вслед. Животные только лишь не умеют разговаривать. Они все понимают.

Они оба обернулись и посмотрели в расстроенные глаза собаки, затем оглядели двор. Ровно сорок лет назад Алма переступила порог этого двора в качестве невесты. Здесь у них родились дети и появились внуки. Одно время все завидовали Алме. Она действительно была настоящей хозяйкой. Её знали как рассудительную, умную женщину, следившую за словами, собой и поступками. Она всегда носила широкий серебряный пояс, атласный кушак с узорами в виде буты и шелковый платок в горошину на голове. Длинная шелковая юбка дополняла ее наряд и подчеркивала ее стан. У неё была прямая уверенная походка.

Нынче она не стояла так прямо. Они покидали домашний очаг со сгорбленными плечами, поникшими.

На её глаза навернулись слёзы. Покидать родной дом – это боль. Огромная боль. Это могут почувствовать только те, кто прошёл это испытание, кому пришлось покинуть свой теплый очаг и уютный дом. Это могли бы понять только те, кто покинул свои теплые гнезда и ночевал в горах, скалах, лесах, пещерах и ледяных палатках...

Хотя маленький Фахи ничего не понимал, негодяи, которых дедушка называл «безбожными» и «бескровными», напоминали ему черных великанов из сказок, рассказанных бабушкой.

Выйдя за дверь, они обернулись. Вдали слышались кудахтанье кур, тихое поскуливание Алабаша и душераздирающее мычание стельной коровы.

И виднелись последние искорки тлеющего огня...

Во дворе Алмаханым и Ахмед помогли невестке сесть на лошадь.

– Мой Сарытель, сколько лет ты был моим спутником, ты защищал меня от любой опасности, от лап врага. Красноглазый Сарытель! Гроза врагов Сарытель! Моя невестка, моя жена вверены тебе. Не дай им попасть к врагу, – прошептал Ахмед лошади. В ответ Сарытель громко заржал.

Он обнял коня за шею и прижался к нему лицом, закрыл глаза, принялся и погладил любимца.

– Вперед, мой Сарытель! Родной мой Сарытель!

Он крепко обнял коня.

В это время Сарытель проронил слезу прямо на лицо мужчины.

Ахмед был потрясён...

Мужчины задумали спрятать жен и детей в горах и лесах, а сами вернуться в село. Они собирались сражаться с врагом и защищать свои земли тем оружием, которое у них имелось: винтовками, мушкетами, топорами, лопатами. Они твердо решили: будут стоять насмерть.

Вероятно, Ахмед имел в виду именно это, когда сказал: «Даже если я не вернусь, ты вернешься».

Только Всемогущий Аллах знает, что нас ждёт в будущем. Как будут развиваться события в дальнейшем, не знал никто.

– Опять не дали людям спокойно сидеть в своих домах... Среди белого дня выгнали из домов. Да будут прокляты армяне! – кто-то, подняв руки вверх, проклинал врага.

Маленький Фахи шел, держа бабушку за руку. Его близкие друзья Идрис, Газанфар, Мустафа, Гисмат тоже шли со свертками в руках. Отец Гисмата, дядя Самид, держал старую мать за руку и подталкивал ее вперед.

– Идем, мама, быстрее, пожалуйста. Торопись. Не бойся.

Старушка хромала и не могла идти.

Самид пригнулся и взял мать на плечо.

– Родной мой, милый, – плакала женщина. – Я стала для тебя обузой.

– Какая обуза, мама, о чем ты говоришь? Разве я могу оставить тебя? Когда я был ребенком, ты все время носилась со мной...

– Бабушка, бабушка, посмотри туда! Дядя Самид взял бабушку Шабику на плечо, – Фахреддин указал на них пальцем.

– Молчи, сынок! – осадил сына Гюльбута, ехавшая верхом на лошади. – Что поделать, она старая женщина, болеет, не может ходить. Он взял её на плечо, чтобы они могли идти быстрее и чтоб армяне не смогли их поймать.

– Я тоже буду носить тебя на плечах, когда ты состаришься, – сказал Фахреддин матери. Гюльбута рассмеялась. Она фыркнула, но затем прикрыла рот белым шелковым платком, чтобы тесть не увидел.

Ахмед обернулся. Боже, вся деревня была в бегах. Казалось, идёт большая армия. У кого-то в руках узелок, у кого-то на спине постельное бельё, а кто-то не взял с собой ничего.

– Чтобы они все провалились, палачи! Опять из-за них народ в бегах, – сказал Ахмед.

– Неужели страна настолько беспризорна? – горестно спросила Алма. – Неужели никто не может предотвратить их набеги?

– Кому это надо, жена? Кому есть дело до народа? Ленин направил армию в Баку. Хотят захватить Азербайджан. Всё ради нашей нефти. Думаешь, они отстанут? И за всем этим стоят русские.

Это был первый раз, когда Ахмед излил свое сердце жене, детям и соседям. Терпеть это больше было невозможно.

– Бедный народ. Посмотри, что они сделали с людьми. Что мы сделали этим армянам? Чем провинились перед русскими?

Алма задавала мужу всё те же вопросы. Она думала, что муж, как обычно, смеит тему и уйдет от вопросов. Но не тут-то было.

– Они хотят создать несуществующую Армению, жена. За счет наших земель. Народ измучился из-за этих пришельцев. Помнишь, что произошло в 1905 году? В то время именно русские натравили этих подонков на мусульман. И сейчас то же самое.

Алма не ожидала такого ответа. Это был первый раз, когда муж говорил так открыто. «Почему он молчал до сих пор? Почему не открывал глаза народу?» – думала Алмаханым.

– Ахмед-ага, отчего же? – спросила шедшая сзади односельчанка Гюллю. – Что мы сделали русским и Ленину?

– Им так выгодно, сестра Гюллю. У нас есть все. Есть нефть, хлопок, золото, огромное море... А что есть у них?

– Да... да, Ахмед-ага. Я понимаю, ты прав, родной, — Гюллю кивнула.

– Чтоб они сквозь землю провалились и никогда из неё не выбрались! – не выдержала Алма.

Маленький Фахи не понял, ругает ли его бабушка Ленина, русских или армян.

Свой гнев бабушка излила в проклятиях. Когда на сердце человека тяжело, ему следует либо заплакать, либо выругаться. Женщинам сделать это легко, тогда как мужчины часто не могут. Мужчины многое испепеляют в своих сердцах. И сердце не выдерживает этой нагрузки.

Люди с железной волей умеют контролировать себя и быть сдержанными. Ахмед был одним из таких людей. Хоть внутри него всё горело, внешне при жене, детях и соседях он оставался непоколебим.

Кто-то крикнул сзади:

– Люди, говорят, армяне рядом.

Женщины ахнули и хлопнули себя по коленам.

– Господи... О, Боже! Что нам, несчастным, делать? Бедные люди! Господи, помоги нам!

Женщины нервничали, тянули своих детей за руки и говорили: «Торопитесь, с минуты на минуту армяне настигнут нас!». Все были в панике.

– Не бойтесь, дети мои, – обратился Ахмед к толпе. – Не суетитесь. Будьте терпеливы и осмотрительны. Мало мы или вы видели такие бегства? Наберитесь терпения. Мы умрём, но вас врагу не отдадим!

Женщины, старики и дети немного приободрились от этих слов. Увидев у Ахмеда винтовку на плече и пистолет на поясе, они поняли, что этот человек их защищает.

– Да хранит тебя Аллах, отец! – говорили они. – Да хранит тебя Господь.

Хотя Ахмед успокаивал толпу, сам он тревожился. Он знал, что ситуация критическая.

Три дня назад он на своем коне Сарытеле посетил центр города Шамаха, чтобы ознакомиться с ситуацией, где провел беседы с известными и уважаемыми людьми, своим близким другом семьи Гаджи Вахабом Алекперовым и муфтием города имамом Сеидом Джафаром. Муфтий города говорил, что «всё было под контролем, они не осмелились бы напасть», однако Гаджи Вахаб заявил обратное. «Ахмед, в спокойствии этих крыс скрывается подвох, – сказал он. – Иначе зачем им присылают оружие из Баку? Они не признаются, говорят, будто это для защиты народа. Но можем ли мы поверить их словам? Ей-богу, это всё приведет к печальным последствиям».

Ахмед хорошо знал, насколько коварен враг. Значит, им и оружие присылают. Все трое прекрасно понимали, откуда берется оружие, когда говорилось, что оно присылается из Баку.

– Гаджи Вахаб прав, брат Сеид. Эти пришельцы любят действовать исподтишка и строить свои тайные, коварные планы. Если у них есть оружие, мы должны предупредить и вооружить народ. Ты сделай это здесь, а я вооружу мужчин в деревне. Другого пути нет. Не смотри, что они говорят на словах, что хотят мира. Эти негодяи могут напасть в любой момент!

Так и случится. В судьбоносный час армяне жестоко убьют Гаджи Вахаба и его семью, разграбят, а затем подожгут их двухэтажный дом. Они также сожгут имущество Сеида Джафара и с особой жестокостью убьют членов его семьи. Но пока никто из них не знает, какая трагедия их постигнет.

Как говорил один мудрец, человек не должен спотыкаться, ибо, если он споткнётся, поток бед станет сильнее с каждым часом, волны несчастья будет не остановить: вытянешь руку, чтобы схватиться за ветку, – сорвется нога, и на каждом шагу будешь нарываться на камни.

Теперь над ними повисла волна бедствий. Нужно было действовать мудро и осторожно, чтобы и врага уничтожить, и уберечь женщин и детей от рук противника. Ахмед думал.

Среди бежавших были новорожденные, которым еще не исполнилось сорок дней, и трехмесячные младенцы. Матери и бабушки несли их на своих спинах.

Внезапно один из мальчиков заплакал. Остальные как будто услышали его и заплакали вместе с ним.

Ахмед посмотрел на жену. Женщина поняла, что имел в виду ее муж.

– Дорогие мои прекрасные невестки, милые, – Алмаханым обратилась к женщинам. – Покормите детей, напоите, дайте им отдохнуть. В чем вина этих малышей, что вы держите их голодными? Они утомились. Они должны быть сытыми, чтобы не плакали. Тогда и мы спокойно продолжим наш путь.

– Спасибо, сестра Алмаханым! – молились на нее женщины и невестки. – Да благословит Бог тебя и Ахмед-агу. Хорошо, что вы есть!

***

И Ахмед, и его друг Гаджи Вахаб оказались правы. Армяне уже вошли в Шамаху. Хотя часть людей бежала и укрылась в горах и лесах, большинство из них не подозревали о трагедии. Дашнаки были уже под носом. Волна трагедии стучалась в окно. Ахмед развел руки и начал вполголоса молиться:

– О, Аллах, защити нас от этой беды! Мы доверяем только тебе, только тебе мы молимся! – сказал он.

Алма видела, как молится муж, и понимала, что ситуация предельно серьезная. Но говорить об этом невестке, детям и этим бедным людям было нельзя! Категорически! Посмотрим, что с нами случится.

Семья деда Ахмеда и все жители села, мусульмане других районов Шамахи, покинули свои родные дома, которые они построили и в которых жили годами, чтобы избавиться от армянского гнета.

А как армяне поселились в Шамахе?

Как и в других живописных районах Азербайджана, царское правительство поселило армян в лучших из горных частей Шамахи. Почему в горах?

Это был заранее продуманный план: цель заключалась в том, чтобы обстрелять из пушек мусульман, живущих внизу, во время предстоящей резни.

И они сделают это спустя годы!

Не только в Шамахе, но и в Ереване, Шуше, Губе и Шамкире их расселяли в горных местностях.

Мусульманское население Шамахи и Шуши, ничего не подозревая, жило на своих исконных низменных землях.

Все шло по плану. В дальнейшем с целью арменизации Шамахи и других районов были организованы специальные армянские села и общины.

Наряду с армянами в Шамахе проживало множество других этнических представителей, в том числе молокане.

Молокане были сосланы в Азербайджан из России в конце XVIII века из-за своих религиозных взглядов. В основном, они поселились в местности под названием Чухурюрд в Шамахе.

Мусульмане приняли их и выделили им землю. Они всегда жили дружно с местным населением.

Армяне не смогли переварить эту дружбу.

Они были полны ненависти к местным мусульманам. И эта ненависть начала проявляться накануне Первой мировой войны: мало-помалу армяне начали показывать свою истинную сущность. Они оскорбляли национальное и религиозное достоинство мусульман.

Армяне соблазнили деньгами группу молокан и начали натравливать их на мусульман.

Молокане пока ещё нужны были армянам для определенных целей. Хотя большинство умных и дальновидных молокане не поддались соблазну, к сожалению, некоторые из них, искушенные деньгами и имуществом, попали в сети армян и стали участниками многих нападений и грабежей против азербайджанцев – людей, приютивших их.

Геноцид в Шамахе

Примерно в это же время, а точнее в феврале 1917 года, в России произошла буржуазная революция. Это было на руку армянам, ибо позволило им начать действовать. В Шамахе была упразднена царская власть. После этого армяне тайно захватили оружейный склад, не проинформировав об этом комиссара по чрезвычайным ситуациям и местный Национальный Совет. Дашнаки сформировали гарнизон из армян-националистов и продавшихся молочан и стали ждать приказов. Они не пустили азербайджанское население в гарнизон.

Таким образом, армяне в спешке начали вооружаться, разными способами пронося оружие в свои села и кварталы. Оружие в основном импортировалось из России. Каждый армянский солдат, возвращавшийся с фронта, вез с собой несколько винтовок. В селе Мадраса, расположенном в нескольких километрах от города Шамаха, стали собираться не только проживающие здесь армяне, но и армянские солдаты из различных районов Южного Кавказа, переброшенные в свое время царской Россией.

В начале марта 1918 года поступили сведения, что из Баку в Шамаху направляется до трех тысяч армянских солдат, вооруженных большим количеством боеприпасов, пушками и пулеметами. Встречать отряд отправили делегацию, состоящую в основном из мусульман. Встреча делегации с отрядом состоялась в молочанском селе Гозлу-Чай. Хотя армянским бандитам предлагалось сдать оружие Шамахинскому гарнизону, они наотрез отказались, заявив, что их цель – избавить Шамаху от разбойников и установить мир.

На самом деле они и были худшими из разбойников, и через несколько дней эта банда разбойников разнесёт Шамаху...

Пока что шла секретная подготовка. Лидеры разбойников пообещали обойти город Шамаху и направиться в Мадрасу. Можно ли было поверить словам преступника и предателя? Тем более, что это армянские дашнаки. Подобные гнусные события происходили неоднократно, в результате которых дашнаки безжалостно убивали большое количество азербайджанцев.

15 марта, проезжая мимо города Шамаха, разбойники открыли огонь по местному населению, защищавшему свои дома. Вскоре стрельба охватила весь город.

Вечером армянский епископ созывает епископов других деревень и якобы клянется, что этот инцидент больше не повторится и что все будут жить мирно.

Когда жители позже напомнили об этом армянскому руководству, они получили следующий ответ: «Мусульманское духовенство может заключить мир с армянским духовенством. Но армянский народ хочет войны с мусульманами, и в этом деле армян будет защищать Англия...»

И вновь Англия. Выше мы говорили о том, как в XVII веке Англия переселяла армян сначала частями, а затем массово, чтобы развалить Османскую империю. Целью якобы была защита этнических народов. Почти два столетия спустя политика Англии в начале XIX века была продолжением этого плана. Никаких объяснений не требуется.

Местное население запаниковало, почувствовав надвигающуюся резню, потому что они видели раздачу оружия простым армянам как в самой Шамахе, так и в мусульманских селах. Это не предвещало ничего хорошего. Шамахинская интеллигенция и старейшины пытались найти общий язык с армянами и предотвратить готовящуюся резню. Однако им заявили, что у них нет вражды по отношению к мусульманам и никакой резни не будет. Но это произошло.

Писательница пришла в ужас, узнав о невообразимых убийствах и резне, учиненной против местных мусульман в Шамахе в 1918-1920 годах.

С помощью Шаумяна и Корганова из Баку армянские дашнаки разрушили сотни азербайджанских сел и убили десятки тысяч невинных людей. В письме, направленном в Совет Народных Комиссаров России 13 апреля 1918 года, Степан Шаумян просил отправить в Шамаху «новые отряды», оснащенные артиллерией и пулеметами. Руководил этими отрядами дашнак Степан Лалаев, близкий соратник Шаумяна, живший в Баку, питавшийся азербайджанским хлебом и являвшийся ярким врагом турок. Лалаев владел фабрикой в Баку и был чрезвычайно богат. Еще в 1904-1905 годах Лалаев принимал участие во многих расправах над местным населением в Баку, был очень злобным и жестоким по отношению к мусульманам. Прошло тринадцать лет. Обида и гнев Лалаева не остыли...

Получив указания от Шаумяна, он заранее дал свои инструкции армянам, проживающим в Шамахе, и смог передать им посланные Лениным боеприпасы. Бандиты с артиллерией и пулеметами под руководством Лалаева уже находились в Шамахе.

Мирные жители ничего об этом не знали.

Было раннее утро 18 марта 1918 года. Уже светало. Небо над родиной всемирно известных поэтов, писателей, ученых, общественных деятелей, мыслителей, древним городом Шамаха покрылось темными тучами.

Жителей города разбудил шум артиллерийского обстрела. Люди запаниковали. Одни спросонья, другие взволнованно протирали глаза, выходили на улицу и не могли поверить увиденному: нижние кварталы, населенные местными мусульманами, были окружены с трех сторон – армянами с юга и молочанами с севера и востока – и подвергались обстрелу из пушек и пулеметов из верхних кварталов, населенных армянами. Повсюду слышны были истошные крики женщин и детей.

– Господи! Что же такое происходит?

Женщины впали в истерику.

Внезапное нападение застало людей врасплох, и они не знали, что делать. Некоторые прятали в подвале своих детей и больных стариков. Ведь этого не должно было быть! Почему они нарушили режим прекращения огня? Руководители города, интеллигенция и религиозные деятели думали, как поступить.

Накануне армянский епископ Баграт и представитель молочан Карабанов поклялись на Библии, что будут жить с турками в дружбе и никогда не предпримут против них вооруженных действий. Поэтому местное население, чиновники и интеллигенция ничего не предприняли.

Хитрые дашнаки обманули мусульманское население и напали на него в самом его беспомощном состоянии – во сне.

Люди, не готовые заранее к бою, не могли защитить себя, не имели оружия и оказались в окружении.

Были отряды, которые хотели предотвратить нападение. Хотя они и заняли оборонительную позицию, но не смогли устоять перед пушками и пулеметами и отступили.

Спустя несколько часов армянам удалось войти на участок «Пиран-Ширван», являющийся границей с армянской частью города. Один за другим они врываются в дома мусульман, насиловали женщин, отрезали им груди, безжалостно убивали детей и всё мирное население. Затем они грабили дома и поджигали их. Они расправлялись над людьми с невиданной в мире жестокостью. Улицы города кишели трупами. Продолжались те же события, что и в Баку. Трупы изнасилованных и убитых женщин оставались на улицах: их пытали и убивали самыми грязными и безобразными способами...

Джума-мечеть, крупнейший архитектурный памятник города, и все святые места были сожжены и превращены в руины.

Ангахаранская трагедия

В эти минуты недалеко от Шамахи происходили еще более страшные события. Армянские вооруженные формирования так же внезапно атаковали село Ангахаран, которое находится всего в нескольких километрах от центра города. Жители деревни не знали, что делать. У них вообще не было оружия.

По данным материалов следствия, в результате армянского нападения было убито 237 человек из этого села. Армяне и предатели молokane, вошедшие в Ангахаран, окружили село, убили людей, разграбили дома, а затем подожгли их. Выжившие были взяты в плен. Позже они жестоко расправились над 88 захваченными ими людьми и их детьми. Более того, они измывались над трупами. Согласно следствию, у некоторых живых пленных на груди разжигали огонь...

Не хватает слов, чтобы описать масштаб всей этой мерзости!

Деревня Ангахаран, которая когда-то считалась большой по численности населения, сократилась вдвое.

Шамаха всегда была богатым городом. Здесь жили очень богатые купцы, бизнесмены и частные предприниматели. Они жили в самых благополучных, богатых кварталах города и были известными людьми во всей Ширванской области. Образованных людей, интеллигенцию и представителей власти города особо огорчили действия молokane. Ведь они приютили их. Почему группа молokane, искушенная деньгами и богатством, попала под влияние этих хитрых тварей?

Есть такая поговорка: «Дай мне обжиться, и смотри, что я тебе сделаю». Армяне всегда были хитрыми и коварными. А молokane?

Надо отметить, что взаимоотношения местного населения с молokane всегда были добрососедскими. Из молokane вышел такой гениальный педагог и мыслитель, как Черняевский. Алексей Черняевский, свободно говоривший по-азербайджански, ходил по домам, чтобы привлечь тюркских детей к образованию, и учил их русскому языку. Несмотря на неоднократные преследования со стороны царского правительства, он помог многим детям мусульман получить образование в учительской семинарии в Гори. Он является автором первого в Азербайджане базового учебника «Родной язык».

Алексей Осипович Черняевский родился в Шамахе в 1840 году в молokane семье и умер при невыясненных обстоятельствах в Тифлисе, куда бежал от преследований в 1894 году.

И хорошо, что спустя 16 лет после своей смерти он не стал свидетелем предательства некоторых молokane. Хорошо сказано, что нет леса без шакалов.

Среди убитых шамахинцев были влиятельные и известные в Азербайджане люди и общественные деятели. Один из них – Мамедтаги Ализаде, известный в Шамахе общественный деятель и меценат.

Мамедтаги Абдулсамед оглу Ализаде родился в Шамахе в 1858 году. Окончил реальную школу, был выпускником Московской сельскохозяйственной академии имени Петрова-Разумовского. Студент этой академии Мамедтаги Ализаде активно участвовал в распространении биологических и сельскохозяйственных растений в Азербайджане.

В 1906 году он был избран в Первую Государственную думу от Баку, а позднее от Шамахи.

Жил в Германии, Финляндии, посещал восточные страны. Мамедтаги Ализаде, владеющий несколькими языками – немецким, французским, арабским, персидским и русским, – занимал важные посты в России. Работал в Министерстве финансов в Петербурге.

Мамедтаги Ализаде решил затем навсегда вернуться в Шамаху. Его целью было обучение азербайджанских детей грамоте. Он открыл в городе школы и набрал учителей. Его называли русским Мамедтаги. Он считался одним из самых влиятельных людей в Шамахе благодаря своим делам по просвещению народа. Его все уважали. Выпускники, окончившие открытую им школу, с гордостью говорили: «Я окончил школу Мамедтаги». Мамедтаги Ализаде открывал школы не только в Шамахе, но и в прилегающих районах, а также прокладывал водопроводы в места, где не было воды. Мамедтаги также писал статьи для газеты «Экинчи» под псевдонимом Ширвани.

В 1904 году он стал одним из основателей партии «Хуммет».

Когда армяне вошли в Шамаху, Мамедтаги, отправив свою семью в Гейчай, остался в родном городе. В дни Шамахинской резни он не покинул родного очага. Он был зверски убит и сожжен в результате нападения на его дом дашнаков. Позже дом был подожжен, и все редкие рукописи и книги в его библиотеке, включая его собственные работы по экономике и сельскому хозяйству, были уничтожены.

Он – дедушка академика Алишрафа Ализаде.

Племянница Мамедтаги Алия ханым была женой знаменитого исполнителя на таре Гаджи Мамедова.

Мамедтаги, пользовавшийся большим уважением в России, вернулся на родину, чтобы служить своему народу. Он открыл школы, и в этих школах учились дети из бедных семей. Армяне разрушили их мечты.

Чем же провинились Мамедтаги Ализаде и другие интеллигенты Шамахи?

Как и многие жители Шамахи, семья Мамедтаги бежала от армянского гнета и в дальнейшем укрылась в Баку, в доме своих родственников. Брат Мамедтаги Мирза Махмуд, проживавший в Ашхабаде, узнав о произошедшем, срочно приехал в Баку, забрал бежавшую семью брата и близких родственников и вернулся с ними в Ашхабад. Хотя Мирза Махмуд не смог получить высшего образования, трудности, с которыми он столкнулся на жизненном пути, пока не стал купцом, научили его многому.

Тем временем в Шамахе продолжался геноцид. Дикие дашнаки грабили и поджигали дома известных и богатых людей...

Армянские бандиты мучили и расстреливали мужчин, женщин и детей, бежавших из горящих домов.

Видя, что ситуация накалена, интеллигенция, учёные, религиозные люди провели совещание. Они отправили письма-оповещения в Баку и Гянджу. Турецкая армия пока еще не прибыла. Другой помощи не было. Бои также шли в Баку, Гяндже, Нахчыване. Каждый был сам по себе. Было принято решение сдаться. В противном случае эти безбожники всех перебьют, думали они.

Местные жители послали своих представителей и попросили у разбойников мира. Однако армяне не прекратили обстрелов. Наоборот, они совершали еще более жестокие преступления. Они сжигали целые кварталы и дома. Огонь распространялся по всему району.

От сгоревших домов в самом богатом квартале города оставались лишь руины. Люди были убиты в домах, дворах и на улицах. Это было сделано с невообразимой жестокостью и пытками. По всему городу росли груды человеческих трупов, изнасилованных и убитых на улицах. У трупов были вырезаны интимные части тела, вспороты животы, над ними надругались самыми отвратительными способами.

На улицах также лежали трупы детей, прибитых к земле острыми клиньями. (Годы спустя та же картина повторится...)

Награбленное золото, богатство и имущество перевозили на фургонах в дома армян и некоторых молокан, которые их поддерживали.

Эти зверства продолжались несколько дней. Город превратился в руины.

Ситуация оставалась достаточно напряженной. Если бы так продолжалось, в городе не осталось бы ни одного азербайджанца.

Наконец, на помощь Шамахе прибыли вооруженные формирования из Гянджи. Опасаясь этого, армяне тут же отступили в молоканское село Гозлучай, в нескольких километрах от Шамахи.

Их преследовали азербайджанские вооруженные отряды. Однако силы армян превосходили по вооружению и находились в гораздо лучшем положении, поскольку стратегически стояли выше. Вооруженные группы из Гянджи не выстояли и через четыре дня были вынуждены покинуть город. Вместе с ними покинули город и шамахинцы. Они так спешили, что не смогли взять с собой даже самые ценные вещи.

Те, кто не смог бежать – больные, старики и дети-сироты, – остались в городе.

Воспользовавшись беспомощным положением жителей, армянские разбойники во второй раз напали на Шамаху. Они снова осадили город.

На этот раз погром города и убийство населения осуществлялись с ещё большей жестокостью, злобой и кровопролитием. Всё оставшееся в городе население – дети, женщины и старики – было убито. Улицы, дворы, дома, мечети были полны трупов. После того, как все имущество покинувших город и убитых мусульман было разграблено и вывезено в армянские и молоканские села, город Шамаха был полностью сожжен.

Они предали огню не только дома, но и все мечети и другие святыни.

Все кварталы города, где проживали мусульмане, были полностью разрушены, не осталось ни одного убежища.

С особой жестокостью армяне убили в Шамахе знаменитого ахунда Гаджи Джафаргулу. Сначала ему вырвали бороду, выбили зубы, выкололи глаза, отрезали уши и нос.

Помимо Ахунда Гаджи Джафаргулу, среди влиятельных людей, жестоко убитых армянами, были городской судья Теймур-бек Худавердиев, Гаджибаба Аббасов, Ашраф Гаджиев, Гаджи Абдулхалил Ахмедов, Гаджи Абдулгусейн Зейналов и трое его братьев, Гаджи Исрафил Мамедов, Мир Ибрагим Сеидов, Гаджи Ибрагим Саламов, Ага Ахмад Ахмадов, Хаджи Абдулгасим Гасимов, Айюб Ага Вейсов, его жена Зейнаб Ханым Вейсова, Алиаббас Бек Ибрагимбеков, Алиакбар Гадирбеков, Абдуррагим Бек Агаларов, Махияддин Эфендизаде (был родственником Фахреддина), Закария Эфенди, Мехди Халил Оглу, Зияддин Абдуллаев, Гаджи Молла Гасан Зейналов и его жена, Махмуд Гаджиага, его жена, сын и многие другие. Всех не перечислить.

Армянские бандиты также убили или сожгли заживо большое количество женщин и детей, искавших убежища в доме и дворе Ахунда Гаджи Джафаргулу.

Таким образом, дашнаки время от времени наносят удар по генофонду нации.

ОСОБОЕ ЗАМЕЧАНИЕ!

Позднее в результате проверок во дворе полностью сгоревшего дома Гаджи Джафаргулу, проведенных под наблюдением председателя Чрезвычайной следственной комиссии Азербайджанской Демократической Республики Алекпер-бека Хасмамедова, было обнаружено множество мелких человеческих костей...

Крупные кости трупов были собраны и захоронены турецкими солдатами летом 1918 года, когда они изгоняли армян из Шамахи. По показаниям очевидцев, вонь загнивших во дворе трупов долго не проходила.

Один из лидеров армянских дашнакских отрядов хвастался своим знакомым в Баку, что сначала изнасиловал, а затем расстрелял из своего личного пистолета в Шамахе 10 тюркских девушек.

Во время обоих нападений на Шамаху поджоги, грабежи и убийства осуществлялись по заранее подготовленному ереванскими армянами и дашнаками плану при участии и руководстве местных армян, которые мирно жили здесь в течение многих лет и всегда пользовались уважением местного населения.

Историческая справка:

22 ноября 1918 года в докладе председателя Чрезвычайной следственной комиссии Алекпера Хасмамедова министру юстиции Азербайджанской Демократической Республики говорится о насилии, совершенном армянскими дашнаками над мусульманским населением Шамахи, и установлении уголовной ответственности. Ответственность за эти массовые убийства была отражена в решении комиссии от 12 июля 1919 года.

Все эти следственные материалы, собранные в 7 томах и 925 листах, хранятся в архивах.

Операциями в Шамахе руководили Степан Лалаев, Гаврил Караогланов, Аршак Гулбандян, Михаил Арзуманов, Карапет Караманов, Седрак Власов, Самвел Долиев, Петросянц, отец и сын Ивановы, Даллек Аванесов, шушинец Агамалов.

Сотни свидетелей и потерпевших на допросах называли имена этих убийц и подтвердили их участие в убийствах и грабежах.

Среди местных армян, участвовавших в шамахинских погромах, были бывший заместитель главы района Гаврил Караогланов, бывший начальник Шамахинского почтово-телеграфного отделения Аршак Гулбандян, координатор Шамахинской армянской церкви Михаил Арзуманов, известный шамахинский купец Иванянц, парикмахер Самвел Долиев и другие.

Они прежде всего грабили и сжигали дома в своих районах, угоняли скот. Когда угнать скот не получалось, они запирали двери сараев и поджигали животных заживо... Они жестоко вырубали деревья и саженцы в виноградниках, фруктовых и тутовых садах.

Короче говоря, они ничего не оставили после себя.

Воспоминания Мешади Садига Али оглу довольно душераздирающие:

«Я тогда был ребенком. Мне было лет десять. Мы прятались в подвале нашего дома. Я своими глазами видел, как людей расстреливали, потом собирали в кучу на улице, набрасывали на них ковры и сжигали. Даже младенцев живыми бросали в огонь. Всю семью нашего соседа Моллы Мирзы сожгли заживо. Мы пять дней просидели в подвале. Ночью, выбрав момент, сбежали из города, а мой брат умер по дороге...».

Сложно даже писать об этом...

Но необходимо сделать это!

Надо писать, чтобы все знали правду!

Воспоминание. Рассказано 95-летней бабушкой Абият из Гейчая.

«Было мне тогда лет 12-13. Но я очень хорошо помню. Когда армяне резали людей, мы бежали в Гейчай. Когда мы уходили, шел дождь. Говорят, дети никогда не забывают слов. Я помню, что женщины надевали три-четыре юбки поверх других – когда пачкались о грязь, то снимали и выбрасывали верхнюю. Шли вдоль реки по грязным дорогам и густым зарослям. Идти пешком было очень сложно. Женщины шли с младенцами на руках. Сколько стариков и детей умерло от голода, жажды и страха. Их даже хоронить было некогда... Хорошо, что турки подросли вовремя, иначе эти негодяи совсем перебили бы народ...»

Всего в Шамахе было разрушено и превращено в руины 86 сел.

995 человек в Навахи, 922 в селе Яхьялы, 553 в селе Губалы Балоглан, 500 в селе Калва, 500 в селе Агсу, 360 в селе Тирджан, 345 в селе Багирли, 237 человек в селе Ангахаран, среди которых старики, женщины и тысячи невинных младенцев, были с особой жестокостью и пытками убиты армянами.

Общий урон, нанесенный городу Шамаха в результате армянских погромов, оценивается в миллионы манатов. По расчетам, общий материальный ущерб этим селам равен 339,5 миллиона манатов по оценке того времени.

В ночь на 19 марта 1919 года, когда доктор Сазонов обвинил армян в насилии над мусульманами в Шамахе, он получил от армян следующий ответ:

«Нет пощады туркам! Они все должны быть уничтожены!»

Писательница думает: «К сожалению, за годы советской власти преступления, учиненные армянами над мирным азербайджанским населением, позабылись. Точнее, нас заставили забыть! Наши бабушки и дедушки могли только нашептывать о произошедшем нам на ухо. И... было много тех, кто унес истину с собой в могилу».

Степан Лалаев, о жестокости которого говорилось выше, чьи руки были запятнаны кровью миллионов мусульман, и Степан Шаумян, который был главным организатором этого дела, были оправданы, и их внесли в историю как самых дорогих людей в регионах, входящих в состав Шамахинского района. Именами Лалаева и Шаумяна были названы улицы, колхозы, заводы и фабрики, а их фотографии висели на самых видных местах в учреждениях и организациях.

Увы!!

Сахиб Саилов, 91-летний бывший партийный работник, работавший в семидесяте годы Первым секретарем в Шамахе, рассказал писательнице:

«Когда я приехал в Шамаху в качестве Первого секретаря в семидесятых годах, я четче почувствовал обиду и ненависть армян, живших на нашей земле, к нашему народу. Поверьте мне, армяне занимали большинство руководящих должностей в Шамахе и действовали, как им было угодно. Саркис Степанян был заместителем председателя райисполкома. Общим руководителем районного отделения Комитета партии была Нора Газанчанян. Главный архитектор района также был армянином. Можете себе представить? Я снял их с должностей. После этого против меня начались провокации под руководством Саркиса Степаняна...»

А армяне стали посылать одну за другой обвинительные телеграммы прямо в Москву. С помощью своего покровителя Бабаджаняна, родом из Шамахи, они смогли попасть на приём к председателю Верховного Совета СССР Подгорному.

Результат: Сахиб Саилов уволен и арестован.

И... наша забывчивость дорого обошлась нам.

В конце XX века, в 1988-1993 годах, дашнакские ереванские армяне-вандалы убили тысячи наших сыновей, дочерей, беспомощных стариков, женщин и детей, оккупировали 20 процентов наших территорий, более миллиона наших соотечественников стали беженцами в своей стране.

Из воспоминаний Фатмы Панах, жительницы Веди, которую насильно выселили из дома в 1988 году:

«Я родилась в селе Гель Ведийского района в 1927 году. В 1941-45 годах окончила Ереванский государственный педагогический техникум. До 1960 года работала учителем в средней школе в Ереване. Еще в советское время мы постоянно чувствовали и испытывали на себе ненависть армян к нам. Мои родители были родом из села Мангюк.

Я стала свидетельницей армянского гнёта ещё с детства. Страдания, которые они причинили нашему поколению, преследовали меня всю мою жизнь, и я никогда этого не забуду!

В 1905 году во время первого геноцида, совершенного армянами против нашего народа, часть азербайджанцев бежала в современный Иран, а те, кто не смог бежать, были жестоко убиты армянами. В то время армяне под предлогом проведения совещания созвали азербайджанцев в мечети и лачуги в Шахаблы, Дахназе, Ка-

рабагларе, Чимане и многих других селах, названия которых я не помню, и всех замучили до смерти. Моего деда Моллу Хумбата, мою бабушку Хаджар Ханым, моих дядей, короче, всю нашу родню собрали в сарае и сожгли.

Мой отец был единственным выжившим из всей родни. Его в это время не было дома. Мой отец не мог забыть этих ужасов до самой смерти. Помню, он всегда указывал на разрушенные деревни и говорил, что в этих домах армяне сжигали его близких... Он не мог вспоминать об этом без слез.

Руины многих из этих горных деревень все еще сохранились. В большинстве из них никто не жил. Несмотря на то, сколько лет прошло, дождь и снег не смогли очистить сажу и запах с этих крыш. Проходя мимо этих руин, я все еще могла чувствовать этот странный запах. Казалось, что людей там только что сожгли. Даже сами армяне признавались, что избавиться от последствий содеянного было невозможно.

Мало того, что они причинили нашей родне, так еще и выгнали нас с родной земли...»

В то время не только жители Веди, Дералеаза, Гейчая, Еревана и Карабаха бежали из своих родных земель. Армянское зверство достигло и Ширванского района Азербайджана. Эфендиевы, одно из великих поколений Шамахи, также стали беженцами на родной земле.

Герой нашего произведения – маленький Фахреддин, его дедушка Ахмед, бабушка Алмаханым, мама Гюльбута и последовавшие за ними жители села...

***

Так получилось, что единственная дочь Ахмеда, Товуз, за день до событий отправилась со своими тремя детьми в гости в Гейчай. И Ахмед, и Алмаханым по дороге молились, чтобы их дочь и внуки были в безопасности и не пострадали.

Оставалось пройти ещё немного. Если бы они прошли через видимую вдаль гору, они бы дошли до Гейчая и Исмаиллы и разместили там беженцев. Дед Ахмед думал только об этом. Он заранее согласовал, что часть людей в Гейчае встретят родственники дочери Товуз, а часть – его сорокалетний друг Дамир в Исмаиллы. А сам он вместе с мужчинами вернется обратно. Родственники знали, что невестка беременна. Он верил, что там она будет в безопасности. Там будет и жена его, поэтому за невестку он был спокоен. Он был взволнован, что у него скоро родится внук.

Эта мысль вызвала у Ахмеда улыбку. И пока он мысленно играл с внуком, он заметил медленно идущего навстречу человека.

Это был учитель Аббас из Шамахи. Ахмед хорошо знал его. Аббас преподавал литературу, историю и географию в школе русского Мамедтаги в Шамахе. Он был доброжелательным человеком.

На плече у него висела винтовка. Он выглядел очень взволнованным. Они пожалы друг другу руки. Аббас покачал головой, видя такое количество беженцев.

– Вай! Что ж это такое? Бедные люди! – сказал он.

– Да... – Ахмед глубоко вздохнул. – Как там ситуация в Шамахе?

– Всё плохо, – ответил Аббас. – Эти безбожные пошли на хитрость, мол, хотят мира. Во главе их стоит епископ. Но обиднее всего то, что им удалось завлечь молоток на свою сторону. Обстреляли всех ночью, пока люди спали. Короче говоря, они перебили людей и сожгли их дома. Было бы ещё хуже, если бы не подоспела подмога из Гянджи. Эти мрази увидели их и убежали от страха, как мыши. Как только гянджинцы ушли, армяне снова захватили город. Они всё сожгли. Ты будешь в шоке, если увидишь это, дядя Ахмед!

Аббас не смог продолжить рассказ. Он почти плакал. Ахмед был убит горем.

Мужчинам приходилось держать себя в руках. Женщинам и детям нельзя волноваться. Мужчины еле сдерживали свои слезы.

– Куда ты теперь в это время идешь, учитель? – спросил Ахмед дрожащим голосом.

– Я направляюсь к Шамилову, лезгину, командиру отряда. Спасибо им, что как мужчины вышли сражаться против армян.

Хотя Ахмед не подал виду, он переживал за сыновью и зятя. Не дай Бог, что-то случится...

Он был в замешательстве, но старался держаться бодрым.

– Да... Шамилов – храбрый малый. У него в отряде ребята с волчьими сердцами. Надеюсь, они зададут жару армянам. Однако, Аббас, у меня к тебе просьба. Посмотри, среди этих несчастных есть больные, есть старики, их носят на спине и на руках. Если есть возможность, пришли пару телег – поможем быстрее перевезти людей, чтобы они не попали в руки армян. Видишь, я тоже иду неспешно, из-за новости. Хорошо, что есть этот конь, – он указал головой назад, – хоть невестку везет. Иначе пешком было бы трудно.

– Да, вижу, – он вздохнул. – Не волнуйся, дядя Ахмед, пришлю, – сказал Аббас. – Дай Бог, все будет хорошо. Ждем турок, они уже в пути, скоро придут. Генерал Энвер-паша создал армию. Его брат генерал Нуру-паша придет лично.

– Я слышал, знаю. Да поможет им Бог! Да будет их шествие удачным, – сказал Ахмед. – Надеюсь, что они скоро будут здесь. Мы не боимся за свою жизнь. Ты сам знаешь. Наша забота – это жены и дети.

– Я знаю, дядя Ахмед. Все знают, насколько храбрый и честный вы человек. Я пришлю телеги, постарайтесь выбраться побыстрее.

Затем Аббас прошептал в ухо Ахмеду: «Эти твари где-то совсем рядом».

Он спешно удалился.

Опасность могла настичь их в любой момент. Больные и старики отставали.

Время шло. От Аббаса не было никаких новостей.

«Интересно, учитель уже выслал телеги?» – думал Ахмед.

Он с тревогой огляделся вокруг, внимательно рассматривая каждый куст, лист, дерево, долину и холм. «Эти негодяи где-то совсем рядом», – помнил он слова Аббаса. Он держал оружие наготове. «Молодец, Шамилов! Он дает достойный ответ врагу, тормозит его. Молодец, лезгин!»

Позади послышался скрип телег. Все радостно обернулись на этот звук. Людям казалось, что их спасение близко.

Учитель Аббас прислал пять телег. «Спасибо, учитель!»

Ахмед дал указание: сначала на повозки посадили больных и стариков, уложили их на солому, затем на повозки посадили женщин и девушек.

– Да поможет тебе Бог, Ахмед ага!

Больные и члены их семей молились и плакали от радости. Попасть в руки врага в таком преклонном возрасте было невыносимо, ужасно. Они знали, как армяне пытали и убивали пленников, насиловали девушек.

Ахмед хотел отправить в телеге беременную невестку, жену и маленького Фахи. Он и один на коне справился бы с врагом. Однако в это время в толпе идущих позади людей он заметил пожилую пару. Они с трудом передвигались, помогая друг другу.

– Люди, расступитесь, дайте дорогу этим старикам, пусть они сядут в телегу.

Толпа разошлась. Старики дошли, и их посадили на телегу.

– Спасибо, брат Ахмед, – плакала женщина. – Да хранит тебя Аллах!

– Ну, всё, ступайте, люди! Ни пуха, ни пера! – сказал Ахмед.

Через полчаса часть сельчан уже проехала опасные участки на телегах, присланных учителем Аббасом.

Погода внезапно стала пасмурной. Ахмед поднял голову и посмотрел на небо. Несколько темных туч затянули небосвод.

«Это дурной знак! – подумал он. – Горе нам, если пойдут дождь и град...»

Но, к счастью, свинцовые тучи в очень скором времени расступились и исчезли.

Ахмед шел впереди, его семья шла сзади. Тяжело было идти в одном темпе с невесткой и ребенком. Если бы он и его жена шли одни, они бы давно преодолели эту гору. Как некстати, невестка не умела ездить верхом и пояснила свекрови, что лошадь трясла её, и ребенок будто бы толкался в животе. Они помогли ей слезть. Свекровь взяла её под руку. Невестка шла, держась за живот.

Ахмед словно чувствовал опасность, которая, как черные тучи на небе, поджидала их.

Идти оставалось самую малость. Около пятисот метров. Если бы они смогли преодолеть эту гору, на той стороне было бы уже не страшно. Ахмед хорошо знал те места...

Тем временем позади послышался шум. Когда он обернулся, у него как будто застыла кровь в жилах: к ним бежал их пёс Алабаш.

Когда он успел пробежать весь путь? Они не имели понятия. Боже! В чем вина этого животного?

– Идём скорее, сынок! – Ахмед взял Фахреддина за руку и поспешил вперед. Фахреддин услышал лай собаки и обернулся.

– Дедушка, дедушка, смотри туда! Алабаш прибежал за нами.

И Гюльбута, и Алмаханым замерли.

– Вернись в дом, – крикнул Ахмед Алабашу – Слышишь? Кому сказано?! Сейчас же возвращайся! Я ведь тебе наш дом доверил.

Алабаш поджал хвост и бросился в ноги Ахмеда. «В чем моя вина? Почему ты злишься?»

Ахмед был подавлен. Он наклонился и погладил собаку по голове.

– Возвращайся домой, сынок.

На глазах у него навернулись слезы. Впервые он назвал собаку «сыном». В этот момент собака стала ему настолько родной, что...

– Возвращайся. Даст Бог, мы тоже вернемся. Ты жди нас.

Пес взглянул на Ахмеда, затем на маленького Фахи и внезапно развернулся и убежал. Он бежал и бежал. И исчез из виду.

«Они только говорить не могут», – подумал Ахмед.

– Дедушка, зачем ты его отослал? – плакал Фахреддин. – Он мог бы остаться с нами.

Дед успокаивал его.

– Сынок, я не хотел, чтобы Алабаш страдал. Будем здоровы, вернёмся. И ты увидишь Алабаша, и все мы.

Смогут ли они увидеть?

***

Мамед не спал всю ночь и думал. «Интересно, смогли ли они уйти? Что станет с Гюльбутой в таком положении?»

Он открыл кисет с табаком и набил сигарету. «Я доверяю отцу. Он все устроит сам. Он умрет, но не отдаст детей армянам!»

– Почему ты не спишь, Мамед?

Он повернулся и увидел своего односельчанина Агали.

– Как мне спать, дорогой Агали? Моей жене скоро рожать, почти пришло время. И они в бегах в таком состоянии. Другого выхода не было. Я сказал им уходить. Ты знаешь подлую натуру армян и что они творят с женщинами.

– Да, это так, я знаю.

Оба замолчали. Мамед вспоминал прошлое.

Десять лет назад Гюльбута была одной из самых красивых девушек в его селе.

Ей тогда было всего шестнадцать лет. А Мамед был стройным и шустрым молодым человеком. Он сводил девушек с ума.

Он слышал много похвал в адрес Гюльбуты, но сам её никогда не видел. Однажды Мамед верхом на лошади отправился с юношами на охоту. Его дедушка Фахреддин научил его стрелять из ружья, когда тот был еще ребенком. Он был очень хорошим охотником.

Мамед увидел летящего по небу красивого фазана. Недолго думая, он прицелился и выстрелил. Добыча упала вдалеке от него у ног одной девушки. Мамед прискакал туда на своей лошади и слез.

– Прости, сестра.

Когда он наклонился поднять фазана, кобура от пистолета, висевшая у него на поясе, задела платок на голове девушки и сорвала его. Подняв голову, Мамед замер: это была очень красивая девушка лет пятнадцати или шестнадцати. У неё были большие миндалевидные глаза, изогнутые брови, пухлые щеки и мраморно-белое лицо. Она была очаровательной. Мамед забыл о добыче. Взгляд девушки, полный любви, словно плеснул капельки росы на сердце Мамеда.

– Девушка, как тебя зовут?

Девушка, кажется, только сейчас заметила юношу, отобрала у него платок и прикрыла им лицо.

– Меня зовут Гюльбута, – застенчиво ответила она.

– Как? – удивился Мамед. – Да... так ты и есть та самая красавица Гюльбута?

Девушка улыбнулась, кивнула и продолжила свой путь.

Мамед стоял посреди дороги и смотрел ей вслед.

С тех пор Мамеду не было покоя. Он видел лицо девушки, чувствовал ее дрожащее под шелковым фиолетовым платьем стройное тело. Он даже упал к её ногам, чтоб поднять её платок.

Мамед не мог совладать с собой: «Во что бы то ни стало я женюсь на этой девушке!»

И вскоре он соединил узы с этой красавицей. Нынче Гюльбута была беременна, до родов оставалось всего несколько дней. Как она будет идти в таком положении? Как они уйдут из деревни?

***

Солнце уже село. Становилось всё темнее.

Ахмед шел впереди, держа Фахреддина за руку. Маленький Фахи был раздосадован из-за Алабаша.

Хоть бы мы скорее вернулись! Он мысленно молился Богу. Он слышал от девушки и бабушки, что, если молиться от души, Бог услышит. «Пожалуйста, Боженька, воссоедини меня с моим псом Алабашем, котиком Сары и петухом Марджан! Пожалуйста, помоги нам!»

Хотя Фахреддин был ребенком, он многое понимал. Если дедушка с бабушкой оставили средь белого дня на волю Божью свое хозяйство, скот, верного Алабаша, кота Сары, кур и стельную корову, беременную, как его мать, то значит, дела были плохи.

– Пободрее немного, люди. – Дед Ахмед обернулся и тихо сказал: – Вот если мы сможем преодолеть эту гору, все будет хорошо.

Все бросили взгляды на возвышавшиеся впереди горы, напоминавшие сидящих в ряд людей.

Внезапно раздался выстрел.

Они вздрогнули. Гюльбута побледнела от страха.

«Может быть, это наши?» – подумал дед Ахмед.

Услышав автоматную очередь, он понял, что это армяне.

«Значит, они вошли в село, как только мы ушли, — подумал Ахмед. — Спасибо Мамеду. Вовремя он нас предупредил. Интересно, как у них там дела? Они вступили в перестрелку с армянами. Аббас говорил, что идут тяжелые бои. Нельзя ничего говорить Алмаханым. Если она узнает, у неё начнется истерика. Как-никак, она — мать».

— Дорогой, они где-то рядом. Может, пока спрячемся где-нибудь, передохнём. Хотя бы невестка сможет отдышаться.

— Нет, жена, мы не можем ждать. — Он повернулся лицом к толпе. — Люди, не паникуйте, не выдавайте своего местонахождения. Будьте чуть терпеливее.

Сельчане кивали в ответ. Хоть он старался держать себя в руках, сердце его разрывалось. Если б он был сам по себе, терять ему было бы самую малость: лишь душу, данную Богом, которую он всю жизнь хранил с честью и достоинством.

— Наберись терпения, жена. Подумай о невестке и ребенке. Мы должны быть терпеливыми, чтобы люди не паниковали, — прошептал дед.

Снова послышались выстрелы. На этот раз люди испугались сильнее. Волна паники, гула и шума разнеслась по окрестности.

— Замолчите, люди! — крикнул Ахмед. — Не пугайте детей! Мы еще не умерли!

Люди прикрыли рты руками и замерли. Они боялись попасть в плен. Некоторые взяли с собой крысиный яд. Так и прошли некоторый путь.

Ахмед увидел небольшую группу бородатых армян с фонарями в руках, идущих в их сторону. Он взял винтовку и выстрелил. Один из армянских бандитов упал на землю. Ахмед был метким и опытным стрелком, мог не глядя подстрелить летящую в небе птицу.

— Спасибо, дядя Ахмед.

— Люди, не время для разговоров. Они настигли нас. Не ждите, нам трудно с невесткой и ребенком. Бегите как можно быстрее, перевалите через гору. На другой стороне будет безопасно. Бегите скорее и постарайтесь не попасть в плен!

Люди начали бежать. Противник светил фонарями туда, откуда доносились голоса, и расстреливал бежавших людей.

— Ара, ты безумный мусульманин, куда ты бежишь? Сдавайтесь! Вы окружены! — сказал кто-то из армян на чистом азербайджанском языке.

Но никто не сдался. Противник продолжал стрелять. Несколько вооруженных деревенских мужчин также открыли ответный огонь по противнику. Все молодые люди были в армии. Оставались одни старики. Немногим людям из этой деревни удалось спастись. Армяне убили большую часть безоружного населения села.

Ахмед зарядил винтовку и спрятался с женой и детьми за большим деревом. Больше всего они беспокоились за невестку. Враг не должен её увидеть! Состояние Гюльбуты было крайне неудовлетворительным. Она сильно испугалась, услышав звуки выстрелов. Сколько она ни старалась сохранять спокойствие, скрыть волнения не могла. Но при этом доверяла своему тестю. «Он нас убьет, но врагу не отдаст!»

Стало тихо. Шум прекратился. Похоже, они ушли. Кто-то умер, а кто-то спасся. Но враг не смог взять никого в плен. Все способные сражаться мужчины погибли. И Самид, и его мать, которую он нес на спине, также погибли...

Ахмед посмотрел на тела, разбросанные по земле, и заплакал.

Он схватился за стремя лошади и жестом подозвал своих следовать за ним. Они шли медленно, не издавая ни звука.

В это время совсем вблизи послышались разговоры на армянском языке. Гюльбута побледнела от волнения. У неё внезапно начались схватки. «У меня еще несколько дней. Что это за боль такая?» Она стиснула зубы и не пикнула. «Боже, помоги мне!» — молилась она в душе.

— Ара, чую носом запах мусульманина, — послышался голос дашнаков. — Ара, безумный мусульманин, где ты? Выходи!

Они посветили фонарём. Никого не было видно.

Ахмед поднес пальцы к губам. Все замерли.

«Не дай Бог, если эти твари нас найдут, что станет с невесткой?»

Ему в голову пришла идея. Хотя он и колебался, но решил: если дашнаки найдут их, то он сначала застрелит членов своей семьи, затем свою любимую лошадь, а потом уже дашнаков. Гюльбута была права, думая: «Дед нас убьет, но врагу не отдаст». Ахмед был тверд в своем решении. Другого пути не было. Лишь бы его жена и молодая невестка не попали в руки врагу. Этим тварям не растоптать нашу честь!

Он снял с плеча винтовку и зажал в руках. Затем потянулся к кобуре на поясе и достал пистолет. Он был готов собственными руками убить своих родственников и друзей, а затем покончить с собой. Пословица гласила: «Иди на уступки врагу до тех пор, пока выполнишь своё дело, но не уступай настолько, чтобы тебя считали трусом». Эти негодяи совсем озверели. Как говорила Алма, их слишком распустили.

Претензии армянских дашнаков на землю, их хитрость, кровопролитие, жестокость и плевки в колодец, из которого они пили, в конечном итоге уничтожат их. Дед Ахмед был в этом уверен.

Но нынче деваться было некуда. Они ничего не могли поделать. Правда заключалась в том, что враг, жаждущий мусульманской крови, их настиг. Они были прямо под носом. Их голоса и зловонное дыхание ощущались совсем рядом.

На мгновение его жизнь пронеслась перед глазами, как кинолента. Молодость, создание семьи, рождение детей. Его отец, Фахреддин, был уважаемым человеком во всем Ширванском крае того времени. Пользовался большим авторитетом. Его отец много рассказывал ему о зверствах, творимых армянами, но запрещал где-либо об этом рассказывать. Боялся, потому что повсюду было много доносчиков. Ахмед в начале века пережил подобные события. Он сильно переживал за смерть отца и впоследствии назвал его именем новорожденного сына Мамеда.

Все шло хорошо. Они позабыли о произошедшем в 1905 году, не держали зла. Они мирно соседствовали с армянами, не напоминая лишний раз о содеянных ими мерзостях – всё ради комфортной жизни на своей земле. Они хотели мирно прожить отпущенную им Богом жизнь. Но не получилось.

Наверно такова была их судьба.

Схватки Гюльбуты постепенно учащались. Как бы ей ни было больно, она не издавала ни звука. Она прикрывала руками рот и кусала губы, чтобы скрыть своё состояние. Но лучше не становилось. Ужасная боль прошла по всему телу. Гюльбуте показалось, что ребенок шевелится, словно вот-вот родится. Она жала ноги и прикусила губу. «Потерпи, детка, посмотрим, что с нами станет... Пожалуйста, не торопись пока!» – прошептала она. Но младенец в ее утробе спешил появиться на свет, не ведая о делах мира. Она внезапно согнулась и упала на землю.

– Мама, умираю! – тихо сказала она.

И Ахмед, и Алма смотрели на согнувшуюся на земле невестку. Какое-то время они не знали, что делать.

– А потом что произошло, доктор? Расскажите, пожалуйста.

Потом...

Как только они покинули село, туда вошли армяне, разграбили дома один за другим, а затем подожгли их. Они убивали больных и стариков, которые лежали в постели и не могли спастись, выкалывали им глаза и брали в плен попавших к ним в руки девушек и женщин.

Группа под руководством Шамилова мужественно встретила врага, соорудила окопы, повсюду были слышны звуки выстрелов. Некоторых пленных женщин они спасли и отправили обратно. Уцелевшее население они кое-как вывезли из села и спрятали.

Шамилов, увидев двух обезглавленных мальчиков 5-6 лет, упал на колени перед их телами и заплакал. Члены его отряда никогда раньше не видели его плачущим. Затем он взял себя в руки и поднялся.

– Вперед!! – сердито крикнул Шамилов. – Шакалы позорные! Держитесь, мы заберем ваши грязные души!

Хотя силы были неравны, храбрецы бросились на поле боя.

Шла тяжелая битва. С армянской стороны было много погибших.

Среди членов отряда Шамилова также были потери. Сын Ахмеда Ярмет получил ранение в ногу. По мере поступления к армянам новых подкреплений отряд по приказу Шамилова вынужденно отошёл в лес. Тем временем вражеская пуля попала ему в плечо и ранила. Боевые товарищи сразу оказали ему помощь и увезли Шамилова.

Дашнаки пришли в ярость от количества погибших товарищей. Они намеревались сжечь всю деревню. «Откуда взялся этот лезгин, ара? Иначе мы убили бы всех!»

Армянский командир отряда, сильно потрепанный после боя с Шамиловым, задумался. Армяне знали, что беженцам далеко не уйти. Поэтому они разделились и отравились «охотиться» на мусульман. Трое из них направлялись в сторону Ахмеда. К счастью, из-за темноты и высокой травы беглецов не удалось заметить.

– Ара, я же тебе говорил, что чую запах мусульман. Я слышал их голоса.

И Ахмед, и его семья затаили дыхание. Боли Гюльбуты постепенно усиливались, но она старалась не издавать звуков.

– Ара, может, у тебя в ушах звенит? Хочешь, чтобы собаки и кошки тоже не шумели?

Они прислушались. Да... похоже, рядом мусульмане.

– Я же тебе говорил... Они где-то здесь, – крикнул один из армян. – Ара, безмозглый мусульманин, выходи. Куда ты сбежишь от нас?

Они захохотали.

– Ара, сейчас мы вам дадим концерт. Ха-ха-ха!

Трое армян изнасиловали двух молодых девушек, которых взяли в плен. Крики девушек пронзили уши Ахмеда. Он поднял ружье и хотел выстрелить.

– Стой, дорогой, пожалуйста. – Алма резко схватила его за руку и зашептала.

– Пожалей невестку. Разве ты не видишь, она рожает?

***

Видя корчащуюся от боли невестку, Ахмед ничего не сказал и молча опустил ружье. «Я вам ещё отомщу за девушек», – подумал он.

Непрекращающиеся схватки охватили все тело невестки. Она кусала руки и сжимала ноги, чтобы не выдавать боли. Если б это было в её руках, она бы перенесла роды на другое время. «Постой, малыш! Не приходи ещё! Пожалуйста! Враг рядом. Постой, прошу!» А младенец в её утробе, не ведая обо всем, спешил появиться на свет. Если бы он знал, вероятно, не родился бы. Но разве такое возможно?

Вдруг Гюльбута схватилась за живот и тихо проговорила:

– Тетя Алма, помогите... ребенок рождается...

– Ах, доченька...

Алма прекрасно знала, что невестке не время рожать. Будь прокляты эти армяне! Бедная невестка, перенервничала, потому и рожает. «Будь терпелива, Алмаханым. Помоги невестке родить...»

Она достала из узла толстую шерстяную куртку и расстелила ее на земле. Помогла невестке лечь. Затем сложила свой халат пополам и положила ей под голову как подушку. Проверила рукой область живота невестки и ниже. Воды ещё не отошли. Нужна была срочная помощь. Если бы воды отошли, ребенок мог бы задохнуться в чреве матери. И врача нет рядом. Если что, не дай Бог... как нам быть?

– Потерпи, дочь моя, моя прекрасная невестка. Дыши глубже. Старайся не тузиться. Я принесу воды. Все будет хорошо! – сказала Алма.

Она отошла недалеко. Никого вокруг не было. Кажется, армяне ушли.

Хотя Ахмед был взволнован, он не терял самообладания.

– Подожди немного, доченька. Не шуми. Моя прекрасная невестка. Мало осталось.

Ребенок в ее утробе торопился. Время пришло. Он должен был появиться на свет.

Невестка плакала.

– Я не могу больше... Тетя Алма, помогите мне, пожалуйста. Ребенок рождается!

Когда взволнованная Алма возвращалась с наполненным кувшином, она услышала голос.

– Ара, ара, смотри, там женщина. Наверное, она не одна.

Алмаханым растерялась, но не потеряла самообладания.

– Я одна. Одна. Со мной никого нет, – кричала она.

Увидев приближающихся армян, она подняла топор, который взяла с собой.

– Если подойдете ближе, я разобью вам голову этим топором, – сказала она. – Я раздроблю ваши дурацкие головы и вышибу вам мозги. Очень интересно посмотреть, что такого в ваших мозгах, что вы настолько кровожадные. Мерзавцы! Не устали пить кровь??

– Заткните её!! – крикнул армянский командир.

Ба-бах!!

Выпущенные одна за другой пули пронзили тело Алмаханым. Женщина рухнула на землю. Маленький Фахи прикрыл уши. Ему хотелось плакать. Гюльбута зажала рот сына рукой и тихо прошептала:

– Молчи, сынок. Иначе они придут и убьют и нас.

Ахмед был потрясен, видя, как его жену жестоко расстреляли. Убили его соколаетнюю спутницу, жену, которая понимала его с одного взгляда, хозяйку и украшение сельских торжеств. Причем, прямо на его глазах. Что может быть большей трагедией?

Он сжал кулаки. Ему так хотелось, чтобы рядом не было ни внука, ни невестки! «Подождите, ублюдки! Я вам отомщу!» – думал он.

Он был вне себя от ярости.

Фахреддин закрыл лицо руками и тихонько плакал. Дед вытер ему слезы и сказал:

– Соберись, Фахи. Потерпи. Пожалей свою мать. Они придут и убьют её.

Маленький Фахреддин кивнул головой и перестал плакать.

Тем временем к ним начали приближаться трое вооруженных армян.

***

Ахмед с родней скрылись за большим деревом. Гора, к которой они собирались идти, находилась примерно в ста пятидесяти метрах оттуда. Но они не могли идти, потому что враг определил их местоположение.

Иначе зачем им двигаться в их сторону?

У Ахмеда были наготове винтовка и пистолет.

Казалось, армяне их не заметили. Вскоре они ушли. Ахмед глубоко вздохнул.

Невестка хоть и корчилась от боли, но кусала руки, чтобы не выдать врагу свое местонахождение. Кровь текла по её рукам.

– Я умираю, помогите мне, – плакала невестка. – Тетя Алма, где же ты? Приходи скорее... Ребенок вот-вот родится!

Ручка писательницы словно воспламенилась, пока она записывала это. Она словно чувствовала мучения Гюльбуты... Она взяла себя в руки и продолжила писать. Это должно закончиться. Где она остановилась? Гюльбута страдала от боли. Её тесть Ахмед тоже был там. Если враг приблизится к ним, он застрелит сначала своих, а потом и себя. Но слава Богу, враг их не заметил.

Убедившись, что армяне его не видят, Ахмед отложил винтовку и присел на колени рядом с невесткой, которая корчилась от боли на земле. Она рожала. Голова ребенка была снаружи. Без помощи он бы задохнулся. Ахмед протянул руки, схватил ребенка за голову и вытянул его наружу.

Дед держал на руках крошечного пухленького мальчика.

Ахмед ножом перерезал ребенку пуповину. Вокруг разнёсся детский крик. Ахмед завернул ребенка в халат.

Фахреддин с интересом смотрел на младенца. У него родился брат. Его счастьем не было предела. «У меня родился брат. Я научу его всему. Я возьму его с собой на войну. Когда мы вырастем, мы убьем армянина, убившего мою бабушку!» – думал он.

И ребенок плакал, еще не зная мира, в который он пришел. Кто знает, возможно, узнав этот мир, он плакал бы еще горше.

Ахмед растерялся. Вокруг было полно врагов. Они могли услышать голос ребенка и повернуть назад.

– Доченька, возьми и накорми этого карапуза, пусть замолчит. Палачи его услышат.

Гюльбута еле открыла глаза и протянула руки к малышу.

– Назовём его Умид! Дядя Ахмед... – сказала она.

Она взяла ребенка и обняла его. В одно мгновение в ней проснулся материнский инстинкт, и любовь окутала все её тело. Она улыбнулась и прижала ребенка к груди. Есть ли на свете большее счастье? Малышу сначала было сложно, но вскоре он начал сосать грудь матери. Маленький Фахи с интересом наблюдал за малышом.

Армяне услышали голос младенца. Они начали возвращаться.

– Я же говорил вам, что та стерва не одна. Вы не поверили.

Они пошли по направлению голосов. В этот момент голос мальчика затих. Они замерли и не знали, куда идти.

Они совсем озверели.

– Я выпью кровь этих турок! – сказал один. – Рожают каждый день.

Дитя успокоилось. Ахмед решил уйти, как только состояние невестки немного улучшится. Утро приближалось. Ещё немного, и будет поздно.

Армяне уже собирались развернуться и уйти, как ребенок снова заплакал. Гюльбута прижала его к груди и хотела остановить его плач, но он не успокаивался.

Вот уже в их сторону направляются те трое армян. Ахмед потянулся за винтовкой. Сначала он направил ружье на невестку и внука.

Он почувствовал, как дрожат его руки, когда он попытался нажать на курок. Он промедлил. Тем временем армяне напали на него и отобрали винтовку.

– Ара, что здесь творится?.. Что это? Молодая женщина... а с ней...

– Не трогайте её, она только что родила, – сказал Ахмед. – Убейте меня!

– Помолчи, старый! Мы знаем, что делаем.

Они насильно забрали новорожденного ребенка из рук Гюльбуты.

– Не трогайте моего ребенка! – умоляла Гюльбута.

– Заткнись, стерва. Давайте её того...

Все трое ухмыльнулись.

Когда один из армян попытался приблизиться к невестке, Ахмед оттолкнул его ногой, выстрелил из спрятанного за спиной пистолета и убил его. Хотя двое других армян растерялись, они направили оружие на Ахмеда.

– Брось пистолет! Бросай или я убью ребенка!

Сказав это, он ударил ребенка прикладом. Потом вонзил в него штык. Ребенок навсегда замолчал. Увидев это, Гюльбута потеряла сознание. От страха маленький Фахреддин убежал и спрятался за ближайшим камнем. Его не заметили.

– Разве я не сказал тебе отдать пистолет? Со смертью решил поиграть? – сердито бросил бородатый армянин, который до сих пор молчал.

Его голос показался знакомым Ахмеду.

– Не ты ли это, Мкртыч?

– Ну, допустим, я. И что?

– Чтоб не впрок пошли тебе тонны хлеба, которые ты ел у нас, тварь неблагодарная.

– Заткнись, ара. Сам ты тварь неблагодарная. Ну, и что, что мы ели у вас. А вы сидите на наших землях.

– Да будь ты проклят, Мкртыч! Какой вы бесстыдный, лживый народ!

Когда Мкртыч хотел застрелить Ахмеда из винтовки, Ахмед сказал:

– А чего ты злишься? Подойди ближе, возьми пистолет. Ведь мы были соседями. Твоя сестра Маро каждый день гостила у нас. Помнишь? Она так хвалила блюда и хлеб, приготовленные моей женой.

Когда Мкртыч подошел и попытался отобрать у Ахмеда пистолет, Ахмед сбил его ногой и приставил к его горлу нож, спрятанный в кармане:

– Ну, что теперь, отрезать тебе голову? Нет. Мы не такие дикие, как вы. Мы не головорезы. Я убью тебя по-мужски. Это тебе за девушек, которых ты только что изнасиловал! Это за мою жену! Это за моего маленького внука!

Ба-бах!! Ба-бах!! Ахмед был не в себе. Он зарядил все пули из пистолета в тела Мкртыча и другого армянина, который замер от страха.

– Поторопись, доченька, где Фахи? Найди его, нам надо быстрее уходить.

Невестка не реагировала. Она была без сознания. Дед оглянулся, но не заметил Фахи. Увы, они снова промедлили. Они не смогли найти Фахи.

Писательница с ужасом ахнула.

– Да... моя дочь. Если бы я там не спрятался, возможно, всё сложилось бы иначе.

– Судьба, доктор. Нам суждено пережить то, что предначертанное, – с горечью проговорила писательница, – что было дальше? Расскажите, доктор,

Дальше... Дальше всё ещё ужаснее...

Когда армянские разбойники прибежали на шум выстрелов, они пришли в ярость, увидев на земле трупы троих своих товарищей. Они расстреляли Ахмеда и Гюльбуту, лежавшую на земле без сознания. Им захотелось забрать с собой грациозного коня, но конь вскинул вверх копыта и затоптал насмерть двоих армян. Их крики доносились до неба. Они изрешетили автоматной очередью тело прекрасного карабахского коня.

Маленький Фахреддин, видевший все это своими глазами из-за камня, прикрыл руками рот и тихо плакал.

90-летний Фахреддин также плакал перед могилой турецкого героя солдата в Аджыдаре, в Шамахе. Семилетний ребенок внутри него тоже плакал.

– Вы хорошо себя чувствуете, доктор?

Он пытался скрыть слезы. В своё время дед Ахмед сказал ему: «Держи голову выше, Фахреддин!»

– Я в порядке, доченька, – ответил он.

Затем он полез в боковой карман куртки и вытащил коробочку с валерьянкой. Писательница взяла коробку, достала две желтые таблетки и отдала ему.

– Ваш отец был очень достойным человеком. Он спас много девушек и женщин от рук врага.

– Да, моя дочь. Отец отдал бы жизнь, но не позволил бы этого.

– Сколько дней вы там прятались? Вы не были голодны?

– Я был очень голоден. Но мне было не до страха. Я слышал только звуки выстрелов.

Две капли слез скатились по его лицу. Его взгляд устремился вдаль. Мысли вновь унесли его в те мгновения.

***

Маленький Фахреддин тихо плакал, прикрывая рот руками.

Фахи, который всю ночь прятался за камнем, дрожа от страха и ни на минуту не закрывая глаз, к утру вылез оттуда и столкнулся с очень болезненной, ужасной сценой, которую не забудет на протяжении всей своей жизни: на земле лежали тела его дедушки, матери, бабушки и младшего брата, прожившего в этом мире всего несколько часов. Фахреддин вздохнул и зарыдал. Он закрывал рот руками, чтобы армяне не услышали его голос и не забрали его. Гиганты, семиглавые драконы. Как в страшной сказке.

Он вырыл себе убежище за камнем и начал там жить.

Он ел траву, чтобы утолить голод. При любом шуме он прятался за спасительным камнем, полагая, что рядом враг. Вход в свое убежище он тщательно замаскировал травой.

Маленький Фахреддин почти не вылезал из своей землянки.

Какова будет его судьба? Найдет ли его враг? Фахи каждое мгновение жил с этим страхом. Он не мог спать. Как только он закрывал глаза, ему представлялись бабушка, дедушка, мать и младший брат, а в ушах шумели выстрелы.

Армяне немного отступили, узнав о прибытии турецкой армии.

Фахи голодал. Только по утрам он выходил из-за камня и слизывал росу на траве. Конечно, это не утоляло его жажду и голод.

Прошло три дня. Исхудавший ребенок был очень слаб.

Освободительная турецкая армия

«Хорошо, что турки вовремя успели, иначе эти негодяи полностью уничтожили бы народ...».

Эти слова сказала писателю 95-летняя бабушка Абият, которой в 1918 году было всего 12 лет и которая бежала с семьей из Шамахи в Гейчай, поселилась там и прожила до конца своих дней.

В 1918 году ситуация в Баку и во всех регионах Азербайджана была настолько напряженной, что миллионеры-меценаты Гаджи Зейналабдин Тагиев, Ага Муса Нагиев и группа патриотически настроенной интеллигенции провели совещание и решили обратиться за помощью к османам.

На самом деле Османская Турция знала о геноциде армян против тюрок и мусульман в Азербайджане и очень переживала по этому поводу.

16 февраля 1918 года Анвар-паша, опытный солдат и генерал армии, участвовавший в Первой мировой войне, подписал приказ о создании организации для оказания помощи и содействия Дагестану, Туркестану и мусульманским странам, подчиненным России.

Этой организацией стала Кавказская исламская армия.

«Радость Азербайджана – наша радость, их печаль – наша печаль! Наш долг – помочь им, несмотря ни на что!» – провозгласил Мустафа Кемаль-паша.

Отметим, что Османская Турция только вышла из Первой мировой войны, в ходе которой местные армяне, бывшие гражданами Турции, объединились с Россией и другими европейскими странами и вероломно нанесли османам удары в спину в Ване, Эрзуруме и Карсе.

Именно из-за предательства армян Турция не смогла проявить себя на войне.

Но Турцию это не пошатнуло. Османское государство, которому всегда удавалось устоять на ногах, взяло ситуацию под свой контроль. В ответ на предательство армян османская армия под командованием Энвер-паши, Талат-паши и других опытных воинов дала достойный ответ армянам: правительство приняло решение изгнать вероломных армян из страны в 1915 году. Решение было окончательным: предателям нет места на турецкой земле!

Это решение не понравилось армянам, и они его не ожидали. Ведь они мирно жили в Турции, и никто никогда не притеснял их из-за национальности. Но они, прислушиваясь к обещаниям царя и призыву епископа, стали проводниками пришедших в Турцию русских.

Согласно решению турок, армяне должны были покинуть турецкие земли.

Эта миграция длилась десять месяцев. Во время этой миграции, по рассказам армян всему миру, многие из них погибли в пути, причем число погибших продолжает увеличиваться из года в год! Армяне до сегодняшнего дня продолжают говорить об этом. Самое странное, что этим они хотят обвинить Турцию в геноциде.

Фантастически большое предположение!

Энвер-паша держал Кавказскую операцию, особенно свой визит в Азербайджан, в строжайшем секрете. Даже главному союзнику османов – немецкому государству и его штабу – не предоставили никакой информации об операции.

Почему Энвер-паша держал операцию на Кавказе в секрете от своего союзника?

Османское государство прекрасно знало, что у Германии были политические планы, связанные с бакинской нефтью, и это беспокоило Османское государство и создавало серьезные препятствия для осуществления кавказского похода армии в Азербайджан. Поэтому Энвер-паша преподнёс Кавказский поход не как военную операцию османской армии, а как формирование армии, которая будет построена из азербайджанцев.

Обратите внимание: название созданной армии «Кавказская исламская армия» было уловкой, выбранной во избежание подозрений со стороны Германии!

Энвер-паша приказал включить Пятую Кавказскую дивизию из состава Восточной группы армий в состав Кавказской исламской армии. Пятая Кавказская дивизия имела 257 офицеров и 5575 кавалеристов.

Кавказскую исламскую армию возглавил опытный генерал Нуру-паша, брат Энвер-паши. В армии собралось множество опытных бойцов.

Это был период массовых убийств в Баку, Шамахе, Губе и Нахчыване.

Делегация солдат и офицеров во главе с Нуру-пашой 12 мая двинулась по дороге Савуджбулаг-Тебриз-Аладжюдже, 20 мая достигла реки Араз и вошла в Зангезурский район Азербайджана. К тому времени, когда турки достигли Зангезура, жестокость армянских вооруженных формирований по отношению к азербайджанцам стала беспощадной.

Чтобы предотвратить это зверство и создать группы сопротивления из местного населения, Нуру-паша оставил в этом регионе несколько турецких офицеров. Несколько опытных турецких офицеров были отправлены в Нахчыванский и Орду-бадский районы.

Когда турки прибыли в Азербайджан, они пришли в ужас от жестокости армянских вооруженных формирований по отношению к местному мусульманскому населению...

Нуру-паша подписал приказ о создании групп сопротивления, состоящих из храбрых местных жителей вместе с турецкими солдатами. Это был очень стратегический шаг в нужное время! Нуру-паша оставил в регионах, где шли тяжелые бои, несколько турецких офицеров, а сам вместе с солдатами двинулся в другие области для уничтожения дашнаков.

Дисциплина в турецкой армии была очень строгой. Нарушителей сурово наказывали.

Писательница вспомнила одну историю.

Много лет назад она встретила с писателем Манафом Сулеймановым, которому исполнилось девяносто лет.

Манаф Сулейманов, написавший знаменитый труд «Всё, что я прочитал, услышал и увидел» об истории Баку в советское время, переписывая архивные документы арабской графикой и пряча их в подкладочных карманах пиджака, рассказал писателю очень интересные факты и события.

Когда турецкая армия пришла на помощь, в группу сопротивления призвали и местное население. Командиры в Нахчыване, Гяндже, Исмаиллы, Шамахе, Губе, Лянкяране, Гейчае, Агсу, Кюрдамире, Габале и многих других районах вербовали во вновь организованную армию молодых людей, умевших обращаться с оружием, и обучали их военным секретам.

В одном из сёл Исмаиллы двое молодых людей опасались идти в армию, так как им сказали, что дисциплина там очень строгая.

Однажды эти двое друзей гуляли у подножия горы. Тем временем турецкие солдаты заметили их издалека. Друзья договорились между собой, что, если их спросят, они скажут, что один из них – погонщик верблюдов, а другой – пастух. Их должны будут отпустить.

Турецкие солдаты остановили молодых людей и привели их к командиру.

– Так, кто вы такие? – спросил командир.

– Я погонщик верблюдов, а он – пастух, мы ничего не умеем, – сказали они.

– Нам как раз и нужны погонщики верблюдов и пастухи, – ответил командир, и ребят зачислили в армию.

Позже Манаф-бею рассказывали, что дисциплина в турецкой армии действительно строгая и суровая, и к нарушителям дисциплины применяются жесткие наказания.

Таким образом, турецкая армия подготовила группу местной молодежи против армян. Благодаря этой дисциплине многие из них впоследствии стали способными и образованными офицерами.

***

Местное население, услышав о прибытии турецкой армии, вышло на улицы. Наконец-то они избавятся от армянского гнета! Их сыновья, родители и дети были убиты на их глазах, их дочери и невестки были изнасилованы, сожжены заживо и обезглавлены. Многие спасались бегством в горы. Действительно, терпение Божье велико. Зло никогда не остается безнаказанным.

Невинные замученные мирные жители были рады видеть турецкую армию, они смотрели на нее как на спасителя, посланного Богом.

Люди не могли сдержать слёз. Это были слезы радости освобождения народа от армянского гнета и радости победы!

Писатель Манаф Сулейманов говорил, что, если бы турки не подросли вовремя, от нас не осталось бы и следа.

То же самое говорила 95-летняя бабушка Абият.

В этих боях героически погибли и турецкие солдаты.

Одиночные могилы шехидов часто встречаются в Гейчае, Шамахе, Кюрдамире, Евлахе и Лянжаране. Они погибли за эту землю, за этот народ, за эту нацию!

Мы поминаем их с уважением!

Турецкая армия вошла в город Шамаха, где родился Фахреддин. В Шамахе с радостью и слезами встретили турецкую армию. Все смотрели на них как на посланных Богом спасителей.

В Шамахе произошло множество погромов. Город, подаривший великих мыслителей, был в ужасном состоянии. Они жестоко убили и обезглавили самых образованных интеллигентов и религиозных лидеров и жаживо похоронили их в колодце. Они казнили десятки видных деятелей, таких, как Мамедтаги Ализаде. Скольким студентам могли эти люди дать образование!

Этого не произошло. Дашнаки их уничтожили. Они разрушили город. Они сожгли его. Они превратили его в руины. И эта правда держалась в тайне от молодого поколения ровно 70 лет. На протяжении 70 лет армян представляли как братьев и друзей. Предатели, палачи и головорезы, убившие нацию, считались национальными героями.

Шамаха!

Родина любимая моя!

На твоих холмах построил дом свой я.

Теперь же ты в обиде на меня.

Коль я покину навсегда твои края,

Моей надеждой и опорой будешь ты, Тебриз!

В твоих горах прошёлся я и вверх, и вниз!

Кому принадлежат эти строки?

Да. Вы верно угадали. Афзаладдин Хагани.

Земля, которая вырастила таких, как Сабир и Ширвани, была разрушена армянскими вандалами!

По словам очевидцев, когда солдаты турецкой армии вошли в Шамаху, они, увидев заколотых штыками младенцев и изнасилованных женщин, безостановочно рыдали...

Если в Шамахе будут проведены раскопки, то, несомненно, и там обнаружат массовые захоронения.

Существованием Шамахи сегодня мы также обязаны туркам! Очистка города от захватчиков была одним из важнейших успехов Кавказской исламской Армии. Ведь Шамаха считалась главной стратегической базой для наступления на Баку.

19 июля 1918 года турецкая армия получила приказ атаковать и нанесла противнику тяжелые удары. 20 июля по ходу боя Шамаха была освобождена от вражеских сил и перешла в руки Кавказской Исламской Армии.

Турецкая армия всего за один день очистила город от армянских дашнаков и спасла народ от этой беды.

Именно тогда армяне жестоко убили родителей, бабушку и дедушку, а также младшего брата маленького Фахи. Он прятался в вырытой им маленькой землянке. Он голодал и хотел пить...

В село, где жил Фахреддин, вошли турецкие солдаты. Вскоре они уничтожили армянских головорезов и заставили их отступить. Они были очень потрясены жестокими убийствами женщин и младенцев армянскими дашнаками в селах и городах. Деревни были пусты. Уцелевшее население не решалось вернуться обратно. Хотя некоторые из них возвратились, узнав о прибытии турецкой армии, многие все еще прятались в горах, долинах и лесах.

Турецкие солдаты бродили по лесам, горам и долинам, призывая население вернуться в села.

Когда они дошли до большого раскидистого дерева, от увиденного здесь ужасного зрелища у турецких солдат застыла кровь в жилах: они обнаружили тела зверски убитой семьи.

Пожилые мужчина и женщина, молодая невестка с ребенком. Самым кошмарным было то, что они закололи штыком только что родившегося грудного мальчика... А рядом с ними лежала грациозная лошадь. Тело лошади было изрешечено дырами. Под копытами лошади валялись два армянских трупа.

Тела убитых принадлежали Ахмеду, его жене Алмаханым, его невестке Гюльбуте и новорожденному Умиду, убитым армянскими разбойниками. С ними рядом лежал светловолосый красноглазый Сарытель!

Турецкие солдаты сняли головные уборы, поклонились перед их телами и помолились за их души. Они в очередной раз возненавидели армянский вандализм.

Тела забрали и похоронили на сельском кладбище по мусульманской традиции. Лошадь также похоронили в колодце.

Автор думает: «Они также стали шехидами. Они героически погибли. Все, бежавшие от армянского гнета, погибшие в пути и зверски убитые, – шехиды!»

На следующий день турецкие солдаты вновь обошли округу и призвали население, скрывающееся в пещерах и горах, вернуться. Остановившись у дерева, где были убиты Ахмед и его семья, они сняли головные уборы и минуту молчали.

Турецкие солдаты продвигались вверх по горе. Тем временем молодой солдат по имени Мехмет немного отстал и наклонился, чтобы завязать шнурки. В это время он услышал плач. Мехмет постоял и прислушался. Голос доносился из-за заросшего мхом зазубренного камня. Мехмет тут же направился туда. Никого не было. Он осмотрелся, но никого не заметил. «Послышалось», – подумал он.

Он уже собирался повернуть назад, когда увидел детскую ручку, вытянувшуюся из земли прямо рядом с камнем.

Солдат подошел к камню, убрал траву, прикрывавшую вход, и крикнул в изумлении:

– Посмотрите, здесь маленький ребенок! Тут ребенок! Ребенок!!

Солдаты немедленно поспешили назад. Они сдвинули в сторону камень перед выемкой и взяли ребенка на руки. Ребенок был без сознания.

Его привезли в штаб. Он не мог говорить. Малыш онемел. Он не ел несколько дней. Его состояние было тяжелым. Он мог умереть в любой момент. Привели врача. Врач посоветовал сначала дать несколько капель воды. Ребенка напоили. Кажется, он среагировал. Он выпил воду. Значит, выживет! Потом дали еды. Он тут же всё съел.

И врачи, и солдаты прослезились.

Здесь и автор заплакал, ибо сдержать слез не было сил. Даже писать очень сложно. Порой даже перо в руках писателей чувствует боль.

*Я не доверяю своему богатству,
У меня нет надежды на сегодня и завтра.
Земля прижмет меня к себе,
Это ли твоя справедливость, мир?
Ни любовью, ни богатством не поделил!
Ты друг злодеев!
Ты палач добрых!
Это ли твоя справедливость, мир?*

Она вытерла слезы и продолжила писать произведение. Должна закончить!

Где она остановилась? Да. Ребенок потерял дар речи. Он не мог говорить. Он также голодал три дня. Сначала ему дали воды, а затем еды. Он всё съел. Солдаты плакали. Больше всех плакал Мехмет, который его спас.

Затем ребенок начал медленно говорить, рассказал солдатам и другим посетителям о том, что с ним случилось. Пока он говорил, женщины плакали, прикрываясь платками. Ему нельзя было волноваться. Как только он нервничал, он сразу терял дар речи.

С ним долгое время работали врачи и психологи.

Они пытались заставить его забыть прошлое. Но возможно ли забыть прошлое?

На его глазах жестоко убили его мать, бабушку и бабушку. Его младшего брата закололи штыком. Как он мог их забыть? Как только он вспоминал, у него немел язык и он начинал дрожать. Его зубы стучали друг о друга.

Врач пояснил, что это результат пережитого потрясения. Ему ввели успокоительное и он проспал какое-то время. Проснувшись, он был в лучшем по сравнению с предыдущими днями состоянии. Ему купили игрушки.

Он часто видел во сне своего младшего брата. Он рассказывал ему во сне истории. Этого не произошло. Его брат не вырос.

Он сам вырос. С болью и скорбью. Видя врачей, которые терпеливо лечили и помогли ему, он сам решил стать врачом.

Это был тот самый Фахреддин, который выжил в ту ночь, спрятавшись за камнем. Могила, которую он посещал, принадлежала спасшему ему турецкому солдату Мехмету.

Они узнали, что его отец Мамед погиб в бою с армянами, выводя из осады своих однополчан. От маленького Фахреддина это долго держали в секрете, не хотели огорчать мальчика ещё больше.

Он часто спрашивал про отца. Ему отвечали, что тот далеко, но вернется.

Нашли его дядю Ярмета и тетю Товуз, которые в момент событий находились в Гейчае. Товуз безостановочно плакала. Она переживала из-за трагической смерти своих родителей, невестки и малыша Умида. Она часто обнимала маленького Фахи, прижимала его к груди и засыпала поцелуями. Дядя с тетей пытались заменить ему родителей и не дать чувствовать себя сиротой.

Фахреддин вырос под опекой своего дяди. Дядя, в свою очередь, не отделял его от родных детей.

Фахреддин хорошо учился, поступил в медицинский университет и стал врачом. Он также много писал. Он стал автором многих книг о нашей истории.

Ежегодно он навещал могилу турецкого солдата Мехмета, своего героя.

Он никогда не сможет забыть ту ночь. Эта ночь стала неизлечимой раной в его сердце...

– А что случилось с Алабашем? – спросила писательница. – Посетили ли вы впоследствии свой дом?

– Я вернулся. Поехал туда с дядей Ярметом и тетей Товуз ровно через год, когда мне исполнилось восемь лет. Армяне разрушили наш дом, а затем сожгли его. От того шестикомнатного дома со всей утварью внутри не осталось и следа. Во дворе был беспорядок. Один из соседей рассказал, что останки дома дымились еще несколько дней после того, как армяне подогли его. Никогда не забуду, как плакали тетя и дядя. Не осталось ничего, что напоминало бы о былых днях.

Один лишь Алабаш сидел у ворот и ждал нашего прихода. Он ждал ровно год. Как только он увидел меня, он бросился мне в ноги и обнял их. Затем он повил хвостом и странно посмотрел на меня, словно спрашивал: «Где хозяйева?» Я до сих пор не могу забыть взгляд этой собаки.

Он не смог продолжить рассказ. Писательница не настаивала.

– Животные очень преданные. Они надежнее людей, – сказал автор.

– Да. Это так. Соседи потом мне рассказали, что собака день и ночь лежала у ворот. Что бы они ни делали, пес не уходил. Он так и спал во дворе. Я вспомнил слова деда, которые он сказал собаке, когда мы были в бегах: «Вернись в дом и сто- рожи его. Мы тоже скоро вернемся». Как будто пёс запомнил эти слова. Он не отхо- дил от двери. Всё ждал дедушку и родных.

Автор вспомнила вычитанное ей из хадисов высказывание: «Звери – мои без- молвные рабы».

– А что стало со стельной коровой? Ей тоже было время рожать. Не знаете?

– Нет. К сожалению, мы не видели её ни живой, ни мертвой. Люди из-за страха поздно вернулись в свои дома. Были и те, кто оставался в горах и окрестностях не- сколько месяцев.

– А хлев уцелел?

– Нет. Они и его сожгли. Предполагаю, вместе с хлевом предали огню и весь скот... Они мучили не только людей, но и животных.

Повисла горькая тишина.

– Судьба Сарытеля тоже не сложилась...

– Да. Это был прекрасный конь. Мой дедушка очень любил его. Как сейчас помню, он разговаривал с ним, как с человеком. Веришь? Славные были дни.

– Как будто, доктор, коню тоже было суждено стать беглецом и погибнуть. Но здорово он двух армян затоптал!

– Да, доченька, это так. Спасибо туркам, похоронили его. Позже я посетил мо- гилу коня. От того дома и очага мне на память остался только Алабаш. Не было ни кота Сары, ни пятнистого петуха Марджан, ни индюшки, ни цыплят. Ничего не оста- лось. Каждый день я целовал и обнимал Алабаша и проводил с ним всё свое время. Ночью он спал рядом со мной. Меня воспитал мой дядя Ярмет. Он построил в этом дворе новый дом. Но это уже был не мой дом, не мой двор и не мое детство. Всё ис- чезло. Я вырос, будучи еще ребенком. Я проводил дни с Алабашем. В нём я чувство- вал запах своих родителей, бабушки и дедушки, младшего брата и животных. До самого взросления. Потом Алабаш тоже состарился и умер на моих глазах. И это об- ратилось для меня очередной раной. Я похоронил его у нас во дворе. Я потерял по- следнее родное, что у меня было.

Так я покинул те края навсегда...

Писательница была растрогана. Её также волновала судьба стельной коровы, которая должна была родить. Она не сомневалась, что корову сожгли в сарае. Ар- мянские националисты сжигали живьем животных не только в Шамахе, но и во мно- гих районах, селах и городах, где совершали убийства.

Стельная корова и красавица-невестка Гюльбута разделили одну и ту же участь...

А ещё Сарытель! Красноглазый светловолосый Сарытель! Откуда ему было знать, что его родина, Карабах, будет оккупирована армянскими дашнаками и их сто- ронниками много лет спустя, и произойдет Ходжалинская резня...

– Ни мы, ни те, кто придет после нас, не имеем морального права забывать ге- ноцид, дочь моя! – грустно продолжил доктор. – Мартовский геноцид 1918 года – страшная трагедия! Мы не должны забывать ни этот день, ни те, что были до него, ни Ходжалинскую резню, случившуюся 75 лет спустя!

– Вы правы, доктор. Вы озвучиваете наши мысли. Советская империя время от времени пыталась заставить нас забыть обо всем этом. О событиях 1937 года мы услышали гораздо позже. Ходжалинская резня – это неизлечимая рана в наших серд- цах.

– Всё верно. Верно... – он глубоко вздохнул. – Мы не злопамятный народ. Однако мы не имеем права забывать содеянное зло и жестокость коварных, ненавистных соседей, которые всегда прячутся у нас под носом! Мы всегда должны быть бдительны! Это мой вам завет. Запиши это, доченька. Если забыть о том, что произошло, Армения, время от времени расширяющая свою территорию за счет азербайджанских земель, не откажется от своих коварных планов и попытается стереть Азербайджан с карты мира. Мы должны помнить, что армяне никогда не менялись и не изменятся! Это их отличительная черта. Подчеркни это.

Пожилый профессор замолчал. Морщины на его лбу утроились, и в этот момент он выглядел не на девяносто, а на сто девяносто лет.

– Даже в советский период армяне продолжали ненавидеть турок. Расскажу тебе две истории. Оба произошли в Ханкенди в советское время. Это были лучшие годы Советского Союза. В 1967 году армяне среди бела дня сожгли заживо директора школы Аршада в Ханкенди. Представляешь? В советское время. Нас тогда заставляли называть их братьями... Вторая история произошла в 1978 году. И вновь посреди бела дня двое армянских бандитов напали на Новруза Мамедова, который работал на птицеферме. Они жестоко избили его, а затем выстрелили ему в ногу, сделав инвалидом на всю жизнь. Они убили его жену Агабаджи, прибежавшую на крики, и сына Айдына, отца двоих детей. Можешь поверить?

– Как на это отреагировало советское правительство?

– А как оно могло отреагировать, когда все высокие посты сплошь занимали либо армяне, либо те, кто был женат на армянках? Никак. Молча закрыли дело.

– Если бы это сделал азербайджанец или турок, они бы весь мир уведомили об этом.

– Конечно, доченька. Позже, при Горбачеве, они осуществили план, который годами таили в своих сердцах. Разумеется, за счет Горбачева и своих покровителей в Европе. Недаром отцы наши говорили, что собака с хозяином задушит волка.

Автор хорошо помнила трагедии, произошедшие в 1988 году после прихода к власти Горбачева.

То, что произошло в Хамамлы (Спитаке), было ужасающим. Около семидесяти маленьких азербайджанских детей загнали в 20-метровую узкую трубу, а концы труб заварили и закрыли с обеих сторон...

Исследования показывают, что армяне убивали тюркских детей ещё сотни лет назад. Они жестоко мучили и убивали мусульманских детей не только в 1905-1907 годах, но и до, и после этого...

Великий общественный деятель, писатель-журналист Омар Фаиг Неманзаде, который своими глазами видел армянский вандализм и те ужасы, позже напишет в газете «Ени Игбал» в 1915 году: *«О, уважаемые бакинцы, гянджинцы, агдашцы, шамахинцы, шекинцы! Я умоляю вас: приютите по 10-12 детей. Подумайте только, что эти тюркские дети одной с нами крови, которые так нуждаются в вашей помощи: их дома разрушены, их матери и отцы убиты, их 10-12-летние сестры месяцами насилованы в руках позорных шакалов, все их родственники уничтожены».*

10-12-летних девочек месяцами насиловали разбойники!.. Позже армяне так же поступали с захваченными ими в плен малолетними девочками...

– Рана, нанесенная тюркскому народу этим подлым, коварным, хитрым племенем на протяжении всей истории, никогда не заживет, доченька! – сказал доктор. – Даже если покроется коркой, всё равно не заживет! Повторяю, если мы забудем об этом, души наших шехидов нам этого не простят!

Он больше не мог говорить. У него дрожала челюсть.

– Доктор, вы хорошо себя чувствуете?

– Не волнуйся, все в порядке.

Он попытался собраться.

Это был финал произведения, последние нотки, которые переживали вместе автор и Фахреддин. Надо было поставить последнюю точку.

– Расскажите всё, что помните, доктор. Выскажитесь. Я знаю, что вам очень трудно. Пожалуйста, постарайтесь вспомнить даже самые мелкие детали, которые запомнились вам. Таких, как вы, живых свидетелей того времени очень мало. Можно сказать, нет вообще.

Маленький семилетний мальчик прятался за камнем и плакал...

Пока говорил врач, у писательницы застрял ком в горле. Ей было очень грустно. Она не могла ни сглотнуть, ни заплакать.

Ей вспомнились слова поэта:

*Я широко открыл свои тоскующие глаза.
Слово «отчужденный» стало моим горем.
Горстка земли стала моей родиной,
Народ без земли – мертв, брат!*

Мамед Ибрагим

В чем грех людей, изгнанных из родных домов?

Они не заметили, когда подошел водитель Орхан и встал рядом с ними.

Автор надела черные очки. Слезы катились по её щекам. Она пыталась скрыть это от доктора, чтобы тот не волновался. Сердце мужчины могло не выдержать.

– Доктор, я уже некоторое время слушаю ваш рассказ, – сказал Орхан. – Дай вам Бог здоровья! Обещаю, как только начнется война, мы размажем этих фашистов!

– Я не сомневаюсь в этом, сынок.

– Что может быть почетнее, чем погибнуть за родину? – он посмотрел на памятник турецкому солдату. – Они также пожертвовали своими жизнями ради земли, ради нас. Мы рождены, чтобы стать шехидами за свою землю! Мы ничем не лучше, чем Мубариз Ибрагимов и тысячи других погибших... Мубариз пошел на смерть сознательно. Он погиб, чтобы мы могли последовать за ним и раз и навсегда освободить нашу землю от рабства.

– Как хорошо ты сказал, сынок! – отметил доктор. – Наша земля действительно порабощена.

– Мы ждем приказа Верховного Главнокомандующего, – продолжил Орхан. – Дай Бог, мы готовы умереть за наши земли. Моя самая большая мечта – чтобы меня окутали трехцветным флагом.

Писательница с гордостью смотрела на него. Она знала, что этот молодой человек по имени Орхан был спортсменом. Свою военную службу он проходил в Товузе, прямо лицом к лицу с армянами. Орхан был очень хорошо осведомлен. Он знал, что одной из целей армян было захватить Товуз как стратегическую территорию. В первую Карабахскую войну доблестные и храбрые сыны региона не допустили этого. Многие погибли и получили ранения. Благодаря им Товузский район не был захвачен противником.

Орхан стал живым свидетелем того, как армяне неоднократно нарушали режим прекращения огня и обстреливали наши позиции за эти полтора года, что он прослужил. Он всегда говорил: «Мы вам обязательно отомстим, сволочи!» Он недавно женился. Но посмотрите, как он хочет стать шехидом.

Доктора тоже очень впечатлили слова молодого человека.

– Все в порядке, сынок! – сказал он. – Даже если я умру, я буду спокоен за будущее. Я знаю, что такие храбрые сыновья, как вы, освободят наши земли. Как там пел певец по радио?

- Мы поднимем азербайджанский флаг в Карабахе! – Орхан поднял кулаки.
- Долгих тебе лет, сынок! Конечно, вы поднимете флаг!
- Он пожал парню руку. Его руки дрожали.
- Отведите доктора к машине, я сейчас подойду, — сказала писательница.

Она непроизвольно оглянулась. Доктор постукивал своей узорчатой тростью. В стуке трости слышался странный звук: Тук-тук! Тук-тук! Писательнице эти стуки напомнили звуки пуль, выстрелов, криков...

Это была та страшная ночь, когда люди бежали из своих домов от армянского гнета. Они жестоко убивали тех, кто бежал.

В ту ночь они тоже оставили горящими очаги и бежали...

Что только не пережил в ту ночь этот великий человек, доктор Фахреддин? Маленький Фахи... Если бы не турецкие солдаты, он так и остался бы в маленькой ямке, где скрывался от рук кровожадных дашнаков, и умер бы от голода и жажды...

С комом в горле она подошла к могиле турецкого солдата.

– Мой непобедимый турецкий солдат! Если бы не вы, Азербайджан столкнулся бы с еще большими бедствиями. Мы бы понесли еще большие потери, пережили бы новые трагедии. Если бы не ты, этого мужчины сейчас не было бы в живых. И это произведение не было бы написано. Мой шехид! Внуки Эртогрула, Султана Сулеймана! Упокой Аллах ваши души!

Автор вспомнила погибших в Чанаккале, Карсе, Эрзуруме, Ване, Баку, Гяндже, Ереване, Шамахе, Шуше, Губе, Тебризе, Нахчыване, Ходжалы. Она с почтением вспоминала тех, кто во время первой Карабахской войны, когда отсутствовала армия, защищали землю и честь матерей и сестер с криками: «Впереди наша Родина, позади наши матери и сестры»; молодых людей, которые погибли и пропали без вести, на чьих могилах не было имен.

Внезапно прогремел гром и пошёл дождь. Сгустившиеся с утра облака, наконец, заплакали и опустошили свои сердца.

Вскоре небо прояснилось. Показалось солнце. Стояло удивительное зрелище: капли росы ярко светились под лучами солнца, словно это были слезы оккупированных наших земель... это были обеспокоенные души шехидов!

Интересно, пройдет ли эта тоска, заживет ли эта рана?

Нет. Доктор прав. Такие раны не заживают. Это называется тенью страданий. Эти раны не покрываются коркой, их тень всегда преследует тебя.

Год спустя

Женщина в черном платье подходит к могиле на Ясамальском кладбище с букетом гвоздик в руке. Она кладет цветы на могилу, смотрит на изображение улыбающегося на надгробной плите человека. Мысли переносят её на год назад, когда она встретила и поговорила с ним... Она глубоко вздохнула.

«Мир – это окно, каждый проходящий смотрит в него и уходит...»

Вы, наверное, догадались. Это автор.

Она считает своим долгом посетить могилу доктора Фахреддина Тюркелли, человека, которого она никогда не забудет.

Она вспоминает болезненные, но счастливые моменты, которые она провела с ним: его внезапный звонок, его дрожащий голос, просивший написать о нём, его настойчивое требование отвезти его туда в последний раз, его шаги, когда он медленно спускался по лестнице, его рассказы, полные боли, которые она никогда не забудет... а потом его слезы над могилой турецкого солдата в Аджидере в Шамахе...

Мучительные дни маленького Фахи, его беременная мать, скрючившаяся от боли, малыш Умид, заколотый вражеским штыком... Печальная судьба Сарытеля, стельной коровы... Фахи несколько дней прятался в своем убежище без воды и еды. Мехмет пришел ему на помощь...

– Посмотрите, здесь мальчик! Маленький мальчик... – взволнованно кричал турецкий солдат...

Все это прошло перед её глазами, как кинофильм. Она расчувствовалась. Горький ком застыл в её горле.

– Спи спокойно, доктор! – сказала она. – Дай Бог, наши земли будут освобождены от оккупации! Этот день не за горами.

ЭПИЛОГ

Годы спустя

Конец ноября 2020 года. Посетив Вторую Аллею почетного захоронения в Баку, автор поочередно подходит к могилам шехидов.

Мир вашим душам, герои!

Она стоит рядом с могилой генерала Полада Гашимова.

Она помнит апрельские бои четырехлетней давности. Более ста храбрецов отдали свои жизни за Родину и родную землю. В апрельских боях погиб также подполковник Рагуф Оруджов, близкий друг генерала Полада Гашимова, который учился вместе с ним в Турции. Он был в одном шаге от звания генерала... «Опытный, образованный, патриотичный генерал, полковник не появляется из ниоткуда. Нужны годы, чтобы вырасти до этого уровня... Жаль!»

Она возложила красные гвоздики на их могилы.

Она посещает могилы Мубариза Ибрагимова, Ахмеда Абдулалиева, Шукура Гамидова, спецназовца Рашада Абдуллаева, Адила Ибрагимли, Хамида Аббасбейли... и многих других отважных сыновей.

Господи! Худаяр Юсифзаде! Каким красивым, улыбчивым и храбрым парнем он был. Свою героическую смерть он также встретил с улыбкой.

*...Приснилась мне моя прекрасная родина,
В туманах я превратился в эпос...*

Эти строки он напевал незадолго до своей гибели.

«Ты поистине превратился в эпос, Худаяр! Да покоится с миром твоя душа!» – прошептала писательница.

Были среди погибших и врачи. Они также рисковали своей жизнью, оказывая первую помощь раненым с начала войны. Для них было большой честью спасти раненого и вернуть его к жизни. Автор вспомнила доктора Фахреддина, которого не забывала ни на минуту. Он также был врачом и хирургом.

«Обидно! Он не увидел нашей победы... Если бы вы были живы, доктор! Прекрасный человек!»

Она вздохнула.

Её внимание привлекла одна могила. Улыбающаяся молодая женщина смотрела на нее с надгробия. Это могила медсестры Аресте Бахишовой.

Первая погибшая женщина-военная. Ареста погибла вместе с солдатом, которого несла на спине.

Писательница вспомнила свою погибшую коллегу Салатын Аскерову. Она была очень смелым журналистом!

Участница первой Карабахской войны, облачившаяся в военную форму с первого дня конфликта и принимавшая участие в боях на протяжении семи лет командир из Бардинского батальона по прозвищу «Гага», бесстрашный ветеран Аида Широнова, героически погибшая Гюльтекин Аскерова, а также Гаратель Гаджимамудова, принявшая яд, который хранила в кармане, чтобы не попасть в плен к врагу – она вспоминала этих и других храбрых женщин.

«На протяжении всей истории у нас были такие женщины. Как говорится, львы не делятся на самцов и самок!»

Среди шехидов было много высокопоставленных офицеров. По словам участников войны, офицеры шли впереди всех. Возможно, поэтому Победа, которую мы ждали 28 лет, осуществилась всего за 44 дня.

«**Железный Кулак**» и **Союз Тюрк** добились этой победы!

Она также хотела войны. Наш генерал, многие опытные офицеры и солдаты стали шехидами.

Враг держал свиней в Агдамской мечети, премьер-министр Армении со своей свитой распивали вино и плясали в Шуше – на древней азербайджанской земле.

Это был предел терпения...

Двадцать седьмое сентября 2020 года. Можем ли мы забыть тот день?

Люди не знали, радоваться или плакать? Кто бы что ни говорил, война – очень тяжелое слово. Война словно вырывает сердце из тела человека. Но что поделаться, если враг хитёр и коварен! Удобно расселись на твоей земле. Прямо у тебя под носом. В Шуше развлекались, а из Лачина и Кельбаджара вывозили за границу тонны золота. И не собирались никуда уходить.

Как говорят древние надписи:

*Иди на уступки врагу до тех пор, пока выполнишь своё дело,
но не уступай настолько, чтобы тебя считали трусом.
О, ты, надеющийся на судьбу,
За твоей спиной – вода, а не столб. Будь осторожен!*

Разве мы не ждали 30 лет новостей об освобождении земель? Разве нас не терзали разговоры о Шуше?!

Этот день, наконец, настал. Все с волнением следили за новостями.

Солдаты и офицеры славной, победоносной Азербайджанской армии шли на встречу врагу на фронте, чтобы освободить оккупированные земли. Тысячи молодых людей зачислились добровольцами в армию и героически сражались с врагом.

Матери и отцы погибших солдат прятали слезы, высоко держали головы, целовали переданный им трехцветный флаг со словами: «Да здравствует Родина!»

Храбрые сыны отечества отдавали жизни за родную землю, освобождая их от оккупации.

Она услышала громкий голос Верховного Главнокомандующего: «Мы освобождаем наши земли. Мы прогоним врага с наших земель, как собак!»

Ей вспомнились слова молодого водителя Орхана, с которым восемь лет назад они ехали в Шамаху: «Надо изгнать этих мерзавцев с наших земель, как собак!»

Интересно, где он сейчас? А где же Мамед, внук врача, названный в честь турецкого солдата?

Наберись терпения, мой читатель! Скоро ты узнаешь о его судьбе.

Уверенный голос президента Турции Эрдогана разнесся по всему миру: «Мы всегда с Азербайджаном!» – сказал он.

Эти слова, как острый нож, пронзили сердце врага и его покровителей.

Физули, Джебраил, Зангилян, Агдам, Гадрут, Ходжавенд, Суговушан, Лачин... были освобождены один за другим.

Наконец, весть «Шуша, ты освобождена!» была услышана. Господи! Люди ждали этой новости с радостью и волнением... Шуша – земля мастеров, художников, мыслителей, ханов, беков, аристократов! Ты свободна! Что могло быть лучше этой новости?

Услышав радостную весть, люди во всех регионах Азербайджана вышли на улицы с турецкими и азербайджанскими флагами в руках. Как и сто лет назад, они словно приветствовали Кавказскую исламскую Армию!

Когда автор с гордостью вспоминала те мгновения на улицах столицы, из-под черных очков по её щекам покатались слезы радости и печали...

Как можно забыть, что Фахреддин, маленький Фахи, скрываясь от армянских бандитов, сутками прятался без еды и воды? Жестокое убийство его деда Ахмеда, бабушки Алмаханым, матери Гюльбуты, его младшего брата Умида, который прожил всего несколько часов в этом мире, светловолосого Сарытеля с миндалевидными глазами, жителей Баку, Губы, Шуши, Шамахи, Еревана, Ардебилля и Тебриза, жертв недавно случившейся Ходжалинской трагедии!

Зорий Балаян, заклятый враг турок, пригвоздил к стене двенадцатилетнего азербайджанского мальчика и содрал с него кожу, затем написал: «Я получал удовольствие, пока этот тюркский мальчик истекал кровью»...

Это предел бесчеловечности, не так ли? Нет слов, чтобы описать это зверство! За всё это мы отомстили!

Как сказал доктор? Он сказал, что без войны не обойтись. Он сказал, что история нам не простит, если мы не изгоним врага! Орхан сказал то же самое. То же самое много лет назад сказал писатель Манаф Сулейманов. Золотые слова.

Так и произошло. Не пришлось ждать Судного дня. Здесь и в разных уголках Азербайджана наши погибшие шехиды и раненые ветераны освобождали нашу землю от оккупации. Они заставили нас гордиться.

В противном случае души наших дедушек и бабушек, которые за последние два столетия неоднократно становились беженцами, были замучены и изгнаны из своих родовых домов, не простили бы нас!

Мир их душам! Покойтесь с миром, наши дорогие!

Она подошла к очередной могиле. Молодой лейтенант лет 30-ти, с трехцветным флагом на плечах, с азербайджанским и турецким флагами на руках, улыбался ей с изображения на надгробной плите.

– Здравствуй, мой герой! Да наградит Бог тебя раем!

Она также кладет красную гвоздику на его могилу.

Узнали? Это могила Орхана, молодого лейтенанта и бывшего спортсмена, с которым они много лет назад ехали в Шамаху, который с началом войны добровольно зачислился в армию и прошел подготовку, уничтожив сотни врагов и приняв мученическую смерть. Он погиб в боях за Физули, выводя своих воинов из осады. У него осталось двое маленьких детей.

Она услышала голос Шамистана:

*Отзовись, господин лейтенант,
Отзовись, лейтенант!*

– Спасибо, мой храбрый! Ты хотел стать шехидом, закутанным в трехцветный флаг. Видишь, Бог исполнил твоё желание. Поздравляю! Героическая смерть тебе очень к лицу.

Писательница вспомнила Панджали Теймурова, шехида-разведчика, грозу врага. На своей свадьбе этот мужественный парень из Астары пожелал принять мученическую смерть и укутаться в трехцветный флаг. И его мечта сбылась!

*Скажи, каким тебя мне вспоминать, мой герой?
Ты стал кровью в жилах моих, мой герой!
Моё дитя, мой сын, мой дорогой, мой герой,
Никто не поймет меня, Панджали,
Герои, как ты, не умирают, Панджали!
Герои, как ты, не умирают, Панджали!!*

А как же Харун! Шехид Харун Алгаев, профессиональный разведчик, которого армяне называли «тюркоком Харуном»!

*Ты ушел из жизни слишком рано,
Как может мать остаться одна со своим горем?
Плачь по отважному уроженцу, Балакан!
Это был храбрый сын, любивший свою страну.
Ему не довелось надеть наряд жениха...
Он живет теперь в сердцах тысяч людей,
Гордись своим сыном, Азербайджан!*

Шехиды Маштаги! Наши девятнадцать светлых шехидов! Все они были храбрыми людьми.

Среди них был Забиюлла. Мамедов Забиюлла. Этот наш девятнадцатилетний герой обладал самыми разными талантами: писал прекрасные стихи, хорошо играл на таре, окончил музыкальную школу, рисовал. Возможно, Забиюлла стал бы талантливим поэтом или музыкантом. Увы, но у жизни свои планы.

А еще гейчайские шехиды! Мой Тебриз с окольцованным пальцем – Тебриз Асланов.

И... любимый сын своей матери, наш девятнадцатилетний шехид Али! – Али Эйвазов!

Полковник Видади Халилов, который всегда шел впереди своих солдат!

Аяз Ахмедов, солдат из Арабджабирли!

Руфат Маилов, единственный шехид села Курдшабан...

Шехиды-близнецы Таджир и Назир Аллахвердиевы из села Гюллю Агдамского района. Наши родные! Они родились и умерли в один день...

Сумгаит, Гянджа, Мингячевир, Нахчыван...

Тысячи храбрецов из всех регионов Азербайджана, бакинских сел! Мои светлые лвы!! О ком из них писать? Кого хвалить?

Кому из них петь колыбельные, кого оплакивать?

*Перо волнуется, плачет,
Душа раздирается.
У матери, чей ребенок умер,
Сердце обливается кровью...*

Но нет, подвиг погибших нас хранит, и мы должны быть достойны их памяти. Мы гордимся каждым своим солдатом и своей страной! Все они – Сыны нашей Родины.

Писательница увидела, как в Аллею вошли несколько ветеранов. У двоих были ампутированы ноги, еще один – без руки, а другой потерял глаз.

Кажется, они пришли с визитом. Да. Это так. Ветераны навестили своих боевых товарищей и молча стояли перед их могилами.

Автор подошла, поздоровалась, пожала руку каждому из них, внимательно посмотрела на молодого ветерана лет 20-ти без руки.

Господи! Это он! Мамед – внук доктора Фахреддина. Она узнала его по глазам. О, Боже, как же доктор любил этого внука... Она помнит, что он всегда называл внука Мехмет, Мехметчик.

Какова же воля Божья... поглядите, где они встретились. Она всегда думала и беспокоилась о нем. Автор поспешила подойти к нему.

– Сынок! Это ты? Мехмет! Как ты вырос!

– Это вы, ханым?

Он обнял писательницу единственной рукой. Слезы текли из глаз Мамеда. Словно набрякшую тучу прорвало. Боль войны лилась из глаз этого 22-летнего храброго человека. Или, возможно, писательница напоминала ему о последних мгновениях деда, который его так сильно любил.

– Слушайте, столько лет прошло. Пути Господни неисповедимы... Я так хотел вас увидеть... Хорошо, что мы встретились. Я знал, что смогу найти вас здесь либо же на могиле моего дедушки. Слава Богу!

Сердце Мамеда было переполнено. Он беседовал с писательницей так, словно встретился с близким другом. Свою военную службу он проходил в приграничной зоне. Получил высшее образование. Записался в армию добровольцем, как только началась война. Участвовал в боях за Физули, Агдам, Суговушан, Шушу в звании офицера особого назначения, был ранен вражеским снарядом. В его теле много осколков. Выжил лишь по счастливой случайности.

– Я хотел стать шехидом. Я ничем не лучше, чем они... – он указал на могилы шехидов, – не получилось, – сказал Мамед.

Писательница была растрогана. Внук доктора продолжал его путь в этой жизни. Так чудесно, когда дети и внуки продолжают добрые дела, содеянные человеком, и молятся на него – это сродни Божьему благословению! Не каждому выпадает такое счастье. Нужно совершать добрые дела при жизни, чтобы твои дети всегда помнили и молились о тебе после твоей смерти.

– Стать ветераном – тоже честь, которой наградила нас Бог, – сказала писательница, указывая на медали, которые он и остальные бойцы носили на груди. – Не каждого зовут Ветераном, и не каждого Бог награждает возможностью заслужить это имя. Вы – отважные сыны своей страны. Вы преподали урок пьяному танцующему премьер-министру в Шуше и прогнали мерзавцев, которые держали свиней в мечети. Конечно, на этом пути должны были быть потери. Если есть кому умирать за землю – это Родина! Великий Низами говорил, что храбрый человек совершает омовение собственной кровью. Благодаря вам и нашим шехидам мы, наши матери и сестры, весь наш народ можем сегодня ходить гордо и с высоко поднятой головой.

Ветераны с гордостью подняли головы и сказали: «Да здравствует Родина! Да здравствует наш народ!»

Они потихоньку вышли из Аллеи.

Писательница шла позади и смотрела на воинов без рук, ног и глаз и задумалась: «Эти храбрецы пожертвовали здоровьем и сражались за Родину. Они могли стать шехидами в любой момент. Но они не погибли. Они стали ветеранами. Сколько осколков они несут в своих телах. Их товарищи и братья погибли на их глазах, и они горько плакали в те минуты. Но не сломались. Эти храбрецы объединились в «Железный кулак» и вернули нам нашу историю! Они зубами и когтями взобрались на отвесную скалу и вернули нашу Шушу – сердце Карабаха!»

Позже писательница окажется в освобожденной Шуше. Она посетит Дом Натан, ханской дочери. Когда-то в этом доме проводились литературные вечера, собирались поэты и писатели. До поездки в Шушу писательница посетила разрушенные города Физули и Агдам и пришла в ужас от увиденного.

И вновь, как и сто лет назад, дашнакские племена оставили наши оккупированные земли в руинах, сжигая и разрушая дома, мечети, все памятники истории и культуры и даже кладбища. Они зарыли в землю тысячи взрывчатых веществ и мин.

Такова их природа.

«Железный Кулак всегда должен быть у них над головой, чтобы они не забывались и не смели поднимать голову! Хорошо, что наши доблестные бойцы, наши воины прогнали их с наших земель, как собак!»

Автор остановилась, чтобы посетить могилу последнего шехида. Она совсем расчувствовалась. Разве не было самой большой мечтой этих детей стать шехидами, окутанными в трехцветный флаг? Они стали шехидами во имя Родины! Во имя земли!

*О солдат, павший за эти земли,
Если предок спустится с неба и поцелует этот чистый лоб, оно того стоит.
Ты так велик, что кровь твоя прославляет Бога,
Львы Родины настолько славные.
О, сын мученика, мученик, не проси у меня гробницы.
Пророк ждет вас!*

Мехмет Акиф Эрсой

Покойтесь с миром, мои шехиды! Шехиды Чанаккале, шехиды Карабаха!

Она вновь вспомнила врача – Фахреддина. Глубоко вздохнула. В этот момент ей так хотелось, чтобы он был рядом... Вот здесь, на Аллее, где спят эти храбрецы, она положила бы голову ему на грудь и плакала бы. Она бы плакала от счастья.

«Радуйся, твой любимый внук Мамед-Мехметчик стал Ветераном», – говорила бы она. – Водитель Орхан осуществил свою мечту и стал шехидом.

Она вспоминает, что, когда много лет назад она ехала в Шамахе, врач с гордостью посмотрел на Орхана и сказал: «Сын мой, я уйду спокойно благодаря таким молодым людям, как ты».

Не оглядывайтесь назад, доктор! Наша земля, Шуша свободна! Вот эти храбрые сыновья освободили наши земли!

Она обещала доктору: когда наши земли будут освобождены от оккупации, она поставит точку. Тот момент настал.

Тот момент был сейчас.

И она поставила последнюю точку.

2010 – 2020 гг.
Баку – Шамаха – Губа – Гейчай – Гянджа,
Анкара, Стамбул, Физули, Шуша, Баку

ШИРИН МАНАФОВ

ШУШИНСКИЙ ХАРАКТЕР И МИССИЯ КРЕПОСТИ

Шуша – единственный город в СНГ, который в период развала СССР и во время военных действий в ряде бывших республик СССР был четыре года в блокаде.

Это очерк о духе города и шушинской ментальности, очень своеобразной и отличающей шушинцев от жителей других городов страны. В полной мере шушинский характер проявил себя в годы блокады, с 1988 по 1992 годы.

В тот период я несколько раз был в Шуше, последний раз за четыре месяца до падения города 8 мая 1992 года. По заданию Минздрава 6 декабря 1991 года доставил в местную больницу груз с медикаментами, где встречался со своими давними знакомыми коллегами, бакинскими хирургами. Воспоминания и впечатления тех лет легли в основу этого очерка.

Больница сыграла выдающуюся роль в обороне города, коллектив ее во главе с главврачом Рамигом Магеррамовым достоин быть представленным к награде. Надо восстановить добрую традицию СССР представлять к награде за вклад в победу целые коллективы, как это практиковалось в 1941-1945 годы. Награждались предприятия, заводы, больницы и госпитали. В числе первых следует наградить коллектив шушинской больницы. Все годы осады врачи и медсестры больницы были для шушинцев маяком стойкости и мужества. Благодаря качеству работы хирургов большинство раненых защитников города возвращались в строй. С полным основанием можно сказать, что больница была одним из самых важных центров обороны, одним из лучших отрядов боевых соединений. Поэтому все годы осады города больница находилась под постоянным обстрелом врага. Уничтожение больницы, по его расчетам, должно было привести к массовому бегству, панике среди жителей, потере контроля за отрядами обороны.

С конца ноября спорадически, а с декабря 1991 года Шуша ежедневно подвергалась артобстрелу. Только десятого декабря было затишье, в Ханкенди проходил очередной референдум. Столица НКАО вновь единолично решала судьбу Карабаха. Каждую ночь два-три раза объявлялась воздушная тревога. Паники в городе не было, хотя число раненых постоянно росло. 7 декабря в хирургическое отделение больницы имени Мехмандарова привезли 19 раненых, 8-го – еще 9 человек, днем позже – 11. Главврач Рамиг Магеррамов, зав. хирургическим отделением Назим Аллахвердиев по 14 часов находились в отделении.

Настроение бойцов: «В Баку не отправляйте. Лечите меня здесь, отлежусь и в бой».

Горожане привыкли к осаде, и были полны решимости выдержать и выстоять. В каждой семье хранятся воспоминания о событиях 1918-20-х годов, когда армянские боевики пытались взять азербайджанский город. И сейчас горожане не собирались сдаваться без боя и отстоять свой город.

Интересно, что именно в Шуше, в этом городе, выросшем из военной (оборонительной) крепости, создавались самые светлые, победные, праздничные музыкальные произведения. Музыка и поэзия, рождающиеся на этой земле, пропитаны любовью к своей родине, пронизаны глубокой связью с каждой пядью этой земли.

Посещение музеев Мир Мохсуна Навваба, Узеирбека Гаджибекова, Хуршудбану Натаван воспринималось не только как дань уважения, но как клятва верности городу, как присяга.

У дома поэта Мир Мохсуна Навваба ночью седьмого декабря снаряд угодил в тутовое дерево, осколки повредили недавно отреставрированный дом поэта. Реставрация дома-музея проводилась в осажденном городе, что является еще одним доказательством, что никто не собирался сдавать город, имеющий огромное значение для азербайджанского народа как с исторической, так и с культурно-духовной точки зрения.

Каждый вечер матери отправляли сыновей на Джыдыр-дюзю и другие боевые посты охранять подступы к городу. Это – норма, традиция, закон. Из ячейки общества семья стала ячейкой обороны. Все врачи из Баку отмечали: нет среди пациентов местной больницы или их знакомых случаев стресса, депрессии, невроза, нет панических настроений. Есть подготовленность к войне.

Связь Шуши с внешним миром осуществлялась только через Лачинскую дорогу, которая с 1988 года подвергалась атакам армянских боевиков, а с 1990 года стала постоянно обстреливаться.

Врач Ровшан Керимов, ведущий хирург больницы №3 в поселке Сабунчи, работал в Шуше в конце 1991 года: *Шушинские водители автобусов по маршруту Лачин – Шуша были отчаянными смельчаками, они рисковали ежедневно. Зная места засад, они провозили людей и грузы через эти места на предельной скорости. Часто рядом с водителем сидел человек с автоматом, который должен был защитить людей в случае атаки. Если бы не эти герои, Шуша уже в середине 1991 года оказалась бы отрезанной от снабжения боеприпасами и продуктами. Смелость и мастерство водителей спасли десятки жизней. Больше всех рисковали именно водители, так как террористы стреляли в первую очередь по ним. Ранение водителя, несущегося на большой скорости по извилистой горной дороге, – верная гибель всех пассажиров. Прошло 33 года, а я и мои коллеги помним каждую минуту нашей поездки из Лачина в Шушу. Помним водителя, который под плотным огнем армян благополучно доставил нас в город и подвез к больнице. Все пассажиры благодарили его, а он ответил одной простой фразой, что завтра возвращается в Лачин. Риск стал обыденной вещью, героизм воспринимался как работа, проза, будни. То же самое я наблюдал у врачей и медсестер в шушинской больнице. Особенно надо отметить операционных медсестер; работая часто без света, после нескольких часов в операционной, девушки ухаживали затем за прооперированными, бывали дни, когда отдыхали не больше 20-30 минут. Часто удавалось успешно прооперировать очень сложные случаи, но даже тяжело раненных приходилось держать в больнице, так как транспортировка была невозможна, редко прилетали вертолеты, а везти раненых в Лачин под обстрелом было невозможно. Медперсонал шушинской больницы 1988-1992 гг. достоин в полном составе ордена за свой героический труд. Я проработал в таком режиме месяц, затем меня сменил врач из нашей больницы Иса Мамедов, я вернулся в Баку и сутки отсыпался после командировки, а шушинские медсестры, им было тогда по 20 лет, в таком режиме работали годами. Поразительно, ни у врачей, ни у медсестер не было того, что называется выгоранием. Любезны, бдительны, чутки, предупредительны, в высшей степени бережны в отношении к коллегам и раненым. Этот подвиг все медсестры, например, Сима и Тунзала Джафаровы воспринимали как нормальное состояние. Работать на пределе ежедневно, если есть сменщица, можно позволить себе короткий отдых, но не злоупотреблять добротой подруг, они так же работают, как и ты. Оперативность, профессионализм – главные качества шушинских медсестер. Врачи после десяти часов в операционной валились с ног, а медсестры после операций шли к раненым, делали перевязки и помогали коллегам в реанимационном отделении. Позднее, в 1993 году во время командировок на фронт, я вновь работал с шушинскими медсестрами в военно-полевом госпитале в Тертере. Их родные, соседи удивились бы, узнай, что кто-то из медсестер больницы Шуши после падения города уехал с фронта в тыл.*

Сотрудник газеты «Шуша» Керим Керимов: *Шушинский характер есть подготовленность к войне. Каждую ночь, возвращаясь из редакции или с задания проходил мимо армянской церкви, не случайно возведенной на довлеющей над городом высоте. Церковь видна издали и все годы существования НКАО символизировала требование армян подчиниться мощной, властной силе. Которая возвела церковь вопреки протестам шушинцев и не давала забыть ни на минуту: война 1991 года есть продолжение войны 1918 года, и война эта надолго.*

Хирург Ровшан Керимов: *Ни я, ни мои коллеги не наблюдали ни одного случая эмоционального срыва, наоборот, чем драматичнее ситуация, тем чаще наблюдалось явление для приезжих поразительное: шушинцы были готовы к войне, с самого начала митингов в Ереване в 1987 году знали: никто это не остановит, наоборот, будут разжигать и будет продолжение войны с армянами 1918 года. Паникеры в тыл, а бойцов – мужчин и женщин – на оборону города. Никаких жалоб насчет обстрелов больницы, отсутствия света и газа, продуктов питания, медикаментов – ничего этого я и мои коллеги от шушинцев не слышали. Рискуя жизнью, шушинские водители доставляли все необходимое из Лачина.*

Из дневника: *Большая часть снарядов, а допустим, только девятого декабря по Шуше было выпущено из установки «Град» 94 снаряда, попадает в верхний район, где находится армянская церковь, она возвышается над городом.*

– С готовностью приезжал работать в Шуше, – говорил мне **нейрохирург Микаил Меджидов**, кандидат меднаук, замдиректора по научной работе НИИ нейрохирургии. – *Мой долг – обучить хирургов Шуши и Лачина, так как с каждым месяцем растет число черепно-мозговых травм, но есть вторая причина: восхищен духом города, силой и твердостью жителей. Город не сдается, врачи и медсестры, жители каждый на своем вместе защищают Шушу, и люди поддерживают друг друга. Поразительное явление, шушинцы не утратили присущего им чувство юмора. В больнице от пациентов, от знакомых я слышал забавные истории, я бы их назвал анекдоты осажденного города. Их надо было бы собрать, и получился бы отличный спектакль о жителях осажденной крепости.*

10 декабря 1991 года растет поток раненых, причина: интенсивный огонь по Шуше. В больницу прибыли три хирурга из Лачина. 11 декабря прибыла группа травматологов из Баку, врачи оперируют раненых под трехчасовым обстрелом из двух БТР-ов, прицельно из пулеметов расстреливающих больницу. «Сломать» больницу – значит вызвать наконец панику и бегство горожан из Шуши. БТР-ы хорошо видны, стоят всего в километре от больницы, стреляют из Топханы. Больница – это трехэтажное здание, на втором этаже родильное отделение, на третьем – хирургия. Все окна закрыты металлическими щитами. Иначе нельзя, стреляют по окнам. Во времена правления Везирова в 1988-90 годы бакинские газеты возмущенно писали: «Топхана – святыня, какой ужас, по городу стреляют из Топханы», а с декабря уже писать стали «скромно» – «в очередной раз обстреливают Шушу из Топханы».

О военном коменданте Самарине: *Еще раньше, задолго до БТР-ов глава исполкома Шуши Микаил Гезалов просил у военного коменданта Шуши капитана Самарина поставить пост на Топхане и прекратить обстрел больницы. Когда просьба повторилась в третий раз, в четвертый, комендант не сдержался и крикнул: «Рожать мешают? Ну и мать их...» Так к кому обращался? К тем, кто рожают или к тем, кто мешает рожать? Пост так и не поставил.*

Ищите женщину

«Шерше ля фам» по-шушински. Тем не менее, даже в годы осады Шуши рожали гораздо больше, чем в армянских районах НКАО. Заведующая родильным отделением акушер-гинеколог Эльмира Худиева любезно предоставила мне очень важный документ, во многом объясняющий причину карабахского конфликта.

Статистические данные о рождаемости в Шушинском районе:

1985 1986 1987 1988 1989 1990 1991

357 362 370 351 453 462 425 (за 11 месяцев 1991года)

Численность азербайджанцев быстро приближалась к 50-ти процентам населения НКАО. Что невероятно расстраивало здравотдел Ханкенди (тогда Степанакерт), так как данные по осажденной Шуше были гораздо оптимистичнее, чем во всех армянских районах НКАО, хотя там не было в тот период боевых действий. Это же своеобразная победа в демографическом соревновании. Отметим, что самыми активными участниками движения «Миацум», идеологическим ядром «Крунка» были главврач и ряд врачей центральной больницы Степанакерта (ныне Ханкенди).

– Время работает против армян, – сказал я гинекологу Эльмире Худиевой. – Доктор, если в основе каждого конфликта «шерше ля фам», то причина армяно-азербайджанского конфликта – это вы, Эльмира ханым. Врач изумленно посмотрела на меня. – Понимаю ваше удивление, но это так. Вы каждый год отвозили отчеты о рождаемости в отдел здравоохранения и главврачу Степанакертской больницы. Рождаемость в Шушинском районе даже в военные годы гораздо выше, чем в армянских районах, даже тех, где не было боевых действий. Стало ясно: тенденцию армянам переломить невозможно, время играет против них – тогда началась война.

– Если в этом смысле, – ответила врач, – то я согласна. Действительно, страх ускорил события.

Будущее принадлежит тем, кто подготовлен историей.

Психологическое напряжение жителей осажденного города нарастало день ото дня и достигло пика за четыре месяца до 8 мая. Причина – нарастание давления на Кяркиджахан, село обороняло подступы к Шуше со стороны Ханкенди. Когда в декабре 1991 года российские танки уничтожили часть села, стало ясно: создается плацдарм для нападения на Шушу. С другой стороны, все сложнее связь с Лачином, все активнее обстреливалась дорога на Лачин. Идет подготовка к штурму. С десятого декабря 1991 года положение с потерей Кяркиджахана резко обострилось.

Мужчины Шуши до позднего вечера под грохот несущихся на город снарядов «Алазань» стоят на центральной площади перед Домом культуры, где в это время актеры шушинского театра репетируют «Аршин мал алан». Обсуждают последние события, ход боевых действий, ждут информации от исполкома, делятся сведениями о подготовке армян к наступлению на Шушу и к началу широкомасштабных боевых действий на всей территории Карабаха. После обстрелов больницы из БТР-ов и бездействия коменданта Самарина ясно всем, на чьей стороне российские войска. Очень жаль, что наши режиссеры не запечатлели на пленку события тех дней: грохот артиллерии и рев несущихся на город ракет и сотни мужчин на площади перед театром, где завтра будет показан «Аршин мал алан». Несущиеся по вечерам на Шушу со страшным визгом снаряды, изуродованные взрывами дома, сотни мужчин, стоящих перед Домом культуры по вечерам, репетиция актеров, переполненная ранеными больница, молодые медсестры, ищущие среди раненых своих близких, базар, где за прилавком стоит мужчина с автоматом, готовый в любую минуту бросить торговлю и прийти на помощь бойцам, усталое лицо хирурга Назима, который после 12 часов в операционной вносит запись в историю болезни раненого. Записи трудно прочитать, он дремлет и пишет почти с закрытыми глазами – надо постоянно что-то делать, спать нельзя. Заснет – придется будить целый час.

Когда спрашиваешь об отношении к армянам, к войне, шушинки с гордостью говорили: «Наши мужчины идут в бой в домашних тапочках». Кто-то подумает: бравада. Но начальник РОВД Шуши Вагифа Байрамова, раненый в ногу, в декабре ходил на службу, на пост, с автоматом и в домашних тапочках, левая ступня перебинтована, обувь не надеть. Героизм здесь настолько норма, обыденность, настолько прозаичен, что стал темой для шушинских шуточных рассказов. Город воевал против БТР-ов ружьями и пистолетами. До конца 1991 года только каждый третий из сотрудников милиции Шуши имел автомат. На дежурства на посты ходили с «Макаровым». В то время, как Азеринформ сообщал: «В конце 1991 года наблюдается учащение доставки оружия и боеприпасов самолетами из Армении в Ходжалинский аэропорт, откуда автомобилями оружие доставляется в Шушикенд и другие села вблизи Шуши». О слабом вооружении защитников Шуши и отсутствии поддержки со стороны коменданта Самарина армяне, конечно, знали и, чувствуя безнаказанность, обстреливали больницу с более близкого расстояния. Десятки раз подрывали подстанцию, и больница оказывалась без света.

Медсестра Наргиз Гусейнова на вопрос: «Не боится ли она работать под обстрелами», отвечает:

– Мы уже привыкли. Здесь спокойнее, чем дома. Там все время думаешь, как подруги справляются с работой, а здесь мы все вместе, и не думаешь об опасности.

– Понимаю, но ведь атаки на больницу почти ежедневно, обстрелы из БТР-ов, из пулеметов, расстреливающих больницу.

– Значит, нам нужна армия, – отвечает мне, – когда вернетесь в Баку, передайте своему Муталибову – нельзя тянуть, мы ждем помощь.

– Вы знаете хотя бы один случай, – спрашиваю главврача **доктора Рамига**, – чтобы азербайджанский ОМОН обстрелял больницу в армянских районах НКАО?

– Таких случаев не было. В наших селах в первую очередь армяне уничтожают школы и больницы. Сравнили с землей медпункты в селах Мешали, Дашалты, Амраллар, в десятках других сел. В Губадлинском районе уничтожены больницы и медпункты во всех приграничных селах, куда с территории Армении нападали боевики, – отвечает главврач.

Именно больницы и школы армяне уничтожали в первую очередь. Армянская печать на весь мир трубит о варварстве азербайджанского ОМОНа, в то время как из Топханы расстреливают единственную шушинскую больницу.

– Если так дело пойдет дальше, – говорит **хирург Назим**, – придется операции делать в запасной операционной. Мы ее оборудовали в подвале.

Нейрохирург Михаил Меджидов, неоднократно бывавший в Лачине, Шуше в годы осады и делавший операции в местных больницах, рассказывал: «*Не наблюдалось среди местного населения панических расстройств. Вопреки бездействию Баку, где тогдашний руководитель Муталибов объявил на весь мир: «Азербайджанцы – нация пацифистов» и стал предметом издевательств местных остряков, у шушинцев боевой настрой. Этому есть объяснение: Шуша с 1987 года стала главной целью врага, его главным раздражителем, в ответ Шуша стала выполнять те функции, ради которых была создана. Город-крепость как символ борьбы и мужества. Люди изменились: воодушевление, стали строже и одновременно я бы сказал азартнее, что ли».*

Ничего странного, каждый шушинец осознает себя с детства защитником родного города. Тут не до скулежа и обращения к старшему брату, которого давно нет.

Шуша вновь, как это было не раз в истории, должна самостоятельно решать свои задачи и вести за собой в бой. В отсутствие панических настроений тоже ничего странного, столетиями проводимая историей селекция здесь создала особых людей с независимой от всевозможных центров позицией.

Шуша – автономия внутри автономной области, так из поколения в поколение понимали миссию своего города шушинцы, чего не скрывали от столицы НКАО. Даже на пике советской идеологии здесь никогда не признавались советские штампы единства, общего пути и сказки о мифическом советском народе. Есть затаившийся враг, его цель – овладеть крепостью, психологически сломить Азербайджан, овладеть инициативой. Готовы на любые жертвы, так как взятие Шуши вдохновит на войну тысячи армян из числа тех, кто колеблется. Так и произошло после взятия Шуши в 1992 году.

Даже после взятия окружающих Шушу деревень (Дашалты, Кяркиджахан и другие) и создания плацдарма для наступления среди шушинцев не наблюдалась паники, но укреплялось с каждым днем все более четкое осознание – крепость нельзя сдавать и надеяться нужно только на себя. Ее должно защищать до последнего бойца, заставить заплатить за ее взятие дорогую цену, когда каждый защитник может сказать: «Мы бились до конца, даже зная, что нас предали».

Все это отражалось в одной фразе: «Шушинцы всегда спят с ружьем». Ни одного обращения в Москву, с молчаливого согласия которой город был отдан в руки вооруженных армянских бандитов и частей советской армии. Все знали, что БТР-ы, обстреливающие город из Топханы, принадлежали 366-му мотострелковому полку, расквартированному в столице НКАО. Силы были неравны.

Житель Шуши Этибар Гусейнов пригласил меня в гости, зашел разговор об отношении к армянам: *Мой сосед армянин ездил на митинги в Степанакерт и потом рассказывал нам, о чем говорили ораторы из Еревана. Таких армян в Шуше было много, они не хотели войны, многие помнили о своих албанских корнях, многие себя считали патриотами Шуши – христианами, но не армянами. Но и они были вынуждены уехать и, покинув город, звонили знакомым и сообщали о событиях в Степанакерте. Шушинские христиане и жители Степанакерта – небо и земля. Шушинские справедливо считали тех пришлыми, себя – коренными, из старинных албанских родов, много смешанных браков, все великолепно знали азербайджанский язык. Прекрасно понимали, что в Степанакерте, Мардакерте они чужие, тем более в Армении. Так что отношение к армянам у меня избирательное.*

Другой мой знакомый мой по имени **Фархад**: *Мой приятель шушинский армянин по имени Рафаэль рассказывал летом 1988 года о своей поездке в Степанакерт. Он видел, как к окруженному возбужденными людьми приезжому, скорее всего, корреспонденту, подошли трое небритых парней – участники митинга и прокричали: «Мы – смертники, если Арцах не отдадут Армении, мы пойдем на все». Рассказывал с ужасом о том митинге, когда ораторы довели до невменяемого состояния сотни молодых людей. Шушинские христиане из числа тех, кто знал о своих албанских корнях, категорически были против целей дашнаков, не признавали движения «Миацум».*

Даже на пике советских штампов шушинцы жили без иллюзий. Для жителей крепости иллюзии – непозволительная роскошь. Отсюда нет ненависти к армянам. Ненависть – часто потрясение чем-то неожиданным. Шушинцы были подготовлены и задолго до активной стадии митинговой волны 1988 года в Ереване и в столице автономии предупреждали Баку о росте армянского национализма в Карабахе, подготовке армян к войне.

Ненависть чаще испытывают внезапно прозревшие. Тогда как подготовленные жители крепости изумлялись тем в Баку, кто только после митингов в Ереване вдруг прозрел: «В нашем доме живет враг». К сожалению, многие годы сигналам тревоги из Шуши о росте влияния дашнаков не придавалось значение. Говорят: подготовлен – значит вооружен. В отношении шушинцев точнее так: подготовлен – значит нет паники и нет ненависти, есть профессиональное отношение к врагу и к войне.

Как крепость формирует характер жителей.

Шушинцы называли себя не только жителями, но и хранителями чести крепости. На все требования шушинцев не позволять концентрацию военной техники и отрядов боевиков вокруг города, Баку хранил молчание, так как противопоставить регулярной армии в лице 366 полка, объединившейся с отрядами террористов, противопоставить было нечего. У Азербайджана в то время не было ни армии, ни оружия.

Но и в это критическое время, то есть за три-четыре месяца до майского нападения, в Шуше не было панических настроений. Горожане укрепляли крепость, отдавая этому делу все свои силы. Были и те, кто покидал город, считая, что города обречен и нет смысла его оборонять, таких не осуждали, каждый делает то, на что в это трудный час способен. Тут совсем другое – такие вызывали брезгливое отношение, в больнице это видно было очень явно. Если медперсонал наблюдал паникера – да, логика в его словах есть, то есть ачем оборонять город, если он обречен и придется его сдавать, – такого человека быстро отстраняли от дел.

Категорично говорили: на работу приходиться нельзя. Никаких уговоров, да и какой смысл, если человек не понимает: все шушинцы за три месяца до падения уже знали, что жители города-крепости должны полагаться только на себя. Еще одним ударом по силам обороны стало убийство 14 декабря 1991 года мэра Шуши Микаила Гёзалова, который был расстрелян в своем кабинете предателем.

19 января 1992 года армянские террористы при поддержке российской армии взяли село Кяркиджакхан, село, находящееся между Ханкенди и Шушой. Ситуация осложнялась, так как силы самообороны были бессильны перед регулярной армией, оснащенной вооружением и военной техникой. Мы терпим поражение на своей земле. Не только потому, что плохо вооружены и нет армии, а против нас армяно-российское наступление. Причина – отсутствие командующего. Нужен тот, кто понимает, что взятие крепости Шуша приведет к массовому вступлению армян в отряды боевиков, численность их отрядов возрастет многократно. Воевать будут с воодушевлением: «Мы, армяне, совершили то, что удалось иранскому шаху ценой громадных потерь – взяли Шушу. Теперь под ружье станут и подростки, и старики». Этого позволить им нельзя – рассуждали здесь мужчины и женщины. Но армии не было.

Шушинки покоряют не только красотой, но и стойкостью. Никто не слышал ни от медсестер, ни от хозяек домов, где врачи квартировали, ни причитаний, ни жалоб, – всего того, что ожидаемо услышать от жителей осажденного города, над которым ежедневно раздается страшный рев несущихся из Степанакерта ракет и снарядов. Даже от тех, кто приходил в больницу навестить раненых – сыновей и мужей. Блокадный быт тяжел, нуден, гнетущ: плохо с водой, с подвозом продуктов, часто нет света, нет газа. Ломают даже сильных. Спасались рассказами о событиях на фронте, о защитниках и забавных случаях военного времени. Удалось записать тогда часть из них. Несмотря на осадное положение, шушинцы не потеряли присущего им чувства юмора. Вот только несколько случаев, записанных в декабре 1991 года, когда ежедневно по два-три раза Шуша подвергалась артобстрелу. Истории блокадного города точно характеризуют шушинский характер, отношение к врагу, отношение к страху перед войной, к трусости, ко всем, кто не понимает духа, настроя города-крепости. к тем, кто не понимает его предназначения и не вносит вклад в состояние особого, военного динамизма, присущего жителям этого особого мира – крепости Шуша.

Телекурьерез. В палате бойцы смотрят программу «Вести» российского ТВ.
– Смотрите, – восклицает один из раненых. – Меня показывают.

Верно, оператор долго показывает раненого ополченца, которому медсестра делает перевязку руки. Звучит текст: «Этому простому жителю Степанакерта повезло, его вовремя доставили в больницу».

Раненый изумленно оглядывает смеющуюся палату, сосед по койке:

– Хорошо, еще не показали твою жену и не сказали, что вы поженились за день до твоего ранения в загсе Степанакерта.

Медсестры и раненые начинают вспоминать недельной давности посещение больницы иностранными телевизионщиками.

– Как они все переверали, – поражается «герой» телерепортажа.

– Зато ты простак, – говорит сосед. – Видишь, что тебя снимают люди из Москвы, скажи, что упал с дерева.

Аптека. В аптеку входит человек с автоматом и просит дать анальгин. Но лекарства нет. Мужчина настаивает, мол, голова раскалывается, где хотите достаньте, привыкли все из-под полы продавать. Слово за слово, мужчина с автоматом и работница аптеки разгорячились. Разговор идет на повышенных тонах, мужчина передергивает затвор, тут и без слов ясно: или пачка анальгина, или буду стрелять.

– Хорошо, уговорил, – нежным голосом говорит женщина. Нагибается, роется в ящике и вдруг достает гранату и поднимает ее над головой, пальцами правой руки держась за чеку. – Хочешь, сделаю, что тебе больше никогда анальгин не понадобится, – ласково спросила аптекарша.

Мужчина с автоматом восхищенно смотрит на женщину и говорит:

– Ради тебя я готов на все, выходи за меня замуж. Как можно упустить такую женщину.

– А голова прошла?

– Как рукой сняло.

– Приходи, когда еще заболит.

Репетиция. Вечером в Доме культуры идет репетиция пьесы «Аршин мал алан». В зале хорошо слышен вой несущихся на город ракет. Режиссер недоволен актрисой.

– В чем дело, – спрашивает, – почему так вяло, скучно играешь сегодня?

– Не выспалась, – отвечает актриса, – всю ночь не сомкнула глаз. Кажется, в моей комнате под полом завелась мышка, какие-то шорохи всю ночь.

– Какая мышка, прошлой ночью трижды объявляли тревогу и трижды на город летели ракеты и снаряды.

– Не слышала, я проснулась от шорохов. Как мыши обнаглели, удивляюсь.

Свадьба. Отец невесты встречает на базаре отца жениха и грустно говорит ему:

– Вчера на город упало 40 снарядов.

– Да, я знаю, – отвечает отец жениха.

– Так вот, один из них угодил в комнату в моем доме, где мы поставили мебель и посуду – приданое моей дочери. Обидно, прекрасная мебель для гостиной и отличный спальный гарнитур, очень дорогой. Вся мебель сгорела, ничего не смогли спасти.

Старики повздыхали-поохали и распрощались. Неделю спустя вновь встречаются. Теперь уже отец жениха обращается к отцу невесты:

– Ты знаешь, что вчера 60 ракет и снарядов упали на город. Так вот, в твой дом попал неделю назад один снаряд, а в мой вчера целых два. Один пробил крышу и попал в комнату, где мы с женой поставили чемоданы с платьями и шубой для твоей дочки, а второй снаряд попал точно в чемодан с туфлями и сапожками. Ничего не осталось.

– Насчет чемодана с туфлями не возражаю, можно простить армянам, – отвечает отец невесты, – но вот чемодан с платьями... этого армянам никогда не прощу. Да и ты мог бы спрятать чемодан получше, например, под своей кроватью.

В редакции местной газеты. Сижу в комнате, просматриваю газеты. Кроме меня, в комнате две молодые сотрудницы.

– Поверишь, – говорит одна другой, – каждый день квартиру убираю. Муж удивляется, ничего такого раньше не было. Я ему отвечаю: Когда придут армяне, чтобы сказали, в доме жила аккуратная женщина. Муж спрашивает, мол, а зачем тебе такая слава? Отвечаю, чтобы смело спустились в погреб и попробовали бы мои угощения. Подруги смеются.

Площадь. До глубокого вечера десятки мужчин стоят на центральной площади перед горисполкомом, обсуждают новости. Рядом со мной стояли два приятеля. Один говорит:

– Четвертые сутки не сплю. Как обстрел, дети просыпаются и поют, поют. Я их прошу: Спите, ну, подумай, «Алазань» летит. Пора привыкнуть.

– Ну, так вывези их из города, – отвечает приятель.

– Неудобно перед соседями. Подумают, убегаю. Всем же не объяснишь, что спать хочется.

Медсестра. Познакомился с медсестрой из шушинской «скорой», когда в больницу доставила бойца. Вынесла на себе нескольких раненых из боя.

– Не побоялась, – спрашиваю у нее, – под градом пуль доползти до раненых? Молодая красивая женщина пожалала плечами:

– А я не ползла к ним. Я просто шла с сумкой в руке.

– Но ведь сама говорила, шел яростный бой, рев снарядов, град пуль...

– Да, говорила. Только что они за дерьмо, чтобы я под их пулями ползала.

Базар. На улице встречаются два приятеля, один из них с сетками возвращается с базара.

– У меня мечта – говорит он, – чтобы армяне разбомбили наш базар. Все продукты поднимаются в цене день ото дня.

– Армяне не дураки, – отвечает второй. – Именно базар не тронут. Знают, им нас не победить. А вот цены на базаре гораздо страшнее их снарядов. Так что не жди, базар самое безопасное место в городе.

Спаситель. Хозяин дома за ужином с приятелем пьют водку. Так развеселились, что жена занервничала:

– Вам уже хватит, совсем опьянели.

– Молчи, женщина, – стремись пресечь бунт в самом зародыше, муж делает грозный вид. – Мы не просто пьем с моим другом. Этот человек спас мне жизнь. Когда на посту я потерял сознание от разрыва снаряда, он спас меня и тащил на себе пять километров.

– Он уже третий на этой неделе, кто спас тебя, когда ты теряешь сознание. А тот, с кем ты две бутылки выпил, тот вообще вывел тебя из окружения. У этого таких заслуг нет.

– Третий за неделю? – опешил муж. – Может быть, но он сделал это быстрее остальных.

И опять наполнил рюмки.

– Гардаш, вставай, – вспливав, обращается к гостю жена, – еще раз придешь, когда выведешь моего мужа из окружения.

Интервью. Журналист из Баку заходит в палату, где лежат четверо раненых. Подходит к парню с перебинтованной головой:

– Как настроение? Бодрое, я вижу.

Раненый в таком состоянии, что едва шевелит губами, закрывает глаза.

– Что испытываешь, гардаш? – стреляет вторым вопросом шустрый борзописец.

Раненый медленно шевелит губами.

– Ясно, не говори. Ты испытываешь тревогу за товарищей. Понимаю, тебе тревожно, как они там на посту без тебя. Закрой глаза, если согласен.

Раненый закрывает глаза.

– А что будешь делать, когда наши славные врачи выпишут тебя из больницы? Я думаю так: ты вернешься в свой отряд и получишь от командира разрешение повидаться с семьей, а через день вновь выйдешь с автоматом, который ты отбил в бою у врага, и заступишь на свой пост. Кивни, если согласен.

Раненый молчит, смотрит на писаку, не кивает, газетчик недовольно смотрит на раненого, затем окидывает взглядом троих бойцов, мол, в чем дело, я так красиво изложил, так патриотично, читатель будет рыдать. Один из бойцов газетчику:

– Ты забыл сказать главное, когда я выйду из больницы, я прежде пойду на пост, ночью подстрелю пару армян и с двумя трофейными автоматами вернусь домой и раздам автоматы своим младшим братьям.

Раненые засмеялись, журналист пулей вылетает из палаты.

Англичанин.

Площадь перед исполкомом полна людей. Все с интересом разглядывали троих иностранцев с камерами. К операторам с телевидения в Шуше привыкли давно. Но один из троицы привлек внимание. Скучающий иностранец всем видом показывал, насколько скучно, банально, заурядно для старого телеволка происходящее здесь. Он вообще не видит, что тут снимать, чем заинтересовать западного зрителя. Стоит, курит, делая вид, что изнемогает от скуки. После Ближнего Востока ну что ваш конфликт – максимум две минуты эфирного времени.

– Хэлло, – обратился к иностранцу Рамиз, он немного знал английский, хорошо русский, до войны был экскурсоводом в санатории, водил отдыхающих по городу, в турпоходы.

Стоило ему поздороваться с фирмачем, как рядом стоящие насторожились, сейчас начнется, Рамиз просто так не здоровается, явно что-то затеял. Иностранец поздоровался, и они договорились вести беседу на русском. Первая часть беседы – обычный обмен информацией. Кто и откуда и что вас интересует. Англичанин ничего нового и необычного для Би-би-си здесь не видит:

– Что у вас здесь нового, нам в общих чертах известны природа конфликта и ход событий. Что вы тут не поделили, – снисходительно спросил англичанин Рамиза. Ему, как представителю самой древней и самой авторитетной колониальной державы, все известно. Все, что происходит в Карабахе, банально, как конфликт Индии с Пакистаном.

Напрасно он это сказал. Ах, он не видит – и это включило Рамиза.

– Кто вам такое сказал? – удивился Рамиз. – Совсем здесь все не так. Суть конфликта очень отличается от всего, что вы видели в своих английских колониях.

Телеволк с Би-би-си ожил настолько, что внимательно оглядел Рамиза. Благодушная улыбка простачка не вызвала у телевизионщика тревоги, и очень напрасно. Окружающие стояли с такими хмурыми лицами, плотно сжатыми губами... Рамиз был доволен, не подведут.

– Вам, конечно, сообщили, что мы и армяне не любим друг друга, чуть ли не испытываем ненависть к армянам, а они к нам, – грустно вздохнув, сказал Рамиз. – Ничего общего с истиной. Если вы поверите и так преподнесете своим зрителям, вы окажетесь в таком же неловком положении, как московское телевидение. С примитивным своим пониманием карабахского конфликта. По их мнению, карабахский конфликт ничем не отличается, допустим, от грузино-абхазского.

Англичанин окончательно проснулся, всматривается в Рамиза.

– Лично у меня в Степанакерте дочка растет, Тамарочка, – печально произносит Рамиз. – Да у кого из наших парней, кто по делам ездит в Степанакерт, не растут там дети. – Рамиз сделал широкий жест, англичанин оглядел окружающих их мужчин. Скромно потупились, выражая согласие с Рамизом. – У моего соседа Самеда, водителя такси, вообще там двое детей, причем от разных женщин. Скажете, что не так?

Трое приятелей согласно кивнули, они не гордятся Самедом, но и не осуждают. Такова жизнь, чего, мол, скрывать, среди нас есть такие, как Самед. Так у него денег полно, а то откуда сразу две любовницы.

Англичанин окончательно оживился и ласково, даже просяще смотрел на Рамиза. Живейший интерес был в тех колониальных глазах. Возможно что-то можно выудить из этой ситуации, чтобы как-то украсить репортаж.

– В последний раз я видел свою дочку полгода назад, – вздохнул Рамиз. – Моя любимая, ее зовут Роза Айриян, красивая, стройная... в общем, красавица, мы с ней так часто гуляли по центральному парку в Степанакерте. Роза позвонила мне и говорит, ей надоело все, эти вопли националистов, она скучает по мне, а Томочка, дочь наша, вообще удивляется, почему папа не приезжает к ней.

Англичанин сочувственно затянулся сигаретой, спохватился, протянул пачку сигарет и предложил Рамизу, тот отказался жестом, ему так тяжело, его можно понять, он слишком взволнован.

– Роза сказала, что уезжает в Кисловодск и остановится у тети Любы, это ее родная тетка, мы уже жили у нее, и я прекрасно помню ее адрес. Очень добрая женщина, мы провели там целый месяц, мы были в восторге. Не надо прятаться, не надо скрывать нашу любовь, и наша дочка была в восторге, рядом с ней веселые родители. Полно фруктов, по вечерам мы ходили в ресторан, на концерты. За четыре года до этого я с Розой уже отдыхал в Кисловодске, а спустя девять месяцев после этого райского отдыха родилась моя дочка Томочка. Вам не скучно? Вы должны сделать репортаж о войне, о резне, о геноциде, а тут я со своей любовницей армянкой... – Англичанин запротестовал, возмущенно замычал, мол, не отвлекайся. – Помню, с каким настроением я поехал встречать Розу, когда она выписалась из роддома. Встречали мы втроем; ее мама, Ашхен Борисовна, ее младший брат Робик и я. Раздал деньги врачам, акушеркам, все были довольны, даже Ашхен Борисовна, хотя она меня не любила, долгая история, мы все поехали к ним домой и отметили скромным застольем. Только через три года моя теща смирилась, Томочка стала такой красивой, веселой девочкой, что она смирилась. Вы же были там и понимаете, как ей было тяжело смириться, отец ее внуки – азербайджанец.

Англичанин посмотрел недоверчиво, что-то его в рассказе насторожило.

– Удивлены? – спросил Рамиз. – Да, признаюсь, у нас в роддомах берут взятки. Но это было пять лет назад, тогда стоило недорого, я отдал всего триста рублей.

Человек из Би-би-си оглядел всех окружающих, пытаясь определить, неужели все в рассказе их приятеля кажется им обычным, вот так вы все здесь и живете?

– В нашем роддоме, в шушинском, все дешевле, – с гордостью сказал приятель Рамиза, – лично я заплатил всего сто рублей. Правда, двумя годами раньше.

– Наверное, вам трудно жить в этом городе – спросил англичанин Рамиза.

– До этих событий нет. У меня здесь жена, от нее тоже ребенок, я люблю свою семью. Но и Роза, и наша с ней дочь – тоже моя семья. Сердце щемит, ноет. Хочется выбежать на дорогу и всего-то десять минут езды до моей дочки, а поехать не могу. Хочется крикнуть: Горы, остановите этих идиотов. Молчат горы. Разве из-за одной моей дочки все это остановится? Так все дело в том, что не из-за одной моей дочери, таких в Степанакерте сотни детишек от мужчин из Шуши и Агдама.

– Я даже с одним агдамским подрался из-за девушки из Степанакерта, – сказал приятель Рамиза и попросил его перевести на русский.

Когда Рамиз перевел, а переводил он медленно, боясь как бы не испортить все, когда перевод закончил, англичанин резко повернулся и вонзился взглядом в приятеля Рамиза. Тот выдержал взгляд колониальных опытных глаз по одной простой причине: так все и было.

– Здесь ничего странного, – пожал плечами Рамиз, как бы удивляясь недоверию англичанина. – В 1990 году, когда толпа агдамских жителей пошла на Степанакерт, где стали проходить митинги, председатель колхоза Хураман ханым бросила перед толпой косынку и якобы этим остановила толпу. Не косынка остановила горячих парней, а сказанные ею слова: «Вы идете драться с армянами, а с кем будете драться? Половина парней в этом городе от ваших отцов». После этих слов толпа рассеялась. – Рамиз дотронулся до плеча англичанина, как бы приглашая разделить с ним печаль: – Если вы любите женщину, вы же не захотите видеть ее несчастной. Что теперь мне делать, как поступить? Роза предлагает уехать с ней в Кисловодск, но я должен остаться и защищать свой родной город. Я не могу ненавидеть армян, я ненавижу тех, кто сломал наш мир, Горбачева и его банду.

– Это мне как раз понятно, – отвечает телевизионщик. – По обе стороны фронта ругают Горбачева. Меня интересует другое, – обращается к приятелю Рамиза. – Вы сказали, что поругались с агдамским парнем. Но Агдам – тоже ваш город.

– Ничего странного. Моя женщина в Степанакерте сказала, что он к ней пристает, не верит, что у нее есть другой, вот я и решил поставить его на место. Поговорил с ним как мужчина – тот покричал, но отстал. Стелла – женщина красивая, жизнерадостная. Конечно, зависть.

– Что у вас здесь происходит, – взорвался англичанин. – Армянка просит парня из Шуши защитить ее от приставаний парня из Агдама. Не могла найти защитника в своем городе, среди родственников.

– Это очень тайная сторона конфликта, – опустив голову, произнес дрожащим голосом Рамиз. Друзья почувствовали, как ему трудно сдерживать смех. – Армянки принимали ухаживания наших мужчин, рожали от них, учили детей армянскому, но многие знали, что их отцы – азербайджанцы. Тут Хураман ханым права. То же самое происходило во всех городах и селах со смешанным населением. Будь проклят Горбачев. Знаете, чем кончится этот конфликт? – долгая пауза, англичанин нетерпеливо ждет, наконец прозвучало: – Карабахские армянки станут рожать от армян.

Повидавший много разных «горячих точек» телеангличанин ничего подобного не слышал. Оглядел Рамиза и его приятелей, все четверо погружены в глубокую печаль – это один из самых грустных для них результатов войны.

Тут подошел второй телевизионщик и сказал, что их ждут в исполкоме, наш англичанин явно не хотел уходить. Все то, что там скажут, ему давно известно, а вот здесь, случайно он узнал о неведомых ему тайных сторонах конфликта. Два парня, из разных азербайджанских городов выясняют отношения из-за женщины из Степанакерта. Дочка Рамиза от армянки Розы, скорее всего, пойдет в школу в Кисловодске, а приятели Рамиза сочувствуют безутешному отцу. Бибисишники зашли в исполком, там им сорок минут втолковывали оперативную обстановку по всем районам Карабаха, а англичанин с тоской думал, глядя на представителя исполкома – от силы две минуты эфирного времени, больше не дадут. Вот если бы заснять драку шушинского парня с агдамским за армянку, да в самом Степанакерте – минимум десять минут гарантировано. Но как организовать такую сцену?

Самое забавное в этой истории, что Рамиз не врал, он сказал чистую правду, как и его приятель. Еще забавнее то, что никого из приятелей Рамиза, слушавших его разговор с англичанином, эта история не удивила, настолько она типична.

Через неделю на Би-би-си выходит репортаж о Карабахе, о митингах в Ереване и Баку, о нарастании конфликта и ни слова о Рамизе, его второй жене Розе и их дочке Томочке, которая теперь живет в Кисловодске.

Казалось бы, странно такое слышать в осажденном городе. Но так было, жаль, нет места для других таких историй.

Крепость и юмор. Мужество, смелость, решительность в Шуше имеют точное обоснование. Каждый осознает себя защитником, бойцом гарнизона крепости. Даже если по жизни трусоват, слабохарактерен, уступчив, робок. Просто средний и очень простой, одним словом, обыватель. Не имеешь права опозорить свой клан, свой махалля. Внутренний контролер требует: не имеешь право удручать, печалить, вселять страх, паниковать. Обязан помочь близким, городу, проявить себя как воин, бороться и отстаивать честь крепости. Даже если руки дрожат и сердце умоляет бежать, должен работать на подъем общего духа. Отсюда феномен шушинского юмора. Масса отличий, но есть общее с шекинским юмором: оба центра юмора – города-крепости. Ничего странного в богатейшей теме: крепость и юмор. Болгарский город Габрово – ведь тоже крепость, расположен у подножья Балканских гор и веками оборонял перевал рядом с горой Шипка.

Общее для крепостей. Здесь героизм должен быть обаятелен, симпатичен, доступен всем и всех вовлекать в общее дело. Тактично, ненавязчиво и без патетики сигнализируя: мы особенные. Отсюда в осажденной Шуше в 1990 и до марта 1992 года какой-то радостный обмен между местными историями, ситуациями, забавными случаями из жизни города-крепости, обреченного и не сдающегося.

Репетиция под бомбежкой. Каждый вечер после занятий педагога во главе с директором культпросветучилища Джаванширом Абиловым едут на свой пост в районе Джыдыр-Дюзю. Утром на работу. Училище известно своими традициями, высоким качеством преподавания. В 1985 году получило диплом во всесоюзном конкурсе. В великолепном здании, где обучались в январе 1992 года 800 студентов, отличный лингафонный кабинет, есть несколько компьютеров, чем выгодно отличается от других учебных заведений. Единственное в республике училище, драматическому коллективу которого дали статус народного театра. Даже в декабре 1991 года и в январе 1992 года, в период интенсивного артобстрела Шуши, училище не пустовало, велись занятия. В актовом зале студентки репетировали, готовились к концерту.

– Раньше, до войны, – рассказывал педагог **Насиб Магерамов**, – наш музыкальный ансамбль выступал по всем селам Шушинского и Лачинского районов. Сейчас такой возможности нет, будем выступать перед солдатами Милли Орду. В декабре рядом с училищем взорвался снаряд, пришлось менять стекла в окнах. Стекло в Шуше – дефицит номер один. Тем не менее, конкурс в училище в 1991 году был полтора человека на место.

С тяготами войны училище как-то справлялось, но Министерство образования внесло свою лепту в напряженную ситуацию. На 60% сократило в 1991 году прием на следующий год, что привело к увольнению сразу 25 педагогов. Прием был уменьшен с 310 мест до 140. Во всех остальных училищах Шуши сокращение на 15%. Все это оценивалось как равнодушие Баку к судьбе города. Из пяти факультетов один – дошкольного воспитания – вообще решили закрыть. Каждый такой сигнал неверия в будущее города воспринимался здесь остро, болезненно. Удушение училища, одного из культурных очагов Шуши, оценивалось здесь однозначно: министерство не видит перспектив в отношении Шуши.

На этом фоне удивительным для министерства образования стало выступление директора училища Д.Абилова: в 1990-91 годах из неблизких городов – Губа, Нахчыван, Шеки, Хачмаз выявилось немало молодых людей, желающих поступить именно в шушинское училище. Не менее симптоматичным был другой факт.

Директор Абилов представил Минобразования список районов, их в списке 35, которые в 1991 году заключили договора об обучении молодежи из этих районов, желающих жить именно в Шуше и учиться в местном училище. Парни и девушки изъявили желание жить и учиться в осажденном городе: заниматься, сдавать экзамены, писать курсовые и одновременно участвовать в обороне города-крепости, подчиняться требованиям военного времени. Такой был наплыв заявлений, что Абилов предложил Минобразования вместо сокращения открыть дополнительно факультет подготовки педагогов музыки. Тем более, что город обладает отличными кадрами для преподавания народной музыки. Вновь категорический отказ. 25 абитуриентов из Губадлы, Зангелана, Шуши и Лачина не дотянули до проходного балла на приеме в 1991 году. Директор училища попросил Минобразования разрешение открыть дополнительную группу. Ввиду того, что все они из приграничных районов и туда же вернутся. Отказ. Тогда второй вариант. Сабирабадское училище имеет недобор, просим сократить там одну группу и передать Шуше. Вновь отказ. Более того, за 1991 год четырежды комиссия из Баку пыталась провести проверку именно в шушинском училище и обосновать сокращение. Все четыре раза комиссия добиралась до Агдама, где, чуть прислушиваясь к залпам армянской артиллерии, не вылезала из гостиницы. А предложение подвезти на бронетранспортере потрясло комиссию коварством замысла. БТР-ы любезно завезут всех членов в армянское рабство и начнут вымогать деньги у Минобразования на возвращение ценных кадров.

История с училищем была предметом долгих обсуждений в Шуше и была воспринята как еще один сигнал. Надо учитывать, как в те годы люди относились к подобным сигналам. Это означало или равнодушие, или бессилие. На словах Шуша – наша боль, гордость, слава, а на самом деле – сокращение рабочих мест, стимулирование оттока населения. Все это усугубляло и без того громадное психологическое давление на горожан. Очень интересна была реакция горожан на симптомы беспомощности центра. Да, мы одиноки, и это было и прежде в истории Шуши, нормальное явление для крепости, которую армяне хотят взять на панике, на страхе. Но паника – это для людей, не выросших в крепости, у таких вся надежда на помощь центра, на армию или на сказочное чудовище – международное сообщество. К которому взывали в 1990–92 годах и правители официального Баку, и оппозиция. У шушинцев другая корневая система: мы не должны полагаться ни на кого, только на себя. Жители Шуши воспринимают себя как защитников крепости, а не как обывателей, так называемое мирное население, за которым на войне оставили лишь одно право: уповать на государство или на большого брата. Нет, мы защитники крепости, а государства нет, и тогда это было верно. Поэтому надо просто выполнять свой долг.

Шуша себя воспринимает как крепость, долг которой – каждого своего защитника сделать опытным бойцом. Это – центр подготовки бойцов в широком смысле слова.

О шушинцах в 1991-92 годах вспоминает нейрохирург **Микаил Меджидов:**

– Сталь и гибкость. Присущее шушинцам бережное отношение друг к другу в годы войны достигло исторического максимума. В больнице битва за каждого бойца, задача – не просто вернуть в строй, а вернуть психологическую устойчивость, поколебленную стрессом от ранения, участием в боях и потерей боевых друзей. В этом смысле больница была в дни горячих боев сердцем города.

– В основе характера шушинцев – готовность к защите своего города, – считает **главврач Рамиг Магеррамов.** – Мы давно, еще на заре лживых гимнов Москвы о формировании советского народа наблюдали стремление руководства НКАО вытравить азербайджанское население из Карабаха. Сообщали в Баку о неприкрытой, агрессивной подготовке к войне, начиная с прихода к власти Горбачева в 1985 году.

Что в начале 1992 года поддерживало шушинцев? Не вера в президента Муталибова – великого пацифиста, но долг перед историей, перед крепостью Шуша. Пусть мы проиграли первый этап войны, но даже при отсутствии у Азербайджана армии, мы продержались два года против хорошо вооруженных армянских экстремистов, за которых воевала российская регулярная армия. Очевидно, что после совершенных армянами зверств, в Карабахе им больше не жить. Майор Таиров из шушинского РОВД рассказывал врачам, что в селе Косалар боевики вспороли беременной женщине живот, вложили дрова и подожгли, облив керосином. После войны всегда наступает мир, но забывать варварство и зверства оккупантов нельзя, иначе мы постоянно будем подвергаться нападениям. Безумие, садизм, варварство – эти слова не могут передать потрясение, негодование, изумление карабахцев пещерной жестокостью боевиков. Не победа в бою, а устрашение населения. Не война с мужчинами, а уничтожение женщин и детей.

У защитников крепости, были победы и поражения, но никогда азербайджанские отряды самообороны не опускались до истребления мирных людей. Война мужчин с мужчинами, воинов с воинами. А тут шок... Армянские боевики в 1991-м, как и в 1918-м, истребляли мирное население, убивали женщин и детей. Местные старики рассказывали о том, как «воевали» армяне в 1918 году. Отмечены случаи поразительные. Уже в мирное время, в 1932 году армяне раскапывали могилы умерших от эпидемии чумы и части тела забрасывали в азербайджанских деревнях, что привело к вспышке чумы в Карабахе в 1932 году. Этиологию вспышки описал принимавший в ее ликвидации участие эпидемиолог Лев Зильбер, брат писателя В.Каверина.

Война 1991 года показала лучшие черты характера шушинцев, сформированные памятью, опытом многих поколений.

– Шуша имеет магическое воздействие на армян, – говорил мне педагог **Джаваншир Абилов**. – Жаждают иметь в своей истории крепость и так же страстно желают лишиться этой силы нас. Какая может быть военная империя без крепости? Страшную зависть вызывает у армян наличие у нас такой крепости, без которой их история – плохо придуманная сказка. Подарить Армении Шушу, арменизировать ее историю – такое воспринималось армянами Степанакерта как самый большой вклад в возрождение угасающей нации, это был бы великий боевой трофей, после которого начнется возрождение сказочно прекрасной империи мифического Тиграна Великого.

Истоки шушинского характера.

Уже в 1986 году, за год до начала митингов в Ереване, здесь знали, что война неминуема. Шушинские армяне сообщали о растущем числе эмиссаров из Еревана, о тайных собраниях в столице НКАО, о требовании сбора денег на предприятиях. Не просьба, а требование.

Ни в 1990-91 годах, ни зимой 1992 года здесь не говорили: «Когда это кончится?» Ни в больнице, ни на ежевечерних собраниях перед исполкомом. Все знали – это продолжение 1918 года. Психологически все шушинцы были подготовлены к долгой войне. В каждой семье слышали от дедов рассказы о зверствах армян в войне 1918 года, нынешнее поколение в 1991-1994 годах стало свидетелями таких же жестоких историй: лютое истребление женщин и детей, не щадили даже младенцев. Ритуальные убийства, демонстрация нечеловеческой жестокости как форма устрашения. Ставка на потрясение, массовую истерию и бегство из Карабаха.

Для участников обсуждений, прений ежевечернего шушинского народного собрания на площади характерно точное и самостоятельное считывание сигналов. Независимость от мнения прессы, московской и бакинской. Если бакинская в 1991г. преподносила факты таким образом: Горбачев окружен армянами, и надо пробиться и перекупить президента-мерзавца. То на площади в Шуше говорили: если в совет-

ники набрали армян, то это организация по разрушению СССР, значит карабахский костер запылывает и – надолго. Феномену шушинской автономии есть объяснение: шушинцы считали, что война никогда и не прекращалась. Другие формы, но велась армянами непрерывно, и возникла специализация, появились кланы идеологов – ораторов и провокаторов. Из таких Горбачев собирал свою команду. Монополия на войну, кланы профессиональных провокаторов как в Ереване, так и в Степанакерте.

В 1991-92 годах все 12 тысяч жителей Шуши сплотились в едином решении защитить свой город.

Хирург Назим Аллахвердиев, он родом из Лачина, работал в больнице в Степанакерте, когда стали в 1988 году выгонять врачей-азербайджанцев, переехал в Шушу. В одном из своих интервью в конце 1991 года сказал: *Храбриться-бодриться не стоит. Враг хитер, фанатичен и подготовлен к долгой войне за Карабах. А вот азербайджанское общество и госструктуры – нет. Не подготавливались к войне, наоборот, были обмануты обещаниями скорой поддержки Москвы, поэтому мы проиграли первый этап.*

Крепость Шуша вновь, как в 1918 году, должна биться, не надеясь на подмогу, рассчитывая только на себя. Что означает подготовленность шушинцев? Чуткость к незаметным проявлениям подготовки к войне, слежение за противником, анализ событий – все эти качества вырабатывала крепость в каждом своем защитнике. Эти качества присущи и мэру, и простому служащему почты, педагогу и врачу, электрику и сантехнику.... Историей крепости здесь выработана коллективная ответственность за родной город. Это характерно было задолго до начала первой Карабахской войны, достигло пика во время войны.

В осадном положении с 1988 по май 1992 года Шуша продержалась именно благодаря несгибаемому шушинскому характеру ополченцев. «Не посрамить честь предков» – здесь доминанта, а из нее следует чуткое отношение к региональным игрокам, к противнику в первую очередь. Историей доказанное знание – враг может затаиться, но подготовка к взятию Шуши ведется им непрерывно. Сознание непрерывности введущейся против нее войны делает историю Шуши и шушинский характер явлением уникальным.

Что такое исторический опыт.

У меня шушинский характер ассоциируется с пальцами опытного хирурга. Потому и тянулись встревоженные и дезориентированные больные, их родственники к хирургам Назиму, Ровшану, Микаилу. Наблюдения за тем, как они ведут операции в осажденном городе, под грохот несущихся ракет, обладали таким релаксирующим воздействием, что бесконечно усталые медсестры – это было видно даже через повязки – начинали улыбаться, наблюдая уверенную работу опытных хирургов.

Военным стратегам, нашим генералам стоило бы изучить феномен работы хирурга в полуосвещенном помещении. Пальцы хирурга-профи сильны, гибки, пластичны и обладают скоростным мышлением. Опытные профи могут качественно делать операции даже после десяти часов работы в операционной. Когда мозг почти отключен, функции мозга берут на себя пальцы хирурга. Каждый этап операции делается так, чтобы быстро перейти к следующему этапу, при этом должна быть гарантия – предыдущий этап сделан так качественно, что никаких внезапных последствий не будет. Пальцы профи должны чувствовать малейшую вероятность ошибки, нежелательное последствие, которое не позволит завершить операцию успешно. Блестящая работа как следствие длительной подготовки профессионала. Силовики в 1991-92 годах таким уровнем координации не обладали. Разведка, анализ разведанных, знание потенциала армии противника, а также высокий уровень координации армии и общества... Этого всего в 1991 году у нас не было ни у политиков, ни у военных.

Если хотя бы раз кому-нибудь из киношников удалось заснять улыбку медсестры, скрытую повязкой, можно было сказать: наконец поймана главная шушинская черта – улыбка на войне. Ну, нет ни одного события на театре военных действий под названием Шуша, к которому не были бы историей не подготовлены коренные шушинцы. Конечно, крепость стремилась передать свой опыт равнине, но в 1991 году Муталибов взывал о помощи, и пока тогдашние лидеры металась между Москвой и Тегераном, к 3 апреля 1992 года кольцо вокруг Шуши стало быстро сжиматься. Только на одном из плацдармов для нападения – 3 апреля в Шуше стало известно – на границе с Зангеланом скопилось 39 БМП, 18 БТР, 15 танков и 3 зенитные установки. Только одно направление. Противостоять было нечем.

Роль «подготовленных». Беседуя с врачами Назимом, Микаилом, Ровшаном, Исой, больные, раненые, их родственники не позволяли себе раздражение, отчаяние, скулеж. Только поиск решений. Никто никогда не узнает, как часто в долгие месяцы обороны отчаяние подходило вплотную к сердцам людей подготовленных и могло парализовать волю. Так велико было горестное изумление мэра города Гезалова, врача Назима и педагога Абилова вседозволенностью боевиков, открыто поощряемых главой комитета особого управления НКАО А.Вольским, военными комендантами – офицерами российской армии. По данным заведующего хирургическим отделением Шушинской больницы, с 1988 по 1991 годы в отделение поступило 400 раненых, подавляющее большинство – мирные жители окрестных сел. Открыто велась подготовка плацдарма для атаки на Шушу.

Мне стыдно было сказать, что я из Баку. В конце 1991 года моя соседка лет 50-ти, простая женщина, 20 лет стажа в местном санатории, говорила мне возмущенно: *«Где твой Баку? Почему Баку все время опаздывает? Опаздывать – его политика? Дорога на Лачин простреливается, скоро они вообще ее перекроют. Вокруг Шуши уничтожили, сожгли все наши села, с каждым днем все больше обстрелов и больше раненых. Они там в центре наблюдают, как кольцо вокруг Шуши сжимается. А наши парни с автоматами идут на танки».*

С позиции шушинцев до возвращения к власти Г.Алиева центром управляли вредители, причем самая худшая их разновидность – дилетанты. Их внутреннее состояние – отчаяние, паника. Ни одного нового политика, подготовленного к вызовам истории периода распада СССР в те годы Азербайджан не выдвинул. Что говорит о том, что опыт Шуши как крепости после событий 1918 года не был исследован и принят к сведению, не проанализирован и не отражен ни в литературе, ни в учебниках. Нельзя уповать на уникальные личности, нужна грамотная подготовка новых поколений к вызовам времени.

– Поразительный факт, – заметил **врач Рамиг**, – у армян командирами отрядов могли быть кто угодно: сантехники, плотники... А идеологами движения «Миацум» были врачи и педагоги. Главный хирург центральной больницы Степанакерта и всего НКАО Эдик Гукасян и ряд ведущих врачей города, как и ректор местного университета, были не просто активными членами «Крунка», но идеологами движения. Идеологи войны – врачи и педагоги. Факт поразительный только для человека со стороны. Для Шуши ничего удивительного: все годы советской власти армяне вели активно борьбу на выдавливание азербайджанской интеллигенции из Карабаха. Светлый, карнавалный, уверенный в себе, жизнерадостный город Шуша раздражал совершенно недоступными армянам источниками силы и твердости. Этому есть очень интересное подтверждение: все способные музыканты-армяне стремились изучать мугам у шушинских мастеров. В 2010 году они так прожужжали уши оперной диве Казарновской, что та по ТВ заявила, что получила приглашение открыть оперную студию в Шуше – кузнице армянских музыкальных талантов.

Хирург Назим Аллахвердиев пять лет проработал в центральной больнице в Степанакерте, хорошо изучил идеологов «Миацум». Многие из них работали врачами в рядом с ним. *Они всегда были уверены в своей победе, – рассказывал Назим, – открыто говорили, мы, армяне, всегда побеждали азербайджанцев. Тем более сейчас при такой мощной поддержке из Москвы, Парижа, Вашингтона, Тегерана. Вы одиноки и беспомощны. Мы всегда отнимали у вас земли, так будет и впредь. Уверенность в своем превосходстве лидеры стремились внушить фанатикам на митингах. Но прежде всего своим коллегам-азербайджанцам, внушить им комплекс неполноценности. Когда я переехал из Ханкенди в Шушу в 1988 году, я убедился, что шушинцы из поколения в поколение передают как самое важное качество – бесстрашие, презрение к врагу должно быть подкреплено бдительностью, умением анализировать изощренность армянской тактики. Такое отношение здесь традиция.*

У нас наивное отношение к Шуше – символ стойкости и твердости. Но что за этим? Крепость Шуша не только символ несгибаемости, но это и знание истории, на основании которой возможно видение будущего. Защитники крепости не забыли невероятную жестокость, с какой воевали в Карабахе армянские боевики в 1918-19 годах. Армяне в 1990-1991 годы быстро от охотничьих ружей перешли к минометам-гранатометам, нанимали у расквартированного в Ханкенди 366 полка БТР-ы с экипажами, которые стали регулярно обстреливать Шушу, а Баку вместо интенсивного строительства армии в 1990-91 годы терял время на политическую борьбу.

В 1991 году была сорвана мобилизация. Вместо создания армии тратились огромные средства на гражданское строительство в Карабахе. В результате наш спецназ, тогда называемый омоновцами, не мог защитить Кяркиджахан. Легкое стрелковое оружие против танков, которые полностью разрушили село между Ханкенди и Шушой 19 января 1992 года, и создало плацдарм для нападения на Шушу.

Директор училища Абилов: *Сотни молодых парней со всей республики давали заявки на учебу в училищах Шуши. Я не мог убедить в Баку, что речь идет о патриотах, стремящихся защитить Шушу. Мы сделали бы из них бойцов. Минобразования наоборот сократило прием студентов в шушинские училища. Если центр не строит армию, то дайте нам шанс сделать бойцов из тех, кто стремится стать защитником Шуши, дайте нам создать отряды самообороны из добровольцев. Ни вооружения, ни бойцов.*

Музыкальная столица – прекрасно, но Шуша много богаче. Совершенно иное отношение к историческому опыту. Помнить прошлое и изучать врага.

Из рассказа **майора милиции Теймурова:** *В начале декабря 1991 года произвели обмен пленными. Возвращенная из плена девочка 14 лет рассказала, как была умерщвлена ее старшая сестра. Все происходило на ее глазах. Боевики отдали ее сестру старику лет 60-ти, тот отвел ее в соседнюю комнату, оттуда стали раздаваться страшные крики. Утром она увидела сестру, груди были черные от укусов, старик избил ее, изнасиловал и искусал ее всю. Взрослый мужчина кусал до крови девушку, затем отдал боевикам. Их было четверо, они готовы были наброситься на нее, командир ее пожалел, приставил к голове пистолет и нажал на курок.*

Боец самообороны **Ибрагим Дадашев** в феврале 1992 года говорил мне: *Армяне добились всего, что хотели, захватили высоты, подошли вплотную к Шуше, у нас нет возможности отогнать их БТР-ы хотя бы на три километра. Взятые села вокруг Шуши и подступы к городу. Нельзя спасти крепость, если не идет борьба за территорию вокруг нее, если перекрыты все дороги.*

Горечь и изумление в его словах. Такое положение длилось месяцами, и нет мощи ни из столицы страны Москвы, ни из Баку.

– Длительный стресс на протяжении нескольких лет, и при этом шушинцы сохраняли спокойствие, – отмечали врачи **Ровшан Керимов** и **Микаил Меджидов**. – Нейтрализовать прессинг длительного стресса может только участие в общем деле – защите города.

Прошел год после падения Шуши.

Хирург Ровшан Керимов встретился со старыми знакомыми – шушинскими врачами и медсестрами в военном госпитале в Тертере. Та же активность, динамизм, живые глаза. Нет подавленности, отчаяния. Почему?

Ответ медсестры **Тунзали Джафаровой**: *Мы боролись до последнего, как и все наши ополченцы, у нас нет вины перед Шушой. Пусть паникуют трусы, нам же надо вернуть крепость.*

Те, кто воевал за Шушу, не были раздавлены потерей крепости, позднее, в 1994-м сдачей Карабаха. «Совершенно иное, яростное, соревновательное состояние у моих шушинских друзей, – говорит Ровшан, – состояние бойца, он готовится к рваншу. Каждый день посвящен цели – подготовка к бою».

По крупицам надо изучать оборону Шуши в 1988-1992 годах и Агдама в 1990-1993 годах. Обреченные на поражение доказали свое превосходство над «победителем». Как это произошло и в Шуше. Каждый этап поражения и победы надо изучать и сохранить как отчет о войне за Карабах – историческом опыте, который должен быть исследован и передан новым поколениям. Они остро нуждаются в опыте своих отцов и дедов. Должны знать, в Шуше в 1920-1992 годах жили люди с боевым негибаемым духом.

Этот очерк – попытка изучить стойкость жителей и защитников Шуши.

Шуша была и есть оплот нашей духовной силы. Поэтому армяне так хотели взять Шушу. После падения Шуши в армянской прессе стали писать: «Армения впервые примеривает на себя мундир победителя». Война за Карабах была попыткой впервые стать победителем. Возрождение понималось как продолжение пути, проложенного небожителями армянской сказки царями Тиграном Великим, Ашотом Железным и Ара Прекрасным. Армяне называли себя «высокоразвитым обществом с самой древней культурой, самой цивилизованной нацией». Но здесь, в Шуше, помнили, как армяне воевали в 1918-20 годах, это была война с женщинами и детьми, с садизмом ритуальных убийств, с вспарыванием живота женщин, убийством детей, даже младенцев. То же самое повторилось в 1991-94 годах. Память Шуши не признает слова «забыть», надо отдавать себе отчет о постоянно ведущейся противником подготовке. Идеология армянского превосходства не исчезла в советские времена, не исчезла и после поражения 2020 года.

Дух Шуши живет в ее детях, а не в пришлых людях. Девиз крепости и ее миссия: не сдаваться, даже когда обречен. Молодежь должна знать о защитниках крепости, азербайджанского города-героя.

Площадь перед исполкомом.

На площади по вечерам собирались почти все свободные от дежурства на постах мужчины города. Двое моих приятелей Вагиф и Иса обсуждают новости, ждут сообщений, делают прогнозы. Вагиф рассказал нашумевший случай с его знакомым.

5 августа 1991 года его знакомый милиционер Рамиль из села Мешали Шушинского района с тремя мужчинами отвез больную женщину в агдамскую больницу. Вдоль трассы расположено армянское село Бадара. На обочине стоит знакомый Рамиля по имени Вачик, помахал рукой, и Рамиль остановился. Вачик спросил, как дела его старого друга из Мешали по имени Ибрагим. Попросил, чтобы Ибрагим вышел на связь, встретился с ним, он соскучился по старому другу. Попрощались, и милицио-

неры довели больную до больницы. Через два часа на обратном пути на том самом месте Вачик с тремя односельчанами расстрелял машину и тяжело ранил Рамиля. Друг Рамиля, сев за руль, спасает друзей, довезя до Мешали. Вот такой привет педаль Вачик своему старому другу Ибрагиму.

У милиционеров нет ни оружия, ни полномочий арестовать Вачика и других бандитов, нет и разрешения войти в армянское село, туда могут войти только российские войска. И даже после таких случаев, а их было десятки, нет реакции Баку, нет ни улучшения снабжения оружием, ни расследования преступлений, нет и армии.

Вспомнили друзья этот случай в связи с заметкой в одной бакинской газете, которую второго ноября перепечатала газета «Шуша». Заметка очень смешная.

Там писалось, что в селах Шушинского района Халфяли и Бюк Галадаряси были открыты в 1991 году музыкальные школы. Созданы три группы: таристы, кяманчисты и пианисты. Правда, ни в одном селе – сетует газета – нет пианино. И вообще в музыкальных школах Шушинского района большая недостача пианино.

Вачики безнаказанно расстреливают людей из автоматов, и никакой реакции, а вот отсутствие пианино – проблема.

Посмеялись, присоединившийся к нам знакомый Керим рассказал о том, что почти сразу после спитакского землетрясения в Ереване комитет «Карабах» распространил листовки с обращением к чиновникам Еревана. В них требование в трехдневный срок, как там писалось, «стать настоящими армянами». Что означало, несмотря на разрушения в Спитаке, гибель людей и траур по всей Армении, принять участие в движении «Миацум», включиться в борьбу. В противном случае чиновники и их семьи почувствуют на себе гнев истинных патриотов, настоящих армян.

В Баку не представляли, с кем им предстоит бороться. В Армении развернулась беспощадная борьба с чиновниками, бизнесменами и всеми, кто не поддерживает войну. На третий день общенационального траура из-за спитакского землетрясения комитет «Карабах» во главе с А.Манучаряном проводит митинги в городах Армении. Милиция и солдаты пытались остановить толпу, и тот же Манучарян кричал толпе своих фанатов: «Мы заставим их стрелять в нас». Цель – поднять весь народ и заставить выйти на улицы с требованием присоединения Карабаха. Это происходило сразу после землетрясения, когда еще не были похоронены тысячи умерших.

«А мы не можем, – продолжает Керим, – раздать автоматы милиционерам. Главная проблема – не во всех музыкальных школах есть пианино».

4 октября 1991 года в больницу привезли женщину 28 лет, мать четырех детей. Жительница Кяркиджахана Шякяр Салахова, услышав выстрелы, выбежала из дома за играющими во дворе детьми, семи и пяти лет, детей спасла, успела завести их в дом, но сама получила пулю в спину. Успели довести до больницы, хирург Назим сделал успешно операцию, жива. В тот же день доставили раненого милиционера Ризвана Теймурова, расстреляли его машину, убили следователя Сардара Сафарова. В тот день в течение пяти часов, как это было 25 сентября, Шуша подверглась артобстрелу с четырех точек. С каждым днем у армян все больше техники, артиллерии – у защитников Шуши – пистолеты.

«Нам нужно оружие, нас пускают с пистолетами против гранатометов, – говорит Вагиф, – мы теряем лучших наших парней».

Вечер в гостинице, света и воды нет, свечи стали большой ценностью, пишу отчет о работе в больнице. Звучит сигнал воздушной тревоги.

Из соседнего номера слышен голос матери, она будит детей: «Айнар, Мушвиг, проснитесь, надо спуститься вниз». Дети не хотят в бомбоубежище, там спертый воздух, нечем дышать, много народа, там темно и страшно.

В соседнем номере уже два месяца живут беженцы из сожженного армянами села Кемерли.

Слышен вой ракет. Выхожу на балкон. Огненно-рыжие ракеты «Алазань» летят медленно, со страшным воем. В первый день пребывания в Шуше смотрел на летящие ракеты замороженно. Забываешь о войне, о семье, конфликтах на работе, обо всем, чем жил прежде, – все тленно перед гипнозом несущейся на город смерти, этих десятков полыхающих ракет. Следующими вечерами, уже представляя карту города, начинаешь вычислять, куда упадет каждая ракета. Потрясающее зрелище, когда наши артиллеристы сбивают ракету, выпущенную из установки «Град». Тысячами раскаленных осколков, вонзающихся в темноту неба, ракета протестует против своей кончины, против тех, кто не позволил ей реализоваться. Спустя шесть-семь минут после первого залпа установки «Град» раздается сигнал воздушной тревоги. Обычная расхлябанность, здесь осознаешь, сколько бед она нам принесла. «Опаздываем во всем, – говорят шушинцы, – «Град» уже выпустил залп, а мы только через десять минут даем сигнал тревоги. У армян уже танки и бронетранспортеры, нашим только раздали автоматы».

Через час наши ответно салютуют по Ханкенди. Город погружен в темноту, перед моей гостиницей слышны мужские голоса.

– Убили Теймура! – кричит хриплый, бешено клокочущий голос. Парень плачет навзрыд.

Утром спускаюсь в сквер перед гостиницей, ничто не говорит о ночном артобстреле, о гибели Теймура, о смерти. Город вступает в еще один будничныи день войны.

Иду в больницу. За ночь поступило 11 раненых, сообщили о смерти сержанта милиции Теймура в Кяркиджахане. В хирургическом отделении не слышно стонов, причитаний, плача. У входа в отделение стоят родственники раненых. Не видел ни одной женщины со слезами на глазах. У всех 11-ти ранения легкой и средней тяжести. С ранеными и их родственниками невозможно разговаривать, люди взбешены.

– Почему мы все время опаздываем? – раздается громкий женский голос.

Молодая женщина требует ответа. Все молчат. В палате лежит ее брат. Осколочное ранение, ночью извлекли три осколка из правого легкого, но не все. Парню 22 года, еще два осколка остались в области грудной клетки. Женщина права, слишком много жертв среди защитников Шуши и окрестных сел.

Дело не в ежедневном напряжении живущих в осажденном городе. Слишком слабый ответ с нашей стороны, нет побед. Всех раненых привезли из Кяркиджахана, ночью наши омоновцы с автоматами пытались спасти Кярки. Армяне и солдаты-наемники из 366 полка теперь уже не ясно, какой страны, вновь на танках и БТР-рах напали на Кяркиджахан. Из танков расстреливали дома, у наших же только автоматы, да и то не у всех.

И когда сообщили о гибели в бою Теймура, в больнице раздался страшный женский крик. Сестра Теймура была в больнице, надеясь найти брата среди раненых. Позднее я служил в агдамском военно-полевом госпитале, бывал в госпиталях в Физули и Тертере. Я больше нигде не слышал такого женского крика. В нем не горечь, не отчаяние, но ярость, возмущение.

– Мы теряем лучших, – кричит женщина, – а кто придет взамен? Кем заменить моего брата? Все знали его как героя, кто его заменит?

Боль и возмущение шушинцев в 1990-1992 годах: уходят из жизни лучшие, преданные городу. Их не берегут, а каждый из них мог бы новобранцев научить военному ремеслу, способен был создать крепкий боевой отряд. Почему не дают оружие и новобранцев не присылают на обучение в Шушу? Умирают самые мотивированные, и их нечем заменить. Что это за тактика, бросать защитников в бой с пистолетами и автоматами против танков? Именно так это воспринималось в Шуше.

....

Над ночной Шушой жезнерадостный небосклон. Такой сочности и разнообразия цветовой палитры, с какой светят здесь звезды, мало где можно найти. Над городом висит роскошный звездный ковер, и так близко до него, как будто любопытные звезды заглядывают в окна шушинских домов. Вытяни руку из окна и схватишь целую дюжину звезд, и каждая яркая по-своему. Огненно-оранжевые снаряды на таком фоне воспринимаются здесь как вызов. Не беда, не трагедия, не религиозный конфликт, не горе и не отчаяние даже в дни поражений, а именно как вызов. Отсюда ярость в голосе шушинки. Кто посмел претендовать на город-крепость, построенный нашими предками? Именно поэтому шушинцы защищали обреченную крепость. Пролитая ее защитниками кровь еще породит новых бойцов.

Как вызов шушинцы воспринимали в те годы всеармянское движение «Миацум». Взятие Шуши воспринималось армянами как обновление, как начало новой победной эпохи. Мечта фанатов движения «Миацум» этим захватом вершины обновить, вдохновить и омолодить так называемую многострадальную нацию с увядающей энергией, в истории которой катастрофически не хватает побед.

Так в чем особенность шушинского характера, в чем его актуальность? Нет иллюзий. Независимость и от пропаганды НКАО, и от Баку. Вдруг проснувшихся «людей равнины» считают наивными.

«Почему армяне поднялись, и что их вдохновило? – говорил мне знакомый шушинец Кямал Агаев. – В Баку вы задаете этот вопрос лишь с 1988 года».

Он был прав. У шушинцев нет иллюзий, так как ведутся многолетние наблюдения. Не только за противником, но и, что не менее важно, за тем, как он нас изучает, как к нам относится. Армян вдохновили наблюдения за азербайджанским обществом. На протяжении всего советского периода Армения по кусочкам выцарапывала у Азербайджана земли. Безропотность общества вдохновила армян. Как и невнимательность некоторых ученых к истории Кавказской Албании, что «подарило» армянам большую часть предков албанцев. А албанцы были храбрыми воинами. Не зря одним из наших главных исторических героев является албанский князь Джаваншир Михранид.

– Должны были пройти недели работы в Шуше, – говорили мне хирурги-бакинцы Ровшан, Иса, Микаил, – прежде, чем шушинцы стали откровенны с нами. Слишком большой разрыв. Совершенно другой опыт, другая оптика, другое восприятие. Десятилетиями на фоне советских лозунгов и знамен хранилась тайная наблюдательность жителей Шуши. Никогда шушинцы не раскроют «неподготовленным» местную «специфику» – самостоятельность, независимость, да что там скрывать – королевскую избранность крепости. Слишком неожиданной будет для них позиция крепости: за Шушу именно как за крепость борьба идет десятилетиями, с момента назначения Степанакерта на пост столицы НКАО. Экономическое удушение Шуши, тихая арменизация Шушинского района и попытка вселить армян в саму Шушу – тактика столицы НКАО на протяжении десятков лет.

Были очевидные успехи: в частности, появление чисто армянских сел в Шушинском районе.

Громадное значение придавалось строительству в Шуше армянского храма на довлеющей над городом высоте. Как большая победа воспринималась низкая сопротивляемость официального Баку, уступчивость воспринималась как слабость, признание армянского превосходства. Непонимание происходящего как проявление исторической незрелости, наивности «молодой», как считали армяне, нации. Тогда как для шушинцев как раз характерна неуступчивость, основанная на наблюдениях за противником – Степанакертом. Этот город именно так и воспринимался. Отсюда глубокое презрение к певцам пафоса – пропагандистам из столицы НКАО, Еревана и Москвы. Отсюда недоверие к официальному Баку периода горбачевской перестройки.

С 1988 года бакинская пропаганда в Шуше воспринималась как бравада, трескотня, самообман и слабость. Пропаганда после развала СССР, особенно рьяно во времена правления Везирова, позднее президента АР в 1991-92 годы Аяза Муталибова, в годы правления Народного фронта заявляла: «Мы победим, потому что справедливость на нашей стороне». Словом, Карабах наш, потому что он – наш. Справедливость всегда на нашей стороне... Однако мы потеряли Эриван, Зангезур, Дилижан...

Все подобные штампы певцов пафоса и бравады здесь, в Шуше, подвергались такому издевательскому анализу, что не удивительна генетическая основа таланта сатирика у великого Узеира. Равнина могла тешить себя самообманом, но крепости подобное непозволительно. Вновь, как и в 1918 году, самый опасный враг – бравада, незнание врага. Недооценили – слабо сказано, для 1987-1992 годов было характерно непонимание врага, потаенных причин армянского общенационального порыва 1991 года. Это сейчас жители Армении ругают проигравших лидеров.

Отсюда возмущение Шуши. Пока равнина раскачивалась, скорость перехода от стадии охотничьих ружей к профессиональной армии у армян опережала нас минимум на пять лет. За это время Шуша потеряла десятки своих защитников, каждый из которых историей города и своим опытом воина был подготовлен возглавить боевое соединение и из необученных новичков сделать бойцов. Поэтому такая реакция на смерть бойца у его сестры – ярость, протест. Ее брат должен был оставить после себя десяток подготовленных бойцов. Это в генетике шушинцев: после себя оставить учеников, бойцов. До сих пор у поколения переживших 1988-1992 годы эта боль сохранилась. Сотням бойцов-шушинцев не дали реализоваться как командирам и наставникам нового поколения двух крепостей – Шуши и Карабаха.

Отсюда у медсестер, смотрящих на молодых сильных парней с ампутированными руками и ногами, на глазах были слезы ярости, возмущения. Такой золотой материал так бездарно использовать. Пребывая именно в Шуше 1991-92 годов, сознаешь, что самая опасная черта в нашем характере, в нашем коллективном Я – наивная и усыпляющая вера в победу справедливости, в то, что родину у нас не смогут отнять. Вера в то, что кто-то придет и восстановит справедливость и даже погладит жертву по головке. На преодоление наивности ушли долгие 26 лет, с 1994 по 2020 годы. Шуша всегда была выше этого, осознавая свое одиночество, крепость своей историей была подготовлена к борьбе. Но что крепость не может сделать в одиночку, так это пробудить равнину, неподготовленных, тех, для кого взросление – трагедия. Стать взрослым и одиноким, как крепость в центре равнины, вызывает у таких паническое состояние на десятилетия.

После операции в кабинете завхирургией Назима собралась вся бригада.

У Назима и анестезиолога Рауфа Самедова, медсестер Насибы Мадатовой и Тараны Гасановой красные глаза. Потуши свет в комнате – будут светиться. Устали, но усталости не замечают – удалось спасти раненого с большой кровопотерей. Каждый вернувшийся в строй боец дарит им энергию, силу, и не нужны им эти сказки про медитацию-релаксацию. Анестезиолог и медсестры уходят, комната заполняется родственниками раненых и больных.

– Вспоминаю Шушу как сложный, но и светлый период в моей жизни. Тогда самое тяжелое для меня было..., – говорит бакинский хирург Ровшан Керимов, – разговаривать с родными тех, кто лежит в наших палатах. Особенно трудно после десяти часов в операционной. Однажды запутался, отцу одного раненого сказал, что у его сына ранение голени, а у него оказывается осколочное ранение тазобедренного сустава. Тунзалья Джафарова, отличная операционная медсестра, стояла рядом со мной и промолчала, после ухода родственников раненых поправила меня. Операционные медсестры здесь лучшие в мире: буквально впитывают знания, все хотят работать с опытными врачами, учатся у них. Тунзалья работает и с нейрохирургом, и с травматологом, и с сосудистым хирургом.

– Ничего странного, – пожимала плечами Тунзая, – эта война надолго, все надо знать.

Все медсестры из шушинской больницы после падения города перевелись в госпитали и работали до последнего дня Первой Карабахской войны.

Ровшан Керимов, Иса Мамедов, да все хирурги отмечали, что не заметный со стороны героизм шушинских медсестер спас в годы блокады сотни жизней. Каждый случай возвращения бойца в строй был для них праздником. Тунзая с гордостью произносила имена вернувшихся в строй бойцов, их все знали в больнице: «Наши хирурги вернули их в строй».

Реально это большая заслуга вернуть в строй опытных бойцов, придав уверенность ополченцам, всем жителям города. Их жизни в надежных руках. Все медсестры отделения хирургии, создавая условия для краткого отдыха подругам, работали как слаженная команда. Как сложившийся военное подразделение.

Ровшан: *Во время операции боги медицины – хирурги и операционные медсестры, после – реанимационное отделение, палатные медсестры. Мы работали как единый механизм, удавалось проводить невероятно сложные для тех условий операции и, что не менее сложно, выхаживать тяжело раненных..*

В 1991-92 годы транспортировка из Шуши в тыл была осложнена блокадой. Вертолеты летали редко, их обстреливали армяне, хотя экипажи были российские летчики. Дорога на Лачин обстреливалась и водители гнали на большой скорости, так что средне и тяжело раненых провезти было нельзя. Шушинская больница была и передовой медротой, и тыловым госпиталем.

Поэт-оратор и патриот. Шушу часто посещали в те годы ораторы, говоруны, лидеры всяких партий и движений, поэты и просто пламенные патриоты. Чаще все в одном лице. Приезжали за вдохновением и вдохновлять. Местные смотрели на них с жалостью – нам нужно оружие, а не призывы. Выступления и стихи начинались со слов: «Шуша борется, держится, значит победит». Заканчивались выступления словами: «Держись Шуша, борись, мы тебя поддержим». Или: «мы тобой гордимся». От всего этого тошнило. Город ежедневно обстреливался Из Топханы, больница в первую очередь, главврач Рамиг ездил в Агдам и просил артиллерию для защиты больницы, так как его обращения к военному коменданту капитану Самарину реакции не имели, но и Агдам ничем не помог. Поэты-ораторы выступали с призывами отомстить врагу за его коварство и подлость, а в это время хирурги Назим и Микаил швабрами драили операционную.

– Патриотизм медиков – вещь конкретная, – говорил Микаил, – борьба с анаэробной инфекцией в операционном блоке, в частности. Если в мирное время это проблема, то в осажденном городе под бомбежкой втройне.

Поэты пафоса закрыв глаза вещали: «Губы дрожат, в глазах слезы, сердца наши горят...».

В это время врачи и медсестры проводят стерилизацию операционной.

– Лучшее средство спасти горящие сердца ораторов от инфаркта, – говорил Микаил, – швабра им в руки и уборка в операционной.

Слушали приезжих ораторов в Шуше с жалостью, соболезнованием. Люди искренне кипят, пульс минимум 120 в минуту, не мошенники, но явно какая-то форма деменции.

Ну, что вы так поздно пробудились, ребята. Почему так горите-пламенеете, бешено вращая оловянными от ужаса глазами. Где вы были, когда крепость вас предупредила: идет подготовка к войне. А раз уж приехали, ну, сдайте каждый по двести граммов крови, наши медсестры по два раза в неделю сдают. Ни одного случая сдачи крови от приезжих ораторов не было. Правда, конфетки-шоколадки раненым раздавали.

Откуда такое отношение, как к слабоумным? Как еще можно относиться к опоздавшим. К чему энтузиазм говорунов и стихоплетов, если равнина не помогает крепости? В книге «Армяно-азербайджанский конфликт. Военный аспект», изданной в 1995 году, верно отмечено автором, военным историком, наше опоздание со строительством армии минимум на три года. Так вот ораторы – певцы пафоса опоздали на 30 лет. Отсюда жалость, сожаление в глазах шушинцев: если вы сами этого не понимаете, то чем вам помочь? Если никакой реакции на сообщения Шуши о тайных мероприятиях лидеров НКАО задолго до развала СССР, с первого года деятельности М.Горбачева. Шуша жила своей внутренней жизнью, не изучаемой центром даже на уровне социологии. Здесь мне не раз и не два в 1990-91 годы приводили как объяснение самостоятельности, особенности Шушинской позиции такую поговорку: «Sən saydıgını say gör fələk nə sayır» (мы предполагаем, а Бог располагает).

Фляк в данном случае – пробуждение, бдительность, ясность, отрезвление и опережение. Крепость как единственная форма избавления от иллюзий. Поэтому с таким сожалением слушали патриотически настроенных ораторов-пафосников. Смотрели как на людей из иллюзорного мира, который должен проиграть. Он не жизнеспособен, и этот мир проиграл в войне 1991-94 годов.

Сильная команда.

Зачем нам все эти филиалы предприятий, музыкальные училища, когда Шуше надо срочно открыть курсы военной подготовки, – говорили здесь в 1991 году. Врачи больницы в это время поднимали вопрос о необходимости открытия курсов санитарных инструкторов. Михаил Меджидов, кандидат меднаук, замдиректора НИИ нейрохирургии по научной части, верно отмечал, что на 50% поднимется эффективность любой больницы при оказании вовремя первой медицинской помощи раненым. Во всех боевых отрядах должно быть минимум четыре санитаря для выноса раненых с поля боя и оказания первой медпомощи. Об этом врачи говорили постоянно, но курсы так и не были открыты. Конечно, врачи рассказывали легкораненым о методах оказания первой медпомощи. Но это не могло заменить необходимых курсов, Ромиг и другие врачи сообщали в центр о срочной проблеме: боевые потери можно сократить, надо открыть медицинские курсы в Шуше. Нам нужны не только оперирующие врачи, но и преподаватели для таких курсов. В то время, как оказавшаяся в блокаде с 1988 года Шуша наблюдала разгорание костра, в Баку лелеяла надежду выйти на нужных людей в Москве и вернуть костер в состоянии управляемого тления. Никакие военные курсы открыты не были. Держитесь, скоро выйдем на Ельцина, и он даст приказ отнять у армян танки и БТР-ы. А костер уже полыхает вовсю, и в Шуше эти упования на старшего брата воспринимались так: и договориться с Москвой не могут, и армию не строят. То, что мы здесь знали с 1986 года, до официального Баку в лице Муталибова не дошло и в 1991 году. Машина набрала скорость, в нее вложены миллионы, и либо надо догонять и строить армию, либо катком будет раздавлен прекрасный, но иллюзорный мир. Возмущение столицей – да, но было еще одна яркое чувство – ирония. Причем среди всех слоев населения Шуши. Милиции, ополченцев, врачей, педагогов, моих соседей по дому, где одно время квартировал, да всех шушинских знакомых. Провинция иронизирует по поводу своей столицы. Мотивы иронии: столица не видит того, что с высоты опыта Шуши наблюдалось крепостью давно. Отсюда нежелание видеть, что армянами в войну вложены миллионы, их подготовка к войне имеет многолетнюю историю. Когда Муталибов изрек свое бессмертное «Азербайджанцы – нация пацифистов», в Шуше отреагировали так: «Столица в руках паникеров, слабаков, подростков, близоруких. Скорее всего всех вместе. У власти близорукие паникеры-подростки. Даже не мошенники – просто подростки, на той или иной стадии истерии. Что Везиров, что Муталибов, что Народный фронт во главе с Эльчибеом с его неуместным романтизмом.

Неспособность лидеров 1990-92-х годов изучить тактику врага привела к резкому опозданию с созданием армии. Все время лишь отвечаем, да и то с опозданием. С каждым днем все больше беженцев, изгнанных из своих сел, стекаются в Шушу и Агдам. Не могли остановить подготовку армян к войне – куда им остановить войну», – говорили в Шуше.

Здесь суть конфликта крепости с равниной: Шуша не приемлет столицу, которая всегда находится с позиции догоняющего. Не предвидит ход событий, а пытается лишь замедлить приближение сокрушительной катастрофы. Все, что не позволяет укрепить оборону крепости, вызывает возмущение у жителей Шуши. Долг крепости, ее миссия – опережение, разведка и анализ. Сила и мощь крепости не в толщине стен и высоте бойниц, а в выявлении тенденций, слежении за противником и в аналитике. Миссия Шуши с момента основания – опережение, в военное и мирное время. С позиции крепости мирного времени вообще нет – это подготовка к войне: разведка, сбор средств, создание армии и меры по ослаблению противника. Так было прежде, так есть и будет в будущем.

Миссия Шуши – донесение до граждан страны: *или Азербайджан – крепость или страна будет разрушена.*

Предложение журнала «Литературный Азербайджан»

Деятельность больницы – только один пример массового героизма шушинцев на протяжении четырех лет блокады. К сожалению, этот период не представлен ни в одном музее Шуши, других городов Азербайджана, хотя имеет важное значение для имиджа страны, нации и истории Шуши. Шушинцы за четыре года блокады вписали золотыми буквами Шушу в историю нашей страны в XX веке.

В Шушу возвращаются жители, среди них много молодых людей, которые не знают о годах обороны города. Но должны знать, что необходимо для воспитания в духе патриотизма и верности родному городу. Необходимо изменить отношение молодежи к истории Шуши последнего периода перед взятием армянами.

Предлагаем создание в местном Музее истории выставку под названием «Героические страницы обороны Шуши в 1988-1992 годы», что послужит восстановлению исторической справедливости. Выставка откроет миру неизвестные страницы истории Шуши.

Шуша – единственный город в зоне боевых действий на территории СНГ, который после распада СССР продержался 4 года в условиях блокады. А это означает, в будущем будет законно потребовать от Армении компенсации всем блокадникам Шуши. Как это имело место в советское время, когда Германия выплатила компенсацию жителям Ленинграда в период с 1941 по 1944 годы, когда город находился в блокаде.

Пока есть живые свидетели тех событий, надо на основе их показаний и документов создавать такую выставку. Стоит подчеркнуть, что это необходимо для тысяч и тысяч гостей и туристов из разных стран, которые посещают Шушу, но в первую очередь это нужно нам. Мир должен знать Шушу не только как культурный центр, но и как город мужества и стойкости, проявленный его жителями в годы блокады в 1988-1992 годы.

Автор готов предоставить организаторам выставки все имеющиеся материалы по данной теме.

НАРМИНА МАМЕДБЕЙЛИ

Сорок четыре дня

Целый месяц ракетного звона,
Не обняться никак с тишиной.
Снова бьет пулемет из заслона,
В мире это зовется Войной!

В небе грозно кружат Байрактары,
Сонм врагов истребляя на нет.
Не дарили мы землю в подарок,
Боль Шуши в нас жила 30 лет.

Целый месяц, ни много, ни мало,
Мы кольцом окружали врага.
Зная, Родина наша устала
От армянского сапога.

Это мы – молодые солдаты,
Как один, присягнули стране.
Тридцать лет...

Наступил день расплаты!
Карабах вновь пылает в огне...

Целых сорок четыре мгновенья
Дни и ночи, без сна, напролёт...
Но в победе у нас нет сомненья,
Эту веру Ильхам нам дает!

Джабраил, Зангелан снова слышат
Скрежет танков среди бела дня.
Прочь враги, прячьтесь в норы, как мыши!
Флаг Отчизны солдат наш поднял!

Физули, Губадлы – проснулись,
Вновь к молитве взывает азан.
Мы в Шушу, в Карабах наш вернулись!
Тридцать лет нас ждала Натаван!

И в Агдам, там, где камня на камне
Не оставил заклятый наш враг,
В город-призрак вошли мы рядами,
Водрузив свой трёхцветный флаг.

Пядь земли – это высшая сила:
Муровдаг, Кяльбаджар и Агдам.
Мы Лачин и Шушу не простили,
Путь Гейдара продолжил Ильхам.

Верховному Главнокомандующему

**Избранник народа, любимец сердец,
Вы – Лидер, за кем мы пойдем без оглядки.
Страну в ваши руки доверил отец,
Теперь наша Родина в полном порядке!**

**Все это «Сегодня»... но помним «Вчера»...
Боль прожитых лет до сих пор не остыла,
Вы знали, однажды наступит пора,
Вернуться в свой дом, где веками мы жили.**

**Вы помнили все! Тот морозный Февраль,
И кровь на снегу неповинных шехидов,
Та ночь в Ходжалы закалила в вас сталь,
Виновных отныне пусть судит Фемида!**

**Сентябрь, как гром среди ясного дня –
Надежда и ярость сплелись воедино!
Желание – Флаг в Карабахе поднять,
И только вперед, все в порыве едином!**

**Мы помним решимость и волю в глазах,
Железный кулак, нас сплотивший вовеки.
Настала пора возвращать Карабах –
Заждались нас горы, равнины и реки!**

**Заждалась земля наших дедов, отцов,
Терпенью конец, и врагам нет прощенья!
И армия юных, отважных бойцов
По вашему слову идет в наступленье!**

**И вот мы вернулись спустя 30 лет
В родной Карабах, где прошло наше детство...
Врагам, наконец, дан достойный ответ,
Железный кулак посадил их на место!**

**Теперь лишь Победа у нас на устах,
Родной Триколор гордо реет повсюду!
Все мифы врагов уничтожены в прах,
Они нас отныне вовек не забудут.**

**Вы шли впереди, а за вами – народ,
Боролись, сражались и не отступали,
Весь пройденный путь – каждый прожитый год –
К победе желанной вы нас приближали.**

**Достоинство, честь выше всяких наград,
Вам качества эти присущи с рождения.
Наставник, Учитель, Отец, Муж и Брат,
За вами сегодня идет поколение!**

ДЖОШГУН ХАЛИЛОГЛУ

РАССКАЗЫ

Муки совести

В парке я часто встречаю пожилого мужчину, который кормит голубей. Да, здесь можно увидеть, как разные люди крошат птицам хлеб, сыпят зерно. Но мне кажется, что никто не относится к птицам с той же любовью и лаской, как этот человек. Он словно разговаривает с голубями и беспокоится о них, как о своих родных. Несколько раз я внимательно наблюдал за ним вблизи и хотел завести речь. Но всё не решался, считая, что это его заденет или он мне нагрубит.

Однажды вечером после работы я снова встретил его:

– Здравствуйте, дядя.

– Привет.

– Как вы?

– Я в порядке, сынок. Как ты?

– Спасибо, дядя.

Его лицо просветлело. Его улыбающийся взгляд придал мне смелости.

– Вы часто сюда приходите?

– Да, прихожу минимум четыре раза в неделю. Если не прихожу три дня подряд, мои голуби начинают относиться ко мне иначе. Будто говорят:

– Где ты пропадал? Разве это дружба?

– Признаюсь, я, как и многие другие, люблю этих красивых птиц. Иногда и я посыпаю им зерна. Но вы относитесь к голубям совсем иначе.

Он улыбнулся, но на его лице читалась тоска.

– Это долгий разговор, и он займет время.

– Время у меня есть, я с удовольствием вас выслушаю.

– В ту пору мы жили в деревне. Наше село располагалось на левом берегу Куры, почти в каждом доме нашего благодатного села держали голубей. И у нас были голуби. Каждое утро отец и мать навещали к голубям, выпускали их из сарая, сыпали зерна и давали воды. Отец в выходные давал им полетать, наши глаза обращались к небу, иногда соседские голуби присоединялись к нашим и летали вместе.

Я с детства знала, что голуби – птицы мира. Эти нежные, красивые птицы были источником радости для нашей семьи.

Мой отец работал электриком, мама – медсестрой.

Когда я учился в третьем классе, моего отца ударило током, когда он чинил оборванную линию электропередачи. В нашем доме случилась трагедия. Все собралось у нас. Моя мать кричала как безумная, рвала на себе волосы и царапала себе лицо. Мои тети никак не могли ее успокоить. После похорон отца мать заболела. Она замкнулась, перестала есть, только и делала, что плакала.

Однажды дядя рассердился на нее:

– Хватит убиваться, подумай о сыне, если ты умрешь, кто о нем позаботится, он тоже погибнет.

Мама приходила в себя очень долго. Она заботилась обо мне пуще прежнего, каждый день интересовалась моей учебой, короче, оберегала от всяческих напастей. И, как и раньше, не забывала поить и кормить наших голубей.

Однажды рано утром мама была возле голубей, до меня доносился ее голос. Мама разговаривала с голубями:

– Передайте ему, что у нас все хорошо, пусть не беспокоится за нас. Передайте еще, что Вафа так скучает по тебе... Что она готова сию же секунду побежать за тобой. Но я не могу пойти из-за Асифа. Ведь он еще ребенок, крылья у него некрепшие, летать он не может.

Тут моя мать, казалось, заметила меня и осеклась.

Я окончил восьмой класс. Во время летних каникул двоюродный брат моей матери Сахават взял меня помогать ему в его ресторане на берегу Куры. По вечерам сюда приходило много гостей. Гостями были ответственные работники района, сотрудники прокуратуры, РОВД, бизнесмены. Дядя Сахават был опытным человеком, окончив торгово-технический техникум, он некоторое время работал в Баку. Он хорошо разбирался в ресторанном бизнесе. Он собрал у себя умелую деревенскую молодежь. Клиентов с каждым днем становилось все больше. На первый взгляд, работа официанта в ресторане казалась легкой, но случались и трудности. Я потихоньку осваивал тонкости работы. Дядя Сахават был мной доволен. Он платил мне дневную зарплату, а я отдавал заработок матери.

Ресторан – интересное место... Еще месяц назад я застенчиво подходил к клиентам, а теперь встречал их с улыбкой и сладкими речами. Большинство гостей уже хотели, чтобы их обслуживал только я. Заметив это, дядя Сахават стал относиться ко мне лучше и теплее. Однажды один из чиновников района пришел в ресторан со своими друзьями из Баку. Когда приходили такие гости, всё контролировал сам дядя Сахават, не желая упустить что-либо из своего внимания. Чего только не было на столе... от холодных закусок до шашлыков из баранины, рыбы, индейки. Всевозможные фрукты, дорогая водка, коньяки... Гости ели, пили, смеялись, громко разговаривали и шутили. Вдруг сидевший во главе стола гость подозвал к себе дядю Сахавата, прошептал ему что-то на ухо и положил деньги ему в карман. Дядя Сахават засмеялся со словами «Будет сделано!», быстро отошел от стола и подозвал меня.

– Я дам тебе сто манатов. Найди и принеси десять голубей. Наши гости хотят шашлык из голубятины.

Сто манатов – немалые деньги. Мне приходится работать минимум десять дней, чтобы заработать их. Один голубь стоит 2-3 маната. А у нас во дворе ровно десять голубей.

– Ладно.

– Иди с Каримом, но поторопитесь.

Когда мы вошли в наш двор, свет был выключен, наверное, мама спала. Мы быстро вошли в сарай, в мгновение ока поймали птиц и положили их в большой мешок, который взяли с собой.

Гости остались очень довольны дядей Сахаватом. Только и расхваливали шашлык из голубятины...

Домой я пришел далеко за полночь, уснул, как только лег в кровать. Не помню, как долго я проспал. Я проснулся на голос матери. Она рыдала.

Я быстро встал, оделся и вышел во двор. Моя мать, продолжая плакать, молвила:

– Сынок, голуби пропали. Их выкрали, проведая, что ты вернешься поздно.

– Мерзавцы, воры... Я найду вас и всё растолкую, – ответил я, будто мне всё невдомек. – Мама, не плачь. Куплю голубей, у нас они будут опять, – сказал я, будто жалея маму.

Вдруг она перестала плакать:

– Сынок, я думала, ты вырос, всё понимаешь. Мне нужны голуби, оставшиеся от твоего отца, других птиц я не хочу.

Я будто только сейчас очнулся. Как будто в этот момент я понял, что Бог заставил меня пожалеть о своем поступке, совершенном прошлой ночью. Теперь я понимал, какую большую ошибку я допустил, какой грех совершил.

После голубей мама стала горевать, она тяжело заболела. Ей сейчас было так же тоскливо, как после смерти отца. Правда, через некоторое время она выздоровела, но здоровье было уже не то.

Прошли годы, мама женила меня. Но муки совести никогда не покидали меня. Как бы мне ни хотелось, я не мог осмелиться сказать матери правду.

Через некоторое время ресторан, где я работал, закрылся. Мы переехали в город, потому что в селе я не смог найти подходящей работы. Мы сняли дом, я работал. Постепенно наше финансовое положение улучшилось. Мы назвали моего новорожденного сына в честь моего отца. С рождением Васифа мама как будто ожила и повеселела. Достаток в доме также постепенно увеличивался. Через некоторое время я купил квартиру. Моя мама гордилась и нами, и своим внуком.

Но однажды пришел незванный, неожиданный гость и забрал маму.

Это извечный закон жизни: рожденный смертен. Но потерю матери ни с чем не сравнить.

Кажется, дядя Асиф сильно вспотел. Он достал платок, вытер лицо и продолжил беседу:

– Прошло сорок дней со дня смерти мамы. Мне приснился сон ночью. Моя мама была в белом платье.

– Сынок, ты, кажется, голубей не покормил. Глянь, как они мучаются. Дай им зерна, – сказала мама.

Я вскочил с постели. Три ночи подряд мама снилась мне в одном и том же платье, и каждый раз велела мне покормить голубей. На четвертый день я купил немного зерна и пришел в парк. Я посыпал голубям зерна и почувствовал некоторое облегчение. На следующее утро я снова пришел к голубям. Вот так с того дня я подружился с этими птицами. Даже сейчас я не могу их оставить. Я буду кормить этих голубей до самой своей смерти.

Мы долго просидели, и только теперь я заметил, что становится холоднее и начинает моросить дождь. Я словно оказался под чарами. Пришло время прощаться.

Ложь

*Посвящаю светлой памяти наших соотечественников,
без вести пропавших в Первой Карабахской войне.*

В Тюмень Джасарет отправился после службы в армии. Мать поначалу не соглашалась, сказала, утирая слезы:

– Оставайся здесь или иди работать в Баку. Сестре с братом нужна поддержка в твоём лице. Сегодня-завтра они окончат школу. Им нужен старший в семье. Да и легко ли жить в чужой стране? Ты и сам еще маленький ребенок.

– Мама! – сказал Джасарет, смеясь. – Я обещаю тебе, я буду работать, буду зарабатывать своим честным трудом и буду всячески вам помогать.

– Удачи, сынок. Да благословит тебя Бог, куда бы ты ни пошел, – молвила наконец мать.

Тетя Фарида, воспитывавшая своих детей одна, жила почти впроголодь. И при том не зная покоя... Лишь бы устроить детей в этой жизни. Она собирала хлопок, пряла шерсть, ткала ковры и продавала, сажала овощи и разводила кур. Она была тихой, кроткой, честной женщиной. Все в деревне ее уважали.

Ровно через год, когда сын вернулся в отпуск, мать, обнимая его, считала себя самой счастливой на свете. Джасарет купил ценные подарки и одежду для матери, братьев и сестер. Вдобавок дал денег матери. Когда мать получила деньги, она чуть в обморок не упала.

– Мама, я работаю на нефтяных вышках, – сказал Джасарет. – Мы бурим скважины для добычи нефти. Больше всех в Тюмени зарабатывают нефтяники. В следующий раз привезу больше. Там такое правило: с увеличением стажа и опыта растёт и зарплата.

– Сынок, да хранит тебя сам Бог, дай Бог тебе на хлеб насущный, – сказала мать, но не смогла скрыть слез.

Джасарет побыл некоторое время в деревне, встретился с родственниками и друзьями, соседями. Каждый день либо он ходил к своему однокласснику Нурулле, либо Нурулла приходил к ним. Молодые люди тесно подружились...

За два дня до того, как Джасарет должен был отправиться в Тюмень, у ворот послышался голос Нуруллы, он пришел со своим отцом. Гостям был предложен чай. Они долго беседовали. Наконец, отец Нуруллы Садулла перешел к делу:

– Джасарет, сынок, тьфу-тьфу не сглазить, вы с Нуруллой, как братья. Наверное, нелегко жить одному в чужой стране, среди другого народа. Может, ты возьмешь с собой брата – Нуруллу. Вы будете поддерживать и помогать друг другу. Скажи и своей матери, если она позволит...

По выражению лица Джасарета чувствовалось, что он рад:

– Я маме скажу, она даст разрешение. Но почему Нурулла сам мне этого не сказал? Ведь мы друзья.

– Вы больше, чем друзья, вы братья, – сказал Садулла. – Но такие дела должны быть благословлены взрослыми.

Джасарет позвонил маме и сказал, что Нурулла хочет поехать с ним в Тюмень, чтобы работать вместе.

– Ох, родненькие мои, как хорошо. Да не разлучит вас Бог. Да ниспошлет вам Бог хлеба насущного. В добрый путь, работайте, зарабатывайте на хлеб.

Садулла встал и обнял Джасарета.

Джасарет был очень счастлив в тот вечер. Поездка в Тюмень вместе с одноклассником и другом детства, совместная жизнь и работа окрыляли его. Через два дня друзья вместе улетели в Тюмень, а оттуда отправились в нефтяной город Нижневартовск. Джасарет устроил Нуруллу в буровую бригаду нефтяного управления, где работал, разместил его в общежитии и, более того, в свою комнату.

Дни сменялись неделями, недели месяцами. Друзья много работали, хорошо зарабатывали, удовлетворяли свои финансовые потребности и отправляли часть денег домой. Все шло очень хорошо. В свободное время они отдыхали, рассказывали о своих детских воспоминаниях, строили планы. Земельные претензии наших коварных и неблагодарных соседей, суматоха в стране, лицемерная политика советской империи разрушили многие мечты, грезы и надежды. Наши соотечественники, проживающие за границей, как и граждане Азербайджана, не могли смириться с оккупацией наших святых земель, сел и городов безродными армянскими фашистами при поддержке своих хозяев. Друзья каждый день держали связь с Азербайджаном, с тревогой следили за новостями центральной прессы и телевидения. Сначала они верили, что Москва примет справедливое решение, но кровавая январская трагедия, учиненная советской империей в Баку, разрушила эту веру. Хаос, смятение, пролитие крови невинных людей, ежедневная мученическая смерть наших соотечественников, изо дня в день растущее зверство врага выводили Джасарета из терпения и угнетали его. Ему было больно оттого, что он вдали от Азербайджана.

Однажды Джасарет сказал Нурулле:

– Довольно, брат. Я возвращаюсь в Азербайджан. Нужны кадры для усиления нашей вновь сформированной армии. Я умею метко стрелять из автомата и пулемета. Это трудный день для нашей родины, она нуждается в нас, как мать в своем сыне.

– Да что ты говоришь? Бросить всё и поставить точку? К тому же война идет далеко от нас.

- От нас, то есть от кого?
- Я говорю о нашей деревне.

Джасарет не мог сдержаться:

– Как тебе не стыдно. Я не ожидал от тебя такого ответа. Разве каждое оккупированное село, деревня, поселение, гора и долина не наши? Разве шехиды – не наши братья и сестры? Как знаешь, счастливо оставаться. Я возвращаюсь в Азербайджан завтра же утром.

Тетя Фарида была сбита с толку внезапным и неожиданным возвращением сына. Она сначала не поверила своим глазам, потом пришла в себя и обняла сына:

– Сыночек, родненький, как хорошо, что ты вернулся... Но почему ты меня не предупредил?

Джасарет промолчал, отвернулся в сторону и ничего не ответил. После еды Джасарет собрался и изложил цель своего визита. Мать, утирая слезы, сказала:

– Мой умный сыночек, ты настоящий мужчина, ты сын своего отца. Он был таким же патриотом, как и ты. Если я скажу: не иди на войну, можешь погибнуть, ты меня отговоришь тысячью способов. Раз хочешь пойти, да благословит тебя Бог. Скоро вы изгоните неверных из нашей страны и вернетесь с победой. Пусть Бог обломает врагам крылья, пусть не осуществляются их замыслы.

Темой свежих слухов в селе стало то, что Джасарет вернулся на родину в ее трудный день, а Нурулла остался в Тюмени. Все восхваляли Джасарета и благодарили покойного Сахавета. Но ни один человек не сказал о Нурулле доброго слова.

Услышав новость о том, что Джасарет добровольно пошел в армию и отправился прямо в зону боевых действий, Садулла забеспокоился. Хоть он и оправдывал поступок своего сына, всё же побаивался порицания односельчан. Поэтому, беседуя с Нуруллой по телефону, говорил нехотя:

– Тебе тоже стоило вернуться... Раз уехали вместе, вместе надо было и возвращаться. Я даже не могу выйти на люди, потому что мне стыдно.

Садулла поклялся отцу, что у него простуда, а врач сказал, что у него серьезные проблемы с легкими и что ему следует подождать минимум два года.

Отец хотел верить сыну, хотя и не мог отличить, правдивы ли его слова.

Джасарет быстро завоевал уважение однополчан. Он отличался честностью и добротой, помимо того, что был высоким, стройным и гибким. Всё в нем было естественно. Он также хорошо разбирался в оружии и при необходимости отвечал на вопросы своих друзей и всё им растолковывал.

Воинское соединение, куда входил Джасарет, вступило с врагом в ряд боев, заставило его истекать кровью и освободило несколько наших населенных пунктов. Статьи об этом даже публиковались в газетах того времени. Мать слышала эти новости, гордилась сыном, день и ночь молила Бога, чтобы война скорее закончилась и Джасарет вернулся невредимым. Время от времени она получала весточки от сына и утешалась этим. Но спустя некоторое время достоверные новости от Джасарета перестали приходить. Мать очень тосковала, ей приходили в голову тысячи мыслей, она никак не могла найти покоя. Каждый день приходили недостоверные новости. То говорили, что он погиб вместе с шестью боевыми товарищами при выполнении боевого задания, а их трупы забрали враги, то сообщали, что армяне окружили их, захватили, а затем извлекли внутренние органы и продали. Мать с горем переносила услышанные новости, но не теряла надежды ни на мгновение. О Джасарете не было слышно уже несколько месяцев. Нурулла тоже это знал и строил какие-то коварные планы. Однажды, разговаривая с отцом по телефону, Нурулла сказал:

– Отец, я тебе кое-что скажу. Но никому не говори, пусть это остается между нами. Так или иначе, мы с Джасаретом дружили, делили хлеб. Джасарет приходил на днях. Он взял свои вещи и ушел. Он сказал: «Нурулла, мне надоело, я бежал и спас свою жизнь. Но никто не должен знать, что я приходил сюда».

– Ты что, спятил, слышат ли твои уши то, что говорит твой рот?

– Не веришь? Как хочешь. Но еще раз повторяю, никто не должен знать эту новость.

Поговорив с сыном, Садулла погрузился в тяжкие думы. К вечеру он раскрыл «тайну» своей жене Гюльнисе и велел, чтобы эту новость никто не узнал.

Не прошло и трех дней, как сначала болтовня женщин, затем разговоры мужчин в чайхане «подтвердили», что добровольно отправившийся на фронт Отважный Джасарет, которым гордились все, на самом деле – дезертир Трусливый Джасарет.

Когда новость дошла до тети Фариды, она не смогла сдержаться:

– Если Джасарет – сын Сахавета, если он пил молоко из моей груди, он никогда не станет дезертиром. А тех, кто распустил эту новость, пусть судит Бог.

Прошли годы. Резолюции международных организаций, ООН, ОБСЕ и ложные обещания ведущих государств Запада не способствовали какому-либо прогрессу в справедливом урегулировании карабахского вопроса. Хотя было объявлено о прекращении огня, другая сторона периодически нарушала стабильность, искала момент, чтобы задокументировать проблему в свою пользу.

Наконец, 27 сентября 2020 года началась Отечественная война за свободу наших земель. В результате решительного наступления нашей армии под руководством Верховного Главнокомандующего наш народ одержал Великую победу, и враг был разгромлен. Наши земли были освобождены от оккупации, наши Шуша, Лачин, Кельбаджар и ряд других городов и сел вернулись к своим исконным владельцам.

Наш народ был охвачен гордостью. Тётя Фариды тоже радовалась, она верила, что после Великой победы появятся точные сведения о Джасарете. Самым большим желанием матери было узнать правду о своем сыне, какой бы та ни была. Некоторое время назад у матери был взят анализ ДНК, но новостей пока не поступало.

Однажды рано утром в ворота постучались:

– Тётя Фариды, тётя Фариды!

Это были двое в военной форме и представитель исполкома села Талех муаллим.

– Тётя, крепитесь. Скоро принесут Джасарета. По останкам тела установлена личность нашего шехида, героически погибшего при защите наших земель. Мы похороним его на деревенском кладбище.

Тётя Фариды крепко обняла малыша своего второго сына Махарата:

– Я всегда сохраняла спокойствие, – слезы матери лились рекой. – Я долго ждала этого дня. Я горжусь тем, что мой сын – герой, шехид, а не дезертир. Да буду я жертвой своему сыну, погибшему за родину.

Состоялась торжественная церемония похорон шехида Джасарета. В церемонии приняли участие высокопоставленные офицеры Министерства обороны, главы района, жители села. Выступавшие заявили, что такие сыны, как Джасарет, отказавшиеся от своей комфортной жизни и отправившиеся на войну в трудный для Родины день, погибшие за целостность нашей земли, не умерли, а поселились в наших сердцах, где станут жить вечно.

Трехцветный флаг Азербайджана на гробе был вручен тете Фариде. Мать с большой любовью поцеловала флаг, приложила к лицу и глазам. Она словно чувствовала запах и дыхание своего сына. Она гордо взглянула на всех собравшихся, но ничего не сказала. Чего только нельзя было прочитать в ее взгляде и молчании...

В тот день казалось, что деревня стала светлее, обновилась, как будто люди стали дружелюбнее. Своей храброй мученической кончиной Джасарет возвысил славу родного села. Люди стремились выразить свое почтение тете Фариде, а некоторым даже было стыдно за то, что они поверили ложной информации, распространяемой о Джасарете.

На следующее утро в деревне случился переполох:

– Садулла упал и умер возле могилы Джасарета на кладбище...

Все переполошились. Заключение врача оказалось следующим:

– Он испытал сильное чувство страха и волнения и умер от сердечного приступа.

Натиг поговорил со своим старшим братом Нуруллой, который оставался в Тюмени, и сообщил ему весть о смерти отца.

Жители деревни похоронили Садуллу около полудня. После похорон Натиг и родственники начали готовиться к поминкам по покойному.

Около 5 часов вечера Натигу позвонили. В трубке послышался заплаканный голос жены Нуруллы:

– Брат, у нас беда, горе нам. Сердце Нуруллы не выдержало. Выходя из дома, он потерял сознание на пороге. Пришел врач, осмотрел его и сказал, что он скончался...

Рыдания в телефоне становились все громче.

Фотография

Мы были на свадьбе сына одного моего друга. Мне хотелось выйти в вестибюль свадебного зала и поговорить по телефону. Я увидел, как фотограф, который раз десять подходил к нашему столу и чуть ли не насильно пытался нас сфотографировать, спорил с одним человеком.

– Ей-богу, у меня в кармане 3 маната, 1 манат отдам на автобус, остается 2 маната.

– Ай, киши, цена фотографии – 3 маната, раз у тебя нет денег, не стоило фотографироваться.

– Я думал, это свадьба моего друга, пусть фото останется на память. А еще я думал, что ты снимаешь фото за 2 маната.

– На память тебе останется разорванная фотография, – фотограф со злостью разорвал фотографию пополам, а затем искрошил разорванные части на мелкие клочки.

Мужчина покраснел от стыда, чуть не заплакал. Но ничего не сказал.

От вида этого худощавого, поникшего мужчины лет сорока у меня защемило сердце. Память напомнила случай, произошедший со мной в детстве.

Поскольку в нашем селе, расположенном далеко от райцентра, не было фотографа, жители, особенно учителя и ученики, с нетерпением ждали Мусаиба, который приезжал раз в месяц или раз в два месяца. Мусаиб снимал одну фотографию стандартного размера за 1 манат. Некоторые заказывали три фотографии, некоторые – пять. А состоятельные жители деревни приглашали его к себе домой и фотографировались с семьей, сколько душе угодно.

Я никогда не фотографировался. У меня не водилось денег, вот я и отговаривался тем, что мне это не нравится.

Бандалы, старший сын Фарзали, работающего бухгалтером в коммунхозе, занялся фотографией, что ослабило монополию Мусаиба, хотя и не настолько, чтоб оставить его без хлеба. Дело было в том, что Бандалы снимал одну фотографию всего за 50 копеек. Правда, фото выходили немного блеклые, бумага оказывалась неяркая. Но преимущество состояло в том, что снимок не приходилось ждать пятнадцать дней, он отдавал его вам максимум за три дня.

Это был выходной. Мы играли в саду на окраине Куры. Внезапно появился Бандалы с камерой через плечо. Дети окружили его и стали фотографироваться один за другим. Я тоже воодушевился и сфотографировался.

В следующее воскресенье Бандалы снова пришел в этот сад, чтобы раздать фотографии. Дети отдавали деньги и забирали свои снимки. Настала моя очередь, у

меня в кармане должно было быть 50 копеек, две по двадцать копеек, одна десятикопеечная. Но я нашел всего 40 копеек, а 10 копеек не хватало. Судя по всему, она выпала у меня из кармана во время игры. Я передал Бандалы 40 копеек...

– Десять копеек потерял, – сказал я.

– Снимок стоит 50 копеек, врун. За 40 копеек иди купи сметаны и натри ею голову, – сказал он.

– Я возьму у отца 10 копеек и потом передам.

– Да пошел ты к черту, – так и сказал он и изорвал мой снимок в клочья.

Я не только смутился, но чуть не заплакал от гнева.

Через три дня после этого случая произошло странное событие. Между нашим двором и двором Бандалы протекал арык. Над арыком был установлен широкий и толстый деревянный мост длиной 5-6 метров, позволяющий переходить с одной стороны на другую. Переходя этот мост, пятилетний младший брат Бандалы Агасафар поскользнулся и упал в воду. Его семилетний брат Джахид, который находился рядом, тоже упал в воду, когда пытался помочь брату. Когда тонущие братья начали кричать, я, наверное, первым их услышал. Я быстро кинулся в арык. Мне тогда было одиннадцать лет, я был крепкого телосложения и хорошо плавал. Спаси братьев оказалось не так уж и сложно. Но дети очень перепугались. Я проводил их к матери. Мать была счастлива и возносила за меня молитвы.

Я не знаю, как эта новость распространилась на всю деревню, включая школу. Созвали собрание во время большой перемены. И директор, и наш классный руководитель так меня расхвалили, что... Даже благодарственную грамоту вручили. На встрече также присутствовал корреспондент газеты «Азербайджанский пионер», приехавший из Баку. Он тоже задал мне несколько вопросов и сфотографировал меня как отдельно, так и вместе с моими учителями.

Примерно через месяц почтальон принес нам специальный конверт. Внутри конверта было письмо, присланное мне редакцией, два экземпляра газеты и шесть фотографий. Я так обрадовался, когда увидел в газете обо мне статью под названием «Маленький спаситель»...

Когда на следующее утро я пошел в школу, все встречали меня доброжелательно и говорили о статье.

Странно, что после того, как Бандалы порвал мою фотографию, он перестал мне встречаться, хотя раньше мы сталкивались каждый день. Я ненавидел его. Однажды мы встретились с ним лицом к лицу.

Кажется, он осознал свою ошибку.

– Джейхун, дай, я тебя сфотографирую, мне не нужны деньги, – сказал он.

– Оставь себе. Не надо, – сказал я и отошел от него.

Я очнулся от воспоминаний. Мой взгляд упал на фотографа, который болтал с клиентами чуть поодаль. Я как будто снова видел Бандалы.

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Незабываемый урок

Я горжусь тем, что являюсь выпускником Азербайджанского института нефти и химии, старейшего высшего учебного заведения, которое сейчас называется Азербайджанским государственным университетом нефти и промышленности. В советское время этот храм науки и образования славился своими студентами не только на территории бывшего Советского Союза, но и во всем мире. Помимо заботы о повышении образования и уровня знаний студентов, руководство института периодически организовывало встречи будущих специалистов с известными деятелями науки, литературы, культуры и искусства нашей республики.

В 1981 году, накануне 70-летия со дня рождения Мирзы Ибрагимова, мне повезло стать участником встречи с ним в организованной со студентами в конференц-зале института, с великим писателем нашего народа, выдающимся государственным и общественным деятелем. Большой и великолепный зал заседаний был заполнен до отказа. На встречу с известным и талантливым поэтом Тофигом Байрамом пришел народный писатель. Встречу открыл Герой Социалистического Труда, ректор Азербайджанского института нефти и химии, академик Исмаил Ибрагимов. Поприветствовав высокого гостя, он дал участникам встречи краткую информацию о жизни и творчестве писателя-мыслителя, прожившего богатую и бурную жизнь.

Уже тогда всемирно известный ученый, академик Азад Мирзаджанзаде, внесший большой вклад в нефтяную науку своими огромными научными открытиями, говорил о художественных достоинствах произведений М.Ибрагимова, а также о его плодотворной деятельности как драматурга и прозаика, как профессиональный критик. А.Мирзаджанзаде удивил мудрого владельца пера и участников встречи, показав редкие фотографии, сделанные во время исполнения произведений писателя на сценах театра, хранящиеся в его личном архиве. Могучий мастер слова, в свою очередь, поблагодарил Азада Халиловича и с гордостью отметил, что у его произведений такой внимательный, высокоинтеллектуальный зритель и читатель. Могучий человек слова, Мирза Ибрагимов отмечал, что открыл в педагоге Азаде Халиловиче одного из лучших критиков нашей литературы.

Поэт Тофиг Байрам выступил с речью и тепло рассказал о больших заслугах Мирзы Ибрагимова в азербайджанской литературе. В своем примере он подчеркнул заботу и внимание народного писателя к молодому поколению, только что вошедшему в литературу, и сравнил его с горным орлом, который берет свое потомство под свои гордые крылья. Он прочитал прекрасное стихотворение, которое с большой любовью посвятил своему учителю и которое было встречено аплодисментами читателей, с его неповторимой интонацией и любовью.

Тогда слово было предоставлено живому классику. Драматург Мирза Ибрагимов вышел на трибуну. Боже, каким простым был человек...

Хотя прошло уже много времени, его светлое лицо все еще перед моими глазами, а его добрый, сладкий голос – в моих ушах. Его детские годы были очень тяжелыми и трудными. Мирза Ибрагимов, очень рано потерявший обоих родителей, стойко переносил все трудности, никогда не падал духом, работал не покладая рук, учился и работал, преодолевая тысячу лишений, и видел все стороны жизни. Иногда на его пути попадались хорошие люди, а иногда он встречал плохих. Несмотря на это, его сердце всегда билось добротой, он всегда старался быть полезным людям. Этот человек, обладающий большим талантом и чрезвычайно трудолюбивый, несмотря на работу на различных государственных должностях, и его работа всегда была интенсивной и напряженной, он писал и творил для людей с большим вдохновением. Он оказал беспрецедентные услуги в деле сохранения и развития азербайджанского языка как государственного.

Обращаясь к молодежи, М.Ибрагимов призвал нас хорошо учиться, чтить имя родного Азербайджана, любить свой язык, отличаться добрыми делами, всегда читать художественную литературу и стать настоящими специалистами в выбранной нами профессии.

Прошли годы. Знания, которые мы получили от наших учителей в высшей школе, помогли нам на жизненном пути. Мне кажется, хоть у меня и нет ни фотографий, ни документов встречи с Мирзой Ибрагимовым, произведения которого мы всегда читаем с любовью, та встреча – один из самых лучших и запоминающихся уроков в моей жизни.

Перевод Эльчина КЯЗИМОВА

ЛЯМАН БАГИРОВА

ЭССЕ

Соната жизни

Прелюдия

Дождь, дождь, дождь. Смачно шлепающий по асфальту, чавкающий, шаркающий. Дождь бакинской зимы. В Баку редко выпадает снег, его заменяет долгий серый дождь.

Среда 11 декабря 1990 года рыдала дождем с ночи. Отвесный ночной поток сменился хмурым утром и холодной плотной моросью. В такие дни даже в окно глядеть не хочется, не то что выходить на улицу.

Однако выйти пришлось. Отсидеть нудные пары в институте, с тоской вспоминая, что дома пахнет ванильным пирогом, свежесваренным чаем, а мама разучивает Восьмую фортепианную сонату Бетховена.

А еще обратная дорога. И снова выходить из помещения под дождь. В жилом доме напротив института зажглись окна. Свет их был теплым, утешающим, и от этого стало еще тоскливее. Кто-то нежится в теплом доме, укутавшись в плед, а кто-то в холодной аудитории слушает бубнеж про инфинитивы и предикаты и думает, что до дома с ванильным пирогом осталось еще полтора часа хлюпающей, чавкающей, сумеречной и мокрой бакинской зимы.

И вот долгожданный звонок. Домо-о-ой!

Легко сказать! Дождь наяривал с неба, как бравый пожарник из брандспойта.

Пробежав половину пути до метро, я поняла, что рискую промокнуть насквозь. Дождь хлынул сильнее, хотя казалось, куда уж больше. Возвращаться в институт не имело смысла, и я, недолго думая, юркнула в низенькую коричневую дверь с тусклой надписью «Филиал районной библиотеки»...

Этого крохотного одноэтажного здания, затерянного в бесконечных городских тупиках, давно нет. Оно так и осталось в моей памяти: малюсенькое, больше похожее на бакалейную лавку, чем на храм знания, с невысокими полками книг, полутемным, почти всегда пустым читальным залом и сонной библиотекаршей за стойкой. Крупная, молодая женщина в цыганской шали на плечах и очень яркими полными губами – она была живым воплощением невозмутимости. Глядя на нее, на ум приходили симоновские строчки: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла».

Но в этот день ее олимпийское спокойствие было чуть поколеблено. Кинув на меня взгляд тяжелых серых глаз, она указала мне на кресло возле печки.

О! Настоящая голландская печь с желтоватыми кафельными изразцами – тепло, жар, оплот дореволюционного уюта и доброго покоя! У каких несчастных экспроприировали этот дом после революции, каким чудом он уцелел и остался невредимым в эпоху разных перемен, и когда в нем открыли филиал какой-то библиотеки, я не знала. Да, честно говоря, меня это мало интересовало. Больше меня занимала печь. К ее жаркому кафельному боку я сейчас прислонюсь, и от моей мокрой одежды повалит пар, а по телу разольется блаженное тепло! Сонная богиня Невозмутимости – ты чудо! Дремли дальше за своей стойкой, а я не отдам свое место у печки! Только позвоню домой, что немного припозднюсь, благо, городской телефон тут же на стойке, а добрая богиня Невозмутимости не откажет мне в звонке.

В этот день я добралась домой позже обычного. Не хотелось покидать облезлое коричневое кресло у печки. Огонь в ней гудел мерно и весело, порой вспыхивая золотыми искрами. От него невозможно было отвести взгляд. Ну, как известно, бесконечно можно смотреть только на огонь, воду и еще на что-то по желанию и настроению. Но в этот день у меня было только три желания – согреться, переждать дождь и добраться до дому. Машинально я протянула руку к полке, взяла книгу наугад. Куприн. «Суламифь»... «Положи мя, яко печать, на сердце твоём, яко печать, на мышце твоей: зане крепка, яко смерть, любовь, жестока, яко смерть, ревность: стрелы ея стрелы огненные». Знакомые слова обрели новый смысл, огонь ловил их звучание и откликался россыпью золотых искр.

Богиня Невозмутимости в цыганской шали так и дремала за стойкой. Я была единственным посетителем ее царства в этот хмурый день. Часы на противоположной стене медленно и нежно прозвенели шесть вечера. Через час библиотека закрывалась.

Странное чувство охватило меня. Показалось, что пространство читального зала расширилось, стены подались вглубь. Отовсюду на меня смотрели удивительные фигуры, неземные, волшебные пейзажи. Зал качнулся, словно палуба корабля, и в гудении печи мне явственно послышался рокот моря, словно к уху приложили раковину, и в розовом ее раструбе глухо заплескались волны.

Богиня Невозмутимости заметила мое недоумение, и реплика ее была божеественно-краткой:

– Это картины Чюрлёниса. Моего любимого художника. Развесила здесь репродукции. Вам не нравится?

Мне показалось, что она исчерпала свой запас многословия. Вымолвив эти четыре фразы, она вновь сомкнула яркие губы и устремила на меня взгляд тяжелых глаз.

– Нравится, – пробормотала я. – Он еще и музыкантом был, кажется?

Она усмехнулась:

– Был.

И снова умолкла. Было слышно, как с точностью метронома шумел в водосточной трубе дождь: «Гурк-гуульк, гурк-гуульк». Раскрытый том Куприна лежал в кресле, и розовый отсвет огня ложился на желтые страницы. Часы пробили половину седьмого.

– Думаю, не стоит больше никого ждать. В такую погоду хозяин собаку на улицу не выгонит. Я буду собираться. Вам открыть карточку, возьмете книгу на дом?

– Нет. Куприна я читала. Если можно, что-нибудь о Чюрлёнисе, – голос мой звучал уверенно, и это было удивительно мне. Несколько минут назад ни о каком Чюрлёнисе я и не думала.

Она не улыбнулась, ни один мускул на ее лице не дрогнул, только чуть потеплел взгляд. На мгновение, не больше. И глаза вновь стали тяжелыми.

Молча вынесла она из фонда большой альбом с репродукциями. На темно-серой картонной обложке был графический портрет молодого мужчины с взъерошенными волосами и прозрачными глазами. Позже я узнала, что это был самый известный портрет Чюрлёниса.

– Не замочите, – ее слова словно упали в вечернюю морось и растворились в тумане. Вскоре в нем исчезла и она сама – большая, укутанная шалью, похожая на матрешку.

– Что это? – мама кивнула на альбом. Капли все же попали на него и оставили темные следы. – Так у нас же есть! Он самый! – воскликнула она и быстро вышла из прихожей. – Вот, – протянула она мне точно такой же альбом, только в черной обложке. Бабушка привезла, когда была в Друскининкае, на конференции. Друскининкай – родина Чюрлёниса. Там его дом-музей.

– А почему ты мне никогда не показывала этот альбом? – удивилась я.

– Так ты и не спрашивала. А что случилось, что ты притащила этот домой?

Я рассказала, как было дело.

– Этой библиотеки я не знаю. Но, видно, работница в ней грамотная. Чюрлёнис – не слишком известен здесь. А она знает. Ужинать будешь?

Об ужине я забыла. Каждая репродукция, что из черного, что из серого альбомов оставляла впечатление мерцающего жемчуга. Таков был колорит его картин – мягкий, щемящий. Как отголосок далекого эха: «Помните, помните. Мы были, мы оставили вам нашу грустную нежность, наши мечты и надежды, не забывайте, помните о нас».

– А знаешь, – прервала мои мысли мама, – его картины называли цветовой музыкой или музыкальной живописью. Он ведь по профессии музыкант, композитор и педагог. А живопись была увлечением, но получилось так, что картины его известны больше, чем музыка. Может, – она задумчиво поднесла к глазам одну из репродукций, – он искал в живописи то, чего не мог найти в музыке, и в то же время словно хотел загладить свою вину перед нею: называл картины музыкальными терминами: «Соната моря», «Соната солнца», «Анданте», «Аллегро», «Скерцо».

Станный, зыбкий, переливающийся неяркими красками смотрел на меня с картин мир Чюрлёниса. Словно из неведомых морских глубин возникал удивительный город, нет, целый мир, прекрасный и хрупкий, цельный и готовый распасться в одно мгновение.

– Помнишь? – мама протянула мне репродукцию, что держала в руках. – Ты маленькой очень любила эту картину. Без нее не засыпала. Как спать – так ты сразу просишь: «Яскази про двух коалей».

Конечно, я помнила картину «Сказка королей». Только в те очень юные годы даже не подозревала, что написал ее человек с мудреной фамилией Чюрлёнис. Для меня она была иллюстрацией к какой-то чудесной сказке, где два короля – старый и молодой – держат в руках прозрачное солнце, сквозь которое открывается проселочная дорога с деревьями и простой крестьянской повозкой. Мне казалось, что именно такими и должны быть короли – сильными, мудрыми, добрыми и понимающими, что счастье и солнце жизни – в самых простых вещах.

– Его некоторые считали колдуном, – продолжала мама. – Все потому, что глаза его меняли цвет. Когда он музицировал, они были ярко-голубые, а когда рисовал – зелеными. Скорее всего, никакого колдовства тут не было, просто цвет глаз был переливчатым – цвета морской волны, вот и вспыхивал в зависимости от того, как падал свет – то голубым, то зеленым. Но людям хочется верить в фантазии.

А вот то, что совсем не фантазия, – то, что была у Чюрлёниса особенная привычка. Придя домой с жалованьем, он высоко подкидывал пригоршню мелочи, монеты рассыпались по полу и закатывались в щели. Когда у него спрашивали, зачем он так делает, он смеялся, как ребенок, и говорил, что на удачу, и что эти монеты очень выручают его в конце месяца, когда денег не хватает до получки. Тогда и приходят на помощь монетки, закатившиеся в щели.

В тот вечер мы забыли не только об ужине, но даже о ванильном пироге. Дождь прекратился, но по оконным стеклам еще струилась вода, и темень за окном была похожа на фантастическое животное-скалу из картины Чюрлёниса «Покой». Из глаз животного, словно слезы, струился свет, и мне подумалось: все было не случайно в этот день. И дождь, и полузатерянная библиотека с голландской печью, и невозмутимая библиотекарша, властно напомнившая мне о Чюрлёнисе, и даже Куприн с его «Суламифью», ибо: «Зане крепка, яко смерть, любовь».

Чюрлёнис тоже был любовью. Полузабытой, давней, как «Сказка королей», как монеты, закатившиеся в щели пола. И вновь обретенной.

Часть 1-я. «Положи мя, яко печать, на сердце твоём...»

Он родился в 1975 году близ местечка Варене, но вся жизнь его была связана с Друскининкаем. Отец его был органистом в местном костеле. Он и стал первым учителем музыки маленького Кастукаса. Маленький деревянный дом, напоенный ароматом сухих трав, был всегда полон звуков рояля, полон гармонией, песнями, звонкими детскими голосами. Здесь жили люди с щедрыми сердцами, открытые радости и не перестающие восхищаться жизнью. В комнате со старинной мебелью, фикусом в кадке и кафельной белой печью он впервые начал сочинять музыку. Отсюда на деревенской повозке уехал в Варшавскую консерваторию, а дом еще долго поблескивал ему вслед частыми переплетами окон и отзывался скрипом блестящих половиц. Вернется ли милый Кастукас?..

Он вернулся уже возмужавшим, окончившим не только Варшавскую, но и Лейпцигскую консерваторию, и звали его уже солидно – Микалоюсом Константинасом Чюрлёнисом. Впрочем, до 1955 года была известна только русская форма имени – Николай Константинович Чюрлёнис. Литовский язык для него так и остался языком раннего детства. Все свои дневники и письма Чюрлёнис до конца жизни писал по-польски. И говорил тоже на польском.

И все-таки каждое лето он возвращался в отчий край, милый сердцу Друскининкай. И часто повторял строчки Мицкевича, просто и прекрасно выразившие любовь к Родине: *«Отчизна милая, Литва, ты как здоровье: Тот дорожит тобой как собственной кровью, кто потерял тебя!»*

Чюрлёнис был живой, сердечный и открытый человек, любивший делиться своими впечатлениями. Общаясь с людьми, вёл себя скромно и не старался выделиться. Он интересовался всем. Достаточно взглянуть на книжную полку в его доме-музее: Горький, Дарвин, Мицкевич, Коран, Кант, Библия, всеобщая история, история искусств, основы астрономии, труды по психологии. Он умел жить, широко раскрыв глаза на все, что прекрасно.

«Если бы ты, братец, знал, как замечательно у нас дома. Пахнет маминым ванильным пирогом, сестра собирает полевые цветы и расставляет их в вазы. Везде господствует какая-то удивительная гармония, которую ничто не в состоянии нарушить. Все окружающее согласовано как красивое сочетание красок, как прекрасно звучащий аккорд», писал он в письме брату.

Творчество Чюрлёниса питали истоки, неяркие краски и протяжные песни родной земли. Вдали от Родины, в Варшаве, он создал первый литовский хор народной песни. Он первым из композиторов литовцев написал симфоническую музыку. В ней было все: серое Балтийское море, белый песок, нежаркое солнце, косые дожди, шум прибалтийских сосен и янтарные их слезы. Было все, что дорого его сердцу.

«Хотелось бы, чтобы ты услышал мою поэму «В лесу», – писал он брату. – Она начинается тихими широкими аккордами. Такими тихими и широкими, как кроны наших литовских сосен».

Он жил трудно, напряженно работал, сильно нуждался, постоянно помогал большой семье родственников. Сдавало здоровье.

Друзья помогли ему уехать к Черному морю. Среди ярких красок юга вдохновение вновь нахлынуло на него. Желание запечатлеть окружающий мир во всем его многообразии, передать даже ароматы южных цветов – пряные, терпкие, будоражащие – захлестнули его. Звуков уже было мало. Они не могли передать невыразимое. И Чюрлёнис обратился к краскам.

Он поступил в Варшавское училище живописи. Отныне музыка обрела для него цвет, а краски зазвучали. Музыка или краски – это всего лишь инструмент; смычок и скрипка в руках творца. Важны была мысль, картина мира, бессмертная мелодия Вселенной. И эту мелодию еще предстояло соткать.

И вот на холсте рождалось жаркое утро. И звучала красная музыка солнца. Потом наступал золотой день с голубой музыкой неба. Его сменял жемчужный вечер, трепетный, как лепестки магнолий. И, наконец, царица Ночь лила вокруг свой серебряный лунный свет.

«Я лечу в далекие миры, в край вечной красоты, солнца и фантазии».

Кажется, он так и жил, подчиняясь своей мечте. И, может быть, она заменяла ему жизнь. За кажущейся сложностью его символов кроется глубокая мысль. Недаром его считали колдуном и гипнотизером. Он бросил свои гипнотические сеансы, когда увидел, что они тревожат людей. Но в музыке и особенно в картинах запечатлевал свой особый дар провидца.

Вот, например, «Соната весны». Все картины цикла выстроены в стройной композиции. «Анданте» спокойная, размеренная главная тема. И вступают вариации – светящиеся, напоенные легким весенним солнцем, краски. Они будто поют голосами свирели, валторны, арфы и скрипки. И наконец – ликующая, торжественная, возвышенная музыка весны. Звучит весь оркестр: вертится вечная мельница природы, несет солнце на своих крыльях.

Чюрлёнис создавал свой удивительный мир фантастических, космических образов. Но всех их объединяло одно: у них янтарный оттенок. Даже у моря. Словно вглядывался в него художник сквозь кусочек янтаря – солнечного камня.

В «Сонате моря» целая история бурной, как море, человеческой души, на дне которой лежат затонувшие корабли воспоминаний и несбывшихся надежд. И, как бы объединяя себя с этим миром, он вплетал в морскую пену свои инициалы – М.К.Ч.

М.К.Ч. – это подпись на полотнах, пронзающих вечность, это ключ от затворенных башен мечты, пути бесконечных созвездий, им сотворенных.

«Оставшемуся в одиночестве человеку становится душно, тесно и темно. Но чем шире он взмахнет крыльями, чем больше будет его кругозор, тем легче ему будет, тем счастливее будет человек», – писал в дневнике Чюрлёнис. Все, что им создано, призвано прославить человека, побеждающего черную птицу-Беду. Или, по крайней мере, борющегося с нею.

По прохладным светлым звездам шагал его крылатый человек. Как любил художник звезды и солнце, как часто обращался к ним. На плакате первой выставки своих картин он нарисовал солнце. Для него оно было олицетворением добра и света. Он славил свет человеческой мысли.

Недаром Горький сказал о нем: *«Ведь это же музыкальная живопись. А что же? Разве романтике и места нет в реализме? Значит пластика, ритм, музыкальность и тому подобное – не нужны? Мне Чюрлёнис нравится тем, что он заставляет меня задуматься как литератор».*

Нелегко носить в груди солнце. Труднее удержать его в руках. Еще труднее протягивать его на ладони людям. Нести им дружбу как огромный шар света. Чюрлёнису это удалось. Как и герою его картины «Дружба».

«Не сердись» навсегда станет его любимой присказкой. Но это и его мольба, обращенная к людям. Воззвание к отзывчивости и братству.

Его близкий друг Влодзимеж Моравский говорил: *«Когда Чюрлёнис был с нами, все мы были лучше. Рядом с ним не могло быть ни плохого человека, ни злых чувств. Он разливал вокруг себя какой-то свет. Единственное, что могло его вывести из себя, – это обращенная к нему просьба «объяснить» содержание той или иной его картины. Он негодовал: «...почему они не смотрят? Почему не напрягают свою душу! Ведь каждый по-иному подходит и иначе воспринимает произведения искусства».* Казалось, в его крови, его душе был растворен балтийский янтарь, настолько он был пронизан солнцем».

Но янтарь – это не только солнечный камень, это еще и слезы сосен...

Часть 2-я. Слезы

28 декабря 1909 года к известному петербургскому психиатру Владимиру Бехтереву ворвалась незнакомая молодая женщина.

– Я должна немедленно поговорить с доктором, – требовала она. – У меня срочное дело!

Бехтерев никого не хотел принимать. На носу был Новый год. Но что-то в голосе посетительницы встревожило профессора. Он вышел в приемную. И тут незнакомка повела себя странно. Она стала умолять профессора помочь ей вернуть мужа с ... того света.

– Если ваш муж умер, сударыня, то вы ошиблись адресом, – попытался урезонить женщину Бехтерев. – Я не провожу спиритических сеансов и не воскрешаю мертвецов.

– Нет, вы не поняли, – разрыдалась женщина. – Мой муж жив, но его как будто нет. Он работает по двадцать часов в сутки, пишет картины, сочиняет музыку, но мне страшно, страшно! – и забилась в рыданиях.

– Успокойтесь, голубушка! В роду у вашего мужа были душевнобольные?

– Насколько мне известно – нет. Но...

И задумалась, как будто что-то вспомнила...

После успеха в 1906 году своих картин на выставке в Санкт-Петербурге Чюрлёнис, окрыленный, стал творить, готовиться к своей персональной выставке в Вильнюсе. Он не сомневался в успехе. Но все окончилось печально. Многие вообще не поняли смысла его картин. Лишь несколько человек оценили новаторство художника. Среди них была 22-летняя Софья Кимантайте, студентка филологии и начинающая писательница. Но она тогда так и не решилась подойти к художнику. Они познакомились лишь год спустя в Вильнюсе, в театре. Чюрлёнис уже был известным в городе человеком. Но когда молодых людей представили друг другу, выяснилось, что они почти не могут разговаривать. Чюрлёнис не знал родного литовского, Софья была слаба в польском. И Константинас (именно так его все называли) попросил девушку обучить его родному языку. Софья стала для него тем лучом света, который связал два его мира – земной и небесный. И еще. Несмотря на молодость, она была житейски мудрым человеком и как никто другой понимала: творческой личности нужно признание. Именно она убедила мужа отправиться в Петербург, где однажды он уже пережил успех. Когда Чюрлёнис в 1908 году прибыл в столицу, у него в кармане было всего 15 рублей, а под мышкой – целая папка работ и рекомендательное письмо к земляку – известному художнику Мстиславу Добужинскому, члену художественного общества «Мир искусства». Картины Чюрлёниса произвели фурор. Члены общества единодушно решили: художник должен принять участие в выставке. Константинас расплакался от радости, узнав об этом. Это был период изумительного, парящего счастья. Он только что обвенчался с Софьей. Молодые сразу отправились на открытие выставки. Сколько было надежд, планов!

Увы... Триумф не случился. Большинство коллег по творческому цеху восприняли литовского художника осторожно.

Но Чюрлёнис не обиделся. Он привык, что далеко не все принимают его творчество. Вернулся в Литву, писал музыку, новые картины, а осенью вновь отправился в Петербург. Один. Софья в ожидании ребенка осталась в Вильнюсе.

В столице Чюрлёнису было одиноко и неудобно. Не хватало денег на краски и даже на еду. Его работы не выставлялись, а изношенный гардероб не позволял появиться в свете. Единственной отдушиной была работа. Он творил сутками, без сна и отдыха, все глубже погружаясь в свой собственный мир. Даже на лицо его словно лег какой-то потусторонний свет: невозможно было выдержать взгляд этих прозрачных зелено-голубых глаз.

Вначале Софья получала от него письма, полные любви и нежности. А затем муж вдруг замолчал. Она поняла: что-то случилось. Бросила все, приехала в Петербург и не узнала мужа. Страшно исхудавший, он сидел в подвальной мрачной комнате и что-то писал в дневнике.

Софья поняла: надежды обернулись разочарованием, мечты пошли крахом. Он так надеялся на Петербург. Но солнце так и не взошло для него в этом городе, лишь серые дожди лились стеной.

Ему постоянно нужна была рядом родная, любящая душа, которая брала бы его за руку и осторожно возвращала на землю, утешала и возрождала к жизни. Мифический Антей обретал силы, принимая к матери-земле. Для Чюрлёниса матерью-землей была его Софья. Но, беременная, она не могла оставаться в Петербурге. Однако и оставлять мужа в зазеркалье его символов и фантазий тоже было опасно.

Узнав от Добужинского адрес известного психиатра, отправилась к нему. И добилась, чтобы тот осмотрел мужа. Владимир Бехтерев сомневался... Творческая личность... А между безумием и гениальностью грань почти незаметна.

– У вашего мужа, голубушка, сильное переутомление, недоедание, недостаток сна, свежего воздуха. Увезите его домой. Нужны режим, свежий воздух, прогулки, нормальная еда, молоко.

В родном Друскининкае Чюрлёнису стало немного лучше. Но затем наступило резкое ухудшение. Он ничего не ел, подолгу молчал. И перестал музицировать и рисовать. Друзья отправили его в частную психиатрическую клинику под Варшавой. Там Чюрлёнис пробыл год.

Летом 1910 года у Софьи и Константинаса родилась дочь. Чюрлёнис послал жене короткую записку с благодарностью. Всего несколько строк, две из которых были написаны даже не его рукой.

Он отходил от всего земного и навеки присоединялся к тому, чему отдал жизнь: звукам и краскам. А потом умолкли и померкли и они. Наступил покой.

Миколоюс Константинас Чюрлёнис скончался 10 апреля 1911 года от воспаления легких, которое случилось после долгой прогулки в холодном весеннем лесу. Кто знает, для чего он отправился туда так надолго? Может, знал, что смерть станет избавлением от пропасти безумия? Или просто хотел услышать свою сонату весны. Еще раз.

Судьба отмерила ему всего 36 лет жизни. Но многое успела за это время. Ромен Роллан назвал его «Христофором Колумбом нового духовного континента». Около трехсот музыкальных произведений, почти столько же картин. Мировое признание пришло к нему только после смерти.

Но неважно, кто проливает слезы о безвременно угасшем таланте – балтийские ли сосны или бакинский дождь, – главное, что они не иссякнут. Это хорошие, живительные слезы – они заставляют вспомнить, что есть еще в нашем мире красота и нежность, любовь и сострадание. Пока есть. Еще не исчезли.

И есть волшебство. А оно, как известно, вторгается в человеческую жизнь неожиданно. В мою жизнь оно ворвалось в тот далекий декабрьский дождливый день. В маленькой библиотеке, увешанной картинами Чюрлёниса...

Послесловие: София Кимантайте-Чюрлёнене пережила мужа на 47 лет. Все эти годы она была верна идеям популяризации литовской национальной культуры, которые разделяла со своим мужем. София с дочерью поселилась в Каунасе и занялась преподавательской работой. Ее вклад в признание литовской культуры и языка был весьма ощутим: София написала несколько учебников литовского языка, опубликовала сборники тематических статей, написала ряд новелл, пьес, рассказов, стихотворений. Позже она преподавала литовский язык в Государственной театральной школе актерского мастерства, а также на гуманитарном факультете Университета Витовта Великого, перевела на литовский произведения Мольера, Флобера, Гомера. В

1932 году София Кимантайте-Чюрлёнене стала одним из лидеров национального литовского движения скаутов, позже представляла интересы Литвы в Лиге Наций.

В годы Второй мировой войны София помогала спасать еврейских детей, спрятав их дома. Она не воспользовалась возможностью эмигрировать из страны и осталась в Литве, которая вошла в состав СССР. Чюрлёнене-Кимантайте, как и прежде, много работала с молодежью, регулярно посещала школы, читала лекции, общалась с учителями, делилась опытом. Современники называли ее «мать всей Литвы».

София Чюрлёнене-Кимантайте скончалась 1 декабря 1958 года. Проводить ее в последний путь вышел весь Каунас.

Дануте вышла замуж за представителя известного рода графов Зубовых. Правнук Чюрлёниса, Рокас Зубовас, очень похожий на знаменитого предка, выступил одним из продюсеров посвященного фильма «Письма Софии» (2013 г.) и исполнил главную роль прадеда. На его счету также исполнение музыкальных произведений в фильме. Сегодня Рокас Зубовас преподаёт в литовской Музыкальной академии в Вильнюсе по классу рояля, его супруга Соната Зубовиене — также музыкант. На их концертах снова оживают звуки музыки, увиденные некогда Микалоюсом Константинасом Чюрлёнисом.

При написании эссе использованы книги: Феликса Розинера «Искусство Чюрлёниса», Дмитрия Северюхина «Путь избранника», сборника рассказов о художниках «С веком наравне» (том 2-й) и некоторые материалы из интернета. Автор выражает благодарность за использованные материалы, особенно книге «С веком наравне».

Тени на стене

От чугунного резного фонаря по стене расходились круглые тени. Электрический фонарь висел над пианино, и женщина включала светильник всякий раз, когда откидывала тяжелую полированную крышку и прикасалась к клавишам. На бежевой стене тени складывались изящными полукругиями, и если человек был наделен воображением, он мог увидеть в этих тенях светлую аллею, уводящую вдаль, в мир музыки.

Женщиной, склонившейся над пианино, была моя мама. Физик по профессии и лирик по душевному складу. Она не учила меня специально ни музыке, ни литературе, но своим восприятием прекрасного я обязана ей.

Мама хорошо пела. Голос у нее был небольшой, камерный, но удивительно благозвучный, успокаивающий. Он лился над черно-белыми клавишами, заполнял маленькую аллею света на стене.

Иногда мы пели с ней дуэтом. Особенно часто песню про «цыганку-молдаванку». Она казалась мне смешной. Незатейливый текст про девочку-молдаванку, украденную цыганами и воспитанную цыганкой. Потом эта девочка вырастает и крадет медвежонка из берлоги, обучает его разным трюкам и ходит с ним по городам и селам, веселя народ. Но трагический смысл проскальзывал в легких строках:

*По дороге позабыли: кто украл, а кто украден.
И одна попона пыли на коне и конокраде.*

***

*Что же с ней, беглянкой, было?
Что же с ней, цыганкой, будет?
Всё, что было, – позабыла,
Всё, что будет, – позабудет.*

– Вслушайся, какой дивный образ, – говорила мама, – «и одна попона пыли на коне и конокраде». Все уравнивается со временем, все успокаивается. Понимаешь? Нет, ты не понимаешь, – вздыхала она. – Лучше послушай, как песню исполняет автор. И из стопки нот извлекался выдавший виды маленький конверт с грампластинкой.

– Включи проигрыватель. Послушай!

Честно сказать, никакого впечатления на меня исполнение песни не произвело. Детский и, как мне показалось, нарочито писклявый голосок выводил под гитару знакомые строчки. Образ красавицы цыганки-молдаванки, который мы с мамой усердно ткали своими голосами, стремительно распался. Лицо у меня было настолько разочарованное и насмешливое, что мама махнула рукой и рассмеялась.

– Это Новелла Матвеева. У нее такая манера исполнения. Надо вникнуть, и тогда понравится. Это целая философия, а не писк и не детский лепет.

Увы! В те годы, когда мир казался необъятным, голос Новеллы Матвеевой для меня был именно детским лепетом и цыплячьим писком. И мамины слова «это целая философия» вспомнились много позже, когда мир стал сужаться. Восприятие его – что возрастное изменение зрения. В юности близоруко вглядываемся мы в горизонт мира, жадно стремясь охватить взором всё. С годами осторожно отдаляем от глаз предметы, бережно разглядывая и запечатлевая в памяти каждую малость. И малость становится милой и близкой, словно подтверждают евангельское изречение – «и последние станут первыми».

*Я леплю из пластилина,
Пластилин нежней, чем глина.
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак.*

*Если кукла выйдет плохо –
Назову её дурёха,
Если клоун выйдет плохо –
Назову его дурак.*

*Подошли ко мне два брата.
Подошли и говорят:
«Разве кукла виновата?
Разве клоун виноват?»*

*Ты их лепишь грубовато,
Ты их любишь маловато,
Ты сама и виновата,
А никто не виноват».*

*Я леплю из пластилина,
А сама вздыхаю тяжело,
Я леплю из пластилина,
Приговариваю так:*

*«Если кукла выйдет плохо –
Назову её... бедняжка,
Если клоун выйдет плохо –
Назову его... бедняк».*

Удивительно! Но в этой детской песенке на слова Новеллы Матвеевой из кинофильма «Почти смешная история» словно уместилась целая человеческая жизнь. Первый куплет – юность с ее максимализмом и подчас – жестокостью. Второй – расцвет зрелости, осознание (при наличии ума и критического к себе отношения) собственных ошибок. Третий – глубокая, благородная зрелость с принятием своих и чужих ошибок и милосердием к ним.

Так какая же тайна была в этой женщине с детским голоском и вечным плачком на голове?.. В какие светлые дали уводили ее песни?..

Новелла Матвеева... Ее место в песенной поэзии особое. Щемящий тонкий голос, будто бы наивные интонации и образы, сильные, запоминающиеся... Она творила свой собственный мир поэта – рано повзрослевшего ребенка. Но все-таки ребенка. Исполнить ее песни лучше и точнее, чем она сама, почти невозможно.

Она очень рано поняла необычность своей поэзии. В поэзии шестидесятников она резко выделялась собственной интонацией и огромной, какой-то парящей романтичностью. Когда ее в этом упрекали, она с достоинством отвечала: *«У меня и слова, и поступки – все свои. Ничего у вас не взяла. Виновата: чужого ничего не беру»*.

Она всегда была немного отдалена от общества шестидесятников, всегда, с юности, была «вещью в себе». И, несмотря на это, шестидесятники любили и гордились ею.

Ей было что наследовать. Новелла Матвеева родилась 1 октября 1934 в Царском Селе. Мама – преподаватель русского языка и литературы, известная поэтесса своего времени, печатавшаяся под псевдонимом Матвеева-Орленева. Именно она привила дочери любовь к поэзии, музыке, творчеству, искусству. В детстве девочка перенесла авитаминоз и не могла посещать школу. Новелла Матвеева окончила всего четыре класса, потом ее перевели на домашнее обучение. Им тоже занималась мама, и она же познакомила дочку с гитарой и обучила ее первым простым аккордам. Потом Новелла Матвеева уже не расставалась с гитарой.

Она очень любила маленькие компании, когда собирались ее близкие друзья, и она им пела песни на свои стихи. Больших залов она не любила и никогда не соглашалась выступать при большом скоплении народа.

Отец Новеллы Матвеевой тоже был талантливым человеком. Он был краевед, исследовал природу Дальнего Востока, писал стихи. Из четырех детей в семье двое получили романтические имена. Это Новелла и брат ее Роальд, в будущем художник-иллюстратор. Новелла – литературный жанр малого содержания, но очень глубокого смысла. Камерное исполнение, стремление к малости, «детскости» и при этом огромная смысловая глубина текстов, «целая философия» – в этом вся Новелла Матвеева. Поистине, имя пришлось впору своей носительнице, и она оправдала его полностью. Дед Новеллы – Николай Петрович Матвеев-Амурский – был писателем, автором первой истории города Владивостока. Родился и умер он в Японии, но очень долго жил во Владивостоке. У него было 11 детей, и двое из них стали выдающимися людьми. Одним из этих двух и был отец Новеллы Матвеевой.

Первый поэтический сборник Новеллы вышел в 1961 году. С тех пор поэзия не отпускала ее, давала ей, болезненной, чудом не потерявшей зрение, волю и стремление к жизни.

Почти все стихи Новеллы Матвеевой стали песнями. И первой исполнительницей их была она сама. У нее была оригинальная манера записи нот. Она рисовала на бумаге гитарный гриф, размечала его по типу нотного стана и делала какие-то одной ей ведомые отметки. Это и были ноты.

Одной из самых знаменитых и пронзительных песен ее была «Девушка из харчевни». С мелодией средневекового танца, эта песня, по сути – гимн Сольвейг – гимн верному, немного наивному, но беззаветному и преданному женскому сердцу.

*Любви моей ты боялся зря –
Не так я страшно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.
И если ты уходил к другой,
Иль просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ висел на гвозде.
Когда же, наш мимолетный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался после плаща.
Течение дней, шелестенье лет,
Туман, ветер и дождь.
А в доме события – страшнее нет:
Из стенки вынули гвоздь.
Туман, и ветер, и шум дождя,
Течение дней, шелестенье лет,
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.
Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра,
Мне было довольно того, что след
Гвоздя был виден вчера.
Любви моей ты боялся зря.
Не так я страшно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.
И в теплом ветре ловить опять
То скрипок плач, то литавров медь...
А что я с этого буду иметь,
Того тебе не понять.*

Даже ее поэтические сборники, которые стали регулярно выходить после 1963 года, назывались уменьшительно-ласкательно и образно: «Кораблик», «Ласточкина школа», «Дельфиний остров», «Закон песен». И стихи ее неизменно находили отклик в душе читателей, ведь говорили они, в общем-то, об очень простых и вечных вещах – чести, любви порядочности, достоинстве, верности долгу, неизменном превосходстве душевного над материальным («*Что я с этого буду иметь – тебе этого не понять*»). Конечно, не понять. Рациональный мир красив и ограничен. Душевный – прекрасен и необъятен.

В этом стихотворении отразилась душа самой Новеллы Николаевны Матвеевой. «*Я никогда ничего чужого не беру. У меня все свое. Свое понимание жизни*». Несомненно. Тот, кто полон изнутри светом, не нуждается в подсветках извне.

Во время учебы в Литературном институте, Новелла Матвеева вышла замуж за финского поэта Ивана Киуру. Вместе они прожили до 1992 года, до кончины Киуру.

Всем, кто читал ее стихи, казалось, что она была легким и простым в общении человеком, настолько воздушными и прозрачными были ее строчки. Более того, однажды поэт Александр Городницкий, услышав ее песни, решил, что их мог написать только очень счастливый человек. Но, придя к ней, ужаснулся чудовищному быту в коммуналке. На самом деле, она была замкнутым человеком с тяжелым характером.

Это в жизни. В творчестве это был совершенно иной человек – легкий, парящий. Словно чугунный резной фонарь, отбрасывающий ажурную тень...

В последние годы она вообще избегала общения, боялась выходить из дома. Но все, кто так или иначе с ней сталкивался и общался, отмечали: она имела колдовскую власть над людьми. Она – маленькая, некрасиво постаревшая – очаровывала и пленяла. Стоило ей только взять в руки гитару, как люди уже не замечали ни тяжелых черт лица с заломами морщин, ни странных шарфиков и косыночек, из-под которых выбивались седые кудряшки. Они были во власти ее тонкого голоса, незатейливых и мудрых песен. Ее, матвеевского мира, ее «философии».

В 1998 году Новелла Матвеева была удостоена Пушкинской Премии в области искусства. А в 2002 – Премии Российской Федерации в области литературы и искусства.

Ее не стало 4 сентября 2016 года. Для меня она навсегда осталась загадочной Цыганкой-молдаванкой, бредущей по пыльным дорогам с ручным медведем. Героиней песни, которую мы с мамой пели дуэтом...

*Навсегда она пропала
Под тенью загара!
У неё в руках гитара,
Гитара, гитара!
Позабыла все, что было,
И не видит в том потери.
(Ах, вернись, вернись, вернись!
Ну, оглянись, по крайней мере!)*

Стрела синего августа

В августейшем синем августе царствует только один цвет – королевский синий! И владычествует только одна царица – Жара. Королевской синевы низкое южное небо, густым сапфиром пылает море, а сизый плотный воздух обволакивает тебя своим огненным дыханием:

Жарко!..

Синий ветер разносит по дворам запахи горячего варенья и печеных на углях овощей. Струится в синее небо синий дым: август – пора домашних заготовок! Пыхтит в латунных тазах баклажанная икра, смешиваются ароматы инжира, кизила, малины и мирабели, кипит разномастное варенье. Щедрый август скоро укупорит лето в стеклянные банки и замерцает сквозь них всеми цветами радуги. А пока, владыка – только царственный синий!

Жарко!!

Впрочем, иногда он милостиво позволяет разбавить себя другими оттенками: небо прошито голубой звездной вязью, в море – прожилки серо-бирюзовых волн, а воздух становится рыжим, словно его выкрасили хной.

Это верный признак слабой прохлады, а может, и спасительного дождя. Дождь в синем пылающем южном августе, ты – спасение, и жизнь, и надежда! Ты – обновление, ты – радость для истомленной земли. Ты – словно объяснение в любви неба земле: «Я помню о тебе, я не покинуло тебя, я не оставляю тебя испепеленной!»

Объяснение в любви... Да, пожалуй, это лучшее название для одного из таких нестерпимо синих дней. Очень далекого года...

– Невозможно уже сидеть дома. Дышать нечем! Папе нашему повезло – в командировке в Минске! Пойдем, пройдемся, – мама отчаянно махнула рукой в сторону входной двери. – Может, хоть дождь пойдет – в воздухе грозой пахнет.

Мы собрались мгновенно. Я любила эти вылазки с мамой. Она была спонтанна и непосредственна, и каждое такое маленькое путешествие оказывалось потом памятным надолго.

Улицы были полупусты. Горячий пар поднимался с нагретого и мягкого от жары асфальта. Палые листья впечатывались в него, составляя диковинный узор.

У кинотеатра «Октябрь» (как много воды утекло с тех пор, как много объектов сменилось на этом месте...) мама остановилась и принялась разглядывать афишу. Она была тоже сине-рыжая и скукоженная от жары.

– «Объяснение в любви». Двухсерийный фильм. Пойдем, может? – нерешительно предложила она.

– Индийский? – деловито осведомилась я, будучи твердо уверена в свои во-семь с небольшим, что такое откровенно-заявленное название может быть только у голливудской продукции.

– Нет, вроде. «Ленфильм». В летнем зале демонстрируется, – голос мамы стал просящим.

В конце концов, какая нам разница?! Все лучше, чем сидеть дома и изнывать от жары. Лишь бы комары не съели!

До сих пор не могу постичь эту особенную магию летних кинотеатров. Может, потому что в южных городах они были наделены особенной прелестью. С чем можно было сравнить шершавую мягкость обшарпанных сидений с грубо намалеванными на спинках номерами, ароматы нагретых за день трав и цветущей маттиолы – ими пропитан был воздух и неповторимый стрекот кинопроектора – в его голубовато-дымном луче чудо становилось явью.

Синий август обманул нас в тот день. Дождь не пошел. Зато мама проплакала почти весь фильм, сопереживая под музыку Генделя и Баха трогательной и огромной любви главного героя к капризной, неверной, но невероятно целеустремленной и волевой жене – красавице Зиночке.

Я не могу разделить маминых эмоций. Пока не могу...

И вот последние кадры, пошли финальные титры. Я искоса наблюдаю за мамой: она вглядывается покрасневшими глазами в экран и читает шепотом:

– Филиппок – Юрий Богатырев; Зиночка – Эва Шиккульска; Филиппок в старости – Бруно Фрейндлих; Зиночка в старости – Ангелина Степанова; режиссер – Илья Авербах. Фильм снят по мотивам книги Евгения Габриловича «Четыре четверти».

Жары в тот вечер мы уже не чувствовали. Мама шла всю дорогу молча, размышляя о чем-то, потом, уже около дома, спросила тихо:

– Ты что-нибудь поняла?

– Эта Зиночка плохая женщина, – уверенно заявила я. – Издевалась над Филиппком всю жизнь. А он и есть... Филиппок!

Мама улыбнулась. Медленно, грустно.

– Она его любила, как могла. И как нужно было ему. Ладно, это все не для тебя сейчас. Потом поймешь, если вспомнишь.

Больше на этот фильм мы с мамой не ходили. Но мама смотрела его еще не раз. Все время, пока он был в прокате. Думаю, она бы и сейчас пересматривала его с удовольствием. Если бы дожила до времен ютуба.

А я пересматриваю его с любовью, с глубокой нежностью и грустью об уходящем времени, об уходящем племени. Да, собственно и все мы, люди среднего возраста – люди уходящего времени и уходящего племени. Племя Неспешности, Времени Раздумья. Нынешний мир ни неспешностью, ни, тем более, раздумьем особо не отличается.

Имя писателя Евгения Габриловича мне не было знакомо. И дразнящий титр фильма: «снят по книге Е.Габриловича «Четыре четверти» рождал жгучее желание: разыскать эту самую книгу. Увы, долгие годы это сделать не удавалось.

Но тот, кто ищет – всегда найдет!

Недавно вожделенная книга попала ко мне, и я была потрясена бережностью, с какой режиссер Илья Авербах отнесся к автобиографическому материалу – сняв по книге фильм, практически, слово в слово.

Но перед этим удалось узнать многое о самом авторе – Евгении Габриловиче. И в сотый раз уяснить себе: море знаний неизмеримо, но если есть хоть малейшая возможность рассказать о людях, которые делали нашу жизнь духовно богаче, чище и лучше, надо это делать.

Евгений Иосифович Габрилович... Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии и двух Государственных премий СССР, драматург, сценарист. Он был, по сути, легендой сценарного искусства, человеком невероятного таланта, трудолюбия, ответственности доброты и высочайшей порядочности. О нем говорили: «идеалист», и это соответствовало истине. Он считал, что идеализм нужно в какой-то степени пропагандировать в жизни, только не грубо, не навязчиво, а исподволь.

Пожалуй, трудно назвать второго такого плодовитого сценариста. Фильмы, снятые по сценариям Габриловича, а их более 30, на памяти у нескольких поколений зрителей. «Последняя ночь», «Мечта», «Машенька», «В огне брода нет», знаменитые «Два бойца» и «Коммунист», лиричные «Странная женщина» «Поздние свидания» и «Монолог».

Габрилович родился за год до начала 20-го века, в Воронеже и в течение долгой своей жизни (его не стало в конце 1993 года) был очевидцем, а иногда и участником многих исторических событий.

«Кто-то точно сказал, что новый, 20-й век, начался не 1 января 1900-го, а 1 августа 1914 года. Я видел рождение этого века, Москву в годы Первой Мировой войны. Сперва все было сильно и бодро. Молебны и гимны, призывы к единству, дамы, шьющие войску подштанники. Первые раненые, приветствуемые повсюду, погромы немецких лавок, патриотизм в театре, романах, стихах. Но за первым годом войны – второй. Отношение к войне меняется. Дамы уже не шьют подштанников, а раненых столько, что за ними не уследишь, они привычны, как очереди за хлебом... А к началу третьего года войны над властью уже смеются. Я где-то читал, что так оно и бывает: сперва улыбка, потом смешок, потом смех. А потом люди выходят на улицы, и начинается бунт».

«Москва 20-х годов была явлением удивительным. Бумаги не было, печататься было нелегко, и расцветала так называемая «кафейная» поэзия, от слова «кафе». Поэты и писатели читали свои произведения в кафе. Самым известным кафе был так называемый Дом Герцена, там, где ныне размещается Литературный институт. Тут выступали все знаменитости, но выступали и люди прямо с улицы, вдохновенно выкрикивающие строфы. Среди этих выкрикивающих был и я. Здесь я приобрел стойкую ненависть к обветшавшим, устоявшимся нормам, литературным клише, ко всем отработанным формам в литературе. Ненависть эту я пронес через всю жизнь. А началом моей сценической жизни были пять лет работы у Мейерхольда. Я изучал сцену не по трактатам, а в гомоне и суете кулис. И это была великая и самая лучшая сценическая школа».

Проработав пять лет у Мейерхольда, Габрилович поссорился с ним и ушел из театра. Стал журналистом, написал несколько книг и решил попробовать себя в искусстве написания сценария. Это был сценарий фильма «Последняя ночь», снятого режиссером Юлием Райзманом.

Райзман был гимназическим товарищем Габриловича. Их навсегда связала крепкая дружба и плодотворное сотрудничество.

Габрилович не был на фронтах Первой Мировой. Но один раз ему, подростку, доверили сопровождать продовольственный поезд на фронт. Дали винтовку и велели отнестись к делу со всей ответственностью.

Он видел все своими глазами: поезда тех времен, штурмы теплушек, огромное количество голодных и злых людей на вокзалах.

«Сценарий фильма «Коммунист» тоже можно было отнести ко времени Гражданской войны, – вспоминал сценарист. – Началось с того, что меня пригласили принять участие в подготовке фильма к 40-летию советской власти. Снимать картину должен был режиссер Райзман. И мне пришло в голову сделать героем обычного кладовщика, но убежденного идейного коммуниста. И Евгений Урбанский великолепно создал этот образ – человека, искренно верящего в торжество идей коммунизма, неистово, одержимо преданного делу партии».

Пришли тридцатые годы. Габрилович работал журналистом, много ездил по стране. *«Много событий пришлось на те годы. Я видел все главные стройки тех лет, видел все то огромное, пестрое, растущее из небытия, из канав, котлованов и луж. Эти годы принесли с собой людей беспримерной самоотверженности, великого мужества, удивительной предприимчивости и энергии. И одновременно эти великие по своей драматичности годы принесли с собой много сложного и противоречивого».*

Сценарий фильма «Мечта» – первая совместная работа Габриловича и режиссера Михаила Ромма. Это фильм о трагическом крушении надежд жителей провинциального западноевропейского городка накануне Второй Мировой войны. В этом фильме одну из своих лучших ролей сыграла неподражаемая Фаина Раневская. Сцена в тюрьме и монолог матери невероятной пронзительной силы.

«Годы Второй мировой войны совпали с моей возрастной и профессиональной зрелостью. Я увидел в те годы столько, сколько не видел не только за прошедшую, но и за дальнейшую жизнь. Я был свидетелем самых больших сражений, общался с солдатами и маршалами, летал на штурмовике, ходил на подводной лодке, бродил по Берлину и Токио, видел останки Геббельса, его жены и детей, а также – и, может быть, это самое памятное, что я видел: глаза солдат за пять минут до атаки».

В должности корреспондента газеты «Красная звезда» Габрилович прошел войну с первого до последнего дня. И лиричная картина «Машенька» по сценарию Габриловича – эта дань тем великим годам, в которых, по признанию сценариста, все было намного тоньше, глубже, значительнее и острее, чем в мирные годы. И, может быть, более человечнее, ибо в минуты наибольших испытаний и рождается подлинная гуманность.

Потом был написан сценарий к фильму «Два бойца». Габриловичу дали отпуск на три недели, он написал сценарий и вновь вернулся на фронт. И на год-полтора забыл о написанном сценарии. И вдруг там же на фронте услышал две песни: «Темная ночь» и «Шаланды, полные кефали». Их распевали повсюду. И только потом узнал, что они из фильма, сценарий к которому он написал.

В послевоенные годы творчество Габриловича расцвело с новой силой. И сегодня его «проблемные» фильмы актуальны. *«Наша страна – грандиознейшая попытка переустройства человечества, – писал он в «Четырех четвертях». – Мы в походе. Все бывает в пути. Есть и немало дурного. Скрывать? Недостойное искусство. Экран – это не табель и не календарь, славящий только дни наград и побед. Он должен воспламенять чувства, будоражить, заставлять людей вглядываться в свое существование – хорошее и дурное».*

Герой Социалистического Труда, дважды лауреат ордена Ленина, орденов Отечественной Войны, Трудового Красного Знамени, Госпремии СССР Евгений Иосифович Габрилович прожил долгую насыщенную жизнь. До последнего был на своем рабочем месте: у пишущей машинки. В 87 лет издал книгу «Пятая четверть», сборник рассказов, преподавал во ВГИКе, руководил сценарными мастерскими на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Но самые трогательные и пронзительные слова в своем творчестве он посвятил жене, Нине Яковлевне Габрилович, ставшей прототипом образа Зиночки в том самом «Объяснении в любви»:

«Дорогая моя, любимая, единственная. Все, что я написал, задумал, выполнил в моей долгой работе, это все ты, это все тебе, твои мысли, воля, настойчивость, побуждавшие меня к труду. Я хочу еще раз сказать тебе, как безгранично мое уважение к тебе, столько сделавшей для меня. И теперь, когда все подходит к концу, когда осталось совсем мало времени, чтобы жить, дышать, ходить, ссориться, я люблю тебя так же, как в те далекие годы, когда все начиналось, и ты пустилась в путь с таким утлым мужем как я. Жизнь – штука замысловатая, но мы прожили ее вместе со всеми, бедовали вместе, радовались вместе и ничем никогда не поступились перед совестью. Я хочу, чтобы это знали все. Целую тебя, моя ненаглядная».

Все в этих словах дышит любовью и правдой. Как вспоминал сценарист фильма «Объяснение в любви» Павел Финн, Евгений Габрилович был человеком абсолютно неприспособленным в быту, неуклюжим, даже нелепым и полностью зависящим от своей супруги – властной и капризной красавицы Нины. Но эта женщина, имевшая за плечами всего четыре класса образования и всю жизнь писавшая с чудовищными ошибками, была музой Габриловича, лучшим советчиком в литературных кругах. Ей от природы, помимо яркой и броской внешности, было дано какое-то сверхъестественное звериное чутье на таланты. Она мгновенно улавливала, что и кто может быть полезным ее мужу, сводила его с нужными людьми, направляла, вдохновляла, руководила, побуждала к работе, не терпела лени и безделья. И с первых же дней взяла на себя все заботы о хозяйстве, чтобы ничто не отвлекало мужа от творчества. Он как-то заметил, что без участия жены так бы и остался помощником в театре Мейерхольда...

Они прожили долгую, не всегда ровную и все же счастливую жизнь, пережили смерть сына Нины от первого брака, дождалась профессионального успеха сына Алексея – режиссера документального кино. В 1973 году Нина Яковлевна сломала ногу, готовилась к операции за границей, но не дождалась ее. И не смирилась с мыслью о том, что теперь будет хромой и старой женщиной. Она боялась немощи, не хотела быть некрасивой и приняла яд. Спасти ее не удалось.

Евгений Габрилович пережил жену на двадцать лет. Он увидел фильм «Объяснение в любви», в основу которого легла его повесть.

***

... Отчего в эти нестерпимо синие дни полыхающего августа мне вспомнился этот фильм?.. Он такой же, как август – яростный, противоречивый, контрастный: от несказанной нежности и всепрощения до холодного расчетливого эгоизма. Двойственный, но не двуличный. Он настоящий. Он как стрела, пронзающая память...

... Я пересматриваю фильм, и два голоса звучат в моей памяти.

Детский звонкий:

– Эта Зиночка плохая женщина. Издевалась над Филиппком всю жизнь. А он и есть... Филиппок!

И женский, уставший, мелодичный и грустный:

– Она его любила, как могла. И как нужно было ему. Ладно, это все не для тебя сейчас. Потом поймешь, если вспомнишь.

Я помню, все помню. И понимаю...

МАРАТ ШАФИЕВ

СУФИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Наверное, никто не оспорит утверждение: мораль существовала до сотворения нашего мира. И вот то, что Бог вложил в человека, вытягиваемого из небытия, – называется суфизмом.

Согласно легенде, город Баку основан тюркским хаганом Аппэр-Тунга (в «Шахнаме» Фирдовси воплотившегося в литературный образ Афрасиаба – властителя Турана).

Ещё в древнем Шумере существовало слово «баг» – «гора, возвышенность», со временем ставшее обозначать и высоту духа. Вот и получается: Бака-Ир – местность на холмах, трансформирующееся в Багван – город Бога. Вот наглядный пример духовной работы, всё равно – одного человека или целого народа.

Понятно, что тема эта необъятна, поэтому ограничимся той её частью, которая касается исламской культуры, привнесённой в Азербайджан арабским вторжением 640 года. Неудержимой пассионарности Халифата противостоит не только местная армия Бабека, но и местная «правильная религия» (хурраимизм), представляющая собой эклектичную смесь из маздакизма, зороастризма и элементов христианства. В этом огне плавилась необычайно редкие сплавы.

Согласно некоторым источникам, в Азербайджане находится могила Вейсала аль-Гарани (ум. 675 г.), жившего во времена Пророка и считающегося одним из важнейших личностей суфизма.

Вот имена других первых суфиев: Абу Хусейн Дундари-Ширази (ум. в 964), Хусейн ибн Яздиньяр Абу Хасан, Абу Зура (1024), Абу Аббас, Абу Саид Абдал Бакуви, Абу Аббас Ахмед, Ахи Фарадж Занджани (1065), Баба Фарадж, Хаджа Мухаммед Хошнам, Саид Гасимоглы Бардави и так далее.

Историк Мухаммед ибн Мунаввара сообщает: уже к X веку только в Ширване имелось более 400 ханега, распространяющих учение «султана всех суфиев» Абу Саид Абу-л-Хейра (введшего в практику сама – мистическое радение с музыкой, танцами и песнями).

Суфийские мотивы встречаются и в героическом эпосе огузов – «Книге Деде Коркута».

На азербайджанской земле жили и творили шейхи Сафиаддин Исхак Ардабили, Абу Хафс Омарас-Сухраверди и Садраддин ал-Халвати, создавшие в Средние века известные во всём восточном мире Сефевийский, Сухравердийский и Халватийский ордена.

Шейх Мухаммедали Бабакухи Бакуви (Шейх Мухаммедали Абу-Абдулла Мухаммед ибн Абдулла ибн Убейдулла ибн Ахмед Ширвани) родился в 948 году в Баку, много путешествовал вплоть до Индии, но в итоге вернулся в Шираз и уединился к северу от города в пещере на горе, которая и ныне называется Баба-Кухи («старец, живущий в пещере»).

Бакуви разработал символический язык суфизма (его основной жанр – газель), где в мотивы традиционной лирики вплелись идеи мусульманской теологии.

Помимо стихов является автором: «Ахбар ал-арифин» («Сведения об искателях»), «Ахбар ал-гафилин», а также сборника хадисов, афоризмов и жизнеописаний суфиев (например, «Начало и конец Халладжа Мансура»).

Факр аль-Замани передаёт легенду, по которой молодому Хафизу на третий день молитв на могиле Баба Кухи явился облачённый во всё зелёное сам Имам Али и дал испить из небесного кубка: «*Ступай, ибо врата знаний теперь для тебя открыты*». Любопытно, что единственный мусульманский поэт, по которому гадают наряду со священным Кораном, – это Хафиз Ширази.

В самом раннем трактате по суфизму «Раскрытие скрытого» Али ибн Усман аль-Худжвири (ум. в 1072 г.) находятся любопытные свидетельства: «*Как-то я отправился со своим шейхом в Азербайджан, и ему попались на глаза два-три человека в муракках; они стояли возле амбара, подняв полы муракка в надежде, что крестьянин бросит им пшена... Я спросил шейха, отчего они впали в такое бедственное положение и немилость. Он сказал: «Их духовные поводыри были одержимы жаждой набрать побольше учеников – вот и они обуреваемы желанием набрать побольше мирских припасов».*

И ещё:

«*Однажды я своими глазами видел дервиша, бродящего в сосредоточенности среди гор Азербайджана, со слезами и вздохами он пел:*

*Ей-богу, без Тебя закат не светел и восход не ал.
Где-то мгновенье, чтоб Тебя я не желал?..*

Он допел стих до конца, лицо его разгладилось, он присел, привалившись спиной к скале, и испустил дух».

Ибн Кутейба ад-Динавери в «Аш Ширва-ш-Шуаре» («Поэзия и поэты»), ссылаясь на Абу-л-Йезгана (умер в 806 г.), сообщал: «В Медине из мавали нет такого поэта, чтобы не были из Азербайджана».

Мухаммед ибн Махмуд в «Нафаис-ал-фунун» рассказывает о некоем дервише, выкопавшем нефтяной колодец.

Когда султан Мухаммед Ольджайту (правил в 1304 – 1316 г.) приехал в Баку и захотел облагодетельствовать навестившего его дервиша, тот отказался от подарка: «*Ввиду того, что я обеспечен имеющимися доходами, то в большем нет надобности*».

Узнав о размерах дохода, султан признал: «*Действительно, царство принадлежит тебе*».

Две арабско-персидские надписи: на южных воротах Крепости, упоминающая строителя Ахи бин Рамазан аш-Ширвани (датирована месяцем Раджабом 786 г.х./1384 г.), и на мавзолее в абшеронском селе Кюрдахан:

«*Приказал построить эту славную завью для предводителя великих шейхов Ахи Ширамана... Нуруллах ибн хаджи Абайила в 852*» – заставляют нас вспомнить союз Ахи.

«Ах» – слово, которое можно примерно толковать как «дух». «Ах» также является составной частью души и изображался в виде хохлатого ибиса. (Ибисом изображался египетский бог мудрости – Тот.)

Ибн Батута, путешествовавший по Малой Азии между 1325 – 1332 годами, сообщает подробности: «*Они есть во всех туркменских, румских областях, в каждом поселении, городе и деревне... И не найти в мире людей, более заботливых, чем они, к чужестранцам, более поспешных в стремлении накормить голодного и удовлетворить потребности нуждающихся и пресечь руку насильников, и убить воеводу или тех, кто примывает к ним из злых людей. А ахи у них – это человек, который собирает людей своей и иных профессий из юношей, холостяков и одиноких, а приходят они также и сами, а это также называет сяфутувва (великодушие, благородство, мужественность)».*

Ахи играли важную роль в социальной жизни городов и часто поднимали восстание против феодалов.

Очевидно, близки к ордену Ахи жившие в Гяндже: Мехсети Гяджеви (род. в 1089 г.) и Низами Гянджеви (1141–1209).

Из стихов Мехсети следует, что она всё время проводит в квартале Харабат.

*Луноликому портному
сотня Мехсети готова
стать рабой. Когда бы только
сто путей, сплетаясь толком,
задержались по наитью
на устах его, как нитка.*

*Шерстобит, твои колодки
не гуляют против шёрстки.
Так сними с меня колодку –
ямочка на подбородке!*

*Друг мой шапки шить горазд,
ему нравится атлас.
Я за каждую сто раз
похвалю велеречиво,
хоть довольно за четыре.*

*Сеятель пустой породы,
золото – другой природы;
я в руках твоих взываю:
я ещё не прах – живая!*

Перевод автора

Невозможно представить, что любовные признания Мехсети-ханым к многочисленным юным ремесленникам являются таковыми на самом деле и не поэтизируют некие мистерии, или ещё проще – некое экстатическое состояние, когда в каждом встречном лице видится только единственный Лик.

В одном рубайи Мехсети-ханым даже не скрывает:

*В одной руке у нас бокал, в другой Коран...
Не иноверцы, не свои средь истых мусульман.*

В суфийской поэзии – иносказательной и аллегоричной – издавна стремление к Богу отождествляется с Любовью, состояние влюблённого (ашига) – с состоянием опьянения вином. Локон волос – это петля, лоб красавицы – гладильный камень сердца, ресницы – кол или метла, которыми смахивают звёзды с небес, кипарис – совершенный человек, а место сборища суфиев – это питейный дом (харабат).

В том, что выдающаяся поэтесса, принятая при дворе сельджукидского султана Сунджара, – член тайного братства, нет ничего поразительного. Аббасидский Халифат, поддерживая Ахи, стремился таким образом укрепить своё международное положение. Халиф ан-Насир поручает Шахабуддину Сухраверди (род. в 1145 году) написать книгу «Китабуль-футувват» и отправляет в соседние страны послов. В Анатолии сельджуки положительно отнеслись к данному вопросу. Анатолийскую ветвь союза Ахи возглавлял азербайджанец Шейх Насраддин Махмуд (умер в 1262), известный как Ахи Эврен, автор трудов «Маталиуль-Иман», «Манахиджи-сейфи», «Табсиратуль-мубтади», «Тазкиратуль-мунтахи», «Рисалеи-арз» и т. д.

Уже в первом произведении Низами также появляются персонажи различных профессий: кузнец, чесальщик шерсти, красильщик, кирпичник, мясник, скупщик, мяняла, учитель, музыкант, ваятель.

По некоторым сведениям (например, Самарканди в «Шейх-ариф»), великий поэт был суфийским шейхом, в «Сокровищнице тайн» открытым текстом заявляет: *«Согбенный човганом, как бы для игры, Сам шар, – как човганом, собою влеком, – Пола моя стала мне воротником, – Из ног – голова, голова – мне ногой. Човган – своим видом и шар – круглотой, Как мяч, я ушёл из себя самого...»* Човган – клюшка в конном поло – замечательный символ медитирующего.

А в воображаемом утопическом идеальном государстве (в «Искендер-наме») властитель ценит аромат, исходящий от «смиранных, простых, благородных... радостных нищих». В заключительном эпизоде Низами высшим благом называет отшельническую и созерцательную жизнь.

Аббас-Кули-ага Бакиханов пишет в «Гюлистан-Ираме»: *«Сейид Йахья Бакуви в VIII веке хиджры был главным духовным учителем в этом крае, имя его известно во многих таинственных науках»*. Другой источник называет фантастическую цифру – 10 тысяч последователей в одном только Баку.

Сейид Йахья Бахаэддин родился в Шамахе. После смерти своего учителя шейха Садреддина (главы ордена «Хальватийя») переселился в Баку, где жил во дворце. Кроме мистических философских трактатов «Асрар-ат-талибин» («Тайны искателей истины»), «Шифа-лу-асрар» («Исцеление тайн»), «Асрар-ул-вахи» («Тайны откровения») он написал рукописи по астрономии и истории. В дворцовом комплексе, в окружении гробниц ширваншаха Халилуллаха, его матери и сыновей, до сих пор сохранился небольшой восьмигранный мавзолей (шатровое перекрытие, три окна с каменным орнаментом из многолучевых звёзд, внутренняя отделка из цветной штукатурки, глубокое подземелье), где, согласно преданию, в 1464 году захоронен Сейид Йахья.

Шамс Табризи, неудовлетворённый, переходит от наставника к наставнику, последний его Мастер Баба Камал Джанди предсказывает: *«Бог даст тебе однажды спутника, который выразит от твоего имени постижения и реальности от «альфы» до «омеги»»*.

И это событие наступает субботним утром 29 октября 1244 года в Конье. Столкнувшись с «Паранде» («Птица» – прозвище Шамса), Руми в зрелом возрасте испытывает такую трансформацию личности (*«Семь небесных сфер оторвались друг от друга и рухнули на землю; пламя полыхнуло в мозг, сотрясая весь череп, и я узрел клубы дыма, поднимающиеся к самому Божественному Трону»*), что из авторитетного законоведа трансформируется в великого мистического поэта, чей главный труд «Маснави» объявлен «персидским Кораном».

В братстве мавлавийа («мавлана», «наш господин» – титул Руми) в последующем образовалось целое течение шамси, где открыто пьянствовали и курили гашиш, посчитав, что плотское не противоречит духовному. Каландарские мотивы прослеживаются в «Диване» основателя азербайджанского тариката рушанийа (ответвления братства хальватийа) Деде Омара Рушани (ум. в 1486 г.): *«То мы – абдалы, жующие коноплю, То мы – гладко выбриты и распиваем вино»*.

Касими Анвар (ум. 1434), сочинявший на персидском и азербайджанском языках, был главным шейхом ордена Ниматуллахи. Джамии в «Нафахат ал-унс» – наиболее ранней биографии шейха – подчёркивает, что Касим находился на стоянке Абу Бакра, одного из ближайших соратников Пророка, отдавшего все свои богатства и пребывавшего в состоянии таваккул – полного упования на Бога.

Некоторые изречения Шаха Касима: *«Не получит плодов от удовольствий жизни ни одно сердце, которое ушло, не постигнув своей истинной сущности... Предположением и сомнением до Истины не дошёл никто. Кто Истину познал, тот знает:*

в предположенья не вмещусь... Не слушай слов внешнего разума, коль имеешь путе­водителя в лице любви... Не влюблённый тот, кто не стал пленником горя, Не пре­дан тот, кто не натолкнулся на меч несчастья...»

Это была эпоха бурных потрясений – страна подверглась нашествию Тимура. Вспыхнуло народное восстание – «сарбадарское движение», и возникло хуруфитское учение Фазлуллаха Наими (1339–1394 гг.): *Мир состоит из частиц, в которых за­ключена способность творить. Но не всё, что способно творить, божественно. Ибо Бог – совершенство. Совершенство же свойственно только человеку. Человек, прое­цирующий в себе Вселенную, куда старше и Корана, и всех религиозных книг, и сам является их творцом. От отдельной совершенной личности к единому и цельному че­ловечеству – в новом мире взаимопонимания и братства нет места гневу и страху, всему, что унижает человеческое достоинство, и стираются различия в языке, рели­гии, нравах.*

«Как бы ни был человек мудр и учён, если он лишён способности к экстазу, он не может считаться совершенным, ибо он половинчатый», – в образовательную про­грамму мюридов Фазл включил непрременную игру на музыкальных инструментах: ке­мане, уде, зурне, тамбуре, флейте, думбелеке и участие в круговых танцах: «Мансури», «Хуруфани», «Хахышда».

Принятые в Орден получали хырку из белоснежного мягкого войлока, бахром­чатую шапку, кушак и символический небольшой деревянный меч, после чего цело­вали «Джавидан-намэ» («Книгу вечности») и клялись в верности Мастеру и его учению до смертного часа. Хуруфиты обменивались при встрече приветствиями: «Анал-Хакк!» («Я есмь Бог») и «Фазл-Хакк!»

Во всём этом активное участие принимает выдающейся поэт, основоположник литературного азербайджанского языка Имадеддин Насими. В 1417 году Насими по­стигла участь Мансура Халладжа и Фазлуллаха Наими, с той лишь разницей, что его не сожгли, а с живого содрали кожу.

В Азербайджане всегда был силён суфизм пантеистического направления, опи­рающийся на хадис: *«Если бы не ты, о, Мохаммед, Я бы не сотворил миров».* [До­статочно назвать такие значимые имена, как Эйналгузат Мианеджи (казнён в 1130), Зульфигар Ширвани (1190–1245), Ахведи Марагаи (1275–1338).

Махмуд Шабистари жил главным образом в Табризе и умер в 1320 году в воз­расте 33 лет в Шабистаре, где до сих пор почитается его гробница. Его великая поэма «Гюлшан-и Раз» («Цветник тайны») из почти полутора тысяч двустихий своей край­ней лаконичностью и зашифрованностью потребовала многочисленных коммента­риев. *«Как мне поведать о столь тонких вещах? Светоносная Ночь, тьма в Полдень!»* – действительно, для того, кто пережил подобное мистическое состояние, достаточно одного намёка; всякий другой же может понять эту тонкость лишь в той мере, в ко­торой сумел к ней приобщиться. У Бога нет подобия, но есть Образ. В итоге: взгляд, в котором я узнаю Его, есть тот самый взгляд, в котором Он узнаёт меня.

Осознавая потенциальную силу владетеля Ардебилля шейха Сефи ад-Дина (1252 – 1334), ширваншах Ахситан II пожелал породниться с ним, обещая за своей доче­рью приданое: 14 000 динаров и оросительный канал, с доходом в несколько тысяч тагаров (один тагар равен 295 килограммам риса). На что Сефи ад-Дин ответил: «Что я могу на это сказать? Ширваншах – царь, а я – только дервиш».

В 1499 году его потомок 12-летний Исмаил с семьёй старейшинами выступил из Гиляна, где в течение шести лет его укрывали от врагов. По пути к нему присоеди­нились приверженцы Сефевидского ордена, и в Эрзинджане их число достигло 10 тысяч. Это было необычное войско, вступавшее в битву с кличем: «О мой мюршид, да буду я жертвой за него!» Высокий боевой дух, беспримерная жертвенность де­лали невозможное – Исмаил стал шахом Азербайджана, а вскоре весь Иран, Ирак и восточная Анатолия были присоединены к Сефевидскому государству.

Противостояние властителя и поэта – один из знаковых кодов человеческой культуры. Удивительным образом эти разнонаправленные векторы пересеклись в личности Исмаила: выдающегося государственника и великолепного поэта. Не это ли есть идеал всякого совершенного человека?

Идеологией ордена Сефевидов являлся шиизм; культ имамов-шехидов (мучеников) импонировал и простонародью, самому испытывавшему невероятные муки, жившего в ожидании пришествия двенадцатого имама и наступления «золотого века». В связи с этим сефевидскими шейхами был введён отличительный головной убор – чалма с двенадцатью красными полосками (отсюда и «кызылбаши»).

Опорой шиизма в Азербайджане становились потомки святых имамов, постоянно укрывавшиеся и захороненные в этой отдалённой провинции Арабского халифата. Особенно почитаем мазар Хукеймы (дочери седьмого шиитского имама Мусы Кязима, сам имам был убит в Багдаде халифом Харун ар-Рашидом в 799 году) в ближайшем пригороде Баку – Шихово (Шейхова деревня). Из документов, относящихся к этому вакфу, красноречивы десять фирманов, жалованных сефевидскими шахами на имя шейхов общины. В фирмане шаха Аббаса I, изданном в месяце зу-ль-када 1015 года хиджры (28 февраля – 29 марта 1607 г), за шейхом Буньядом и его сыном шейхом Гулям-Али – мутавалли благословенной гробницы – закрепляется владение селением Зых. Шейху уступалось право взимания в свою пользу малджихата и всех других податей с садов, посевов пшеницы в Дуль-дерэ и хлопка, а также трёх нефтяных колодцев; дервиши, их работники и крестьяне освобождались от всех повинностей продуктами и работой в пользу Дивана и войск.

Многочисленные пиры Азербайджана в основном – суфийские. Первоначальное значение слова «пир» – это Мастер, Учитель. Основателей тарикатов называют «пир-и авваль» (первый пир), а тех, кто проводил в них крупные реформы и придавал новый блеск – «пир-и сани» (второй основатель). Пир – не обязательно место захоронения святого, пир на вершине горы Бешбармак, по другому – Хызыр-зиндэ (на зендском языке «Авесты» написано об этой горе, как о божественной руке) – место встречи Моисея и бессмертного Хызра, описанной также в суре Корана – «Пещера». С большой долей вероятности можно утверждать, что и большие селения с названием Ханагах в Исмаиллинском, Губинском и Джульфинских областях, возникли на месте прежде уединённых суфийских обителей.

Упомянем ещё святилище пророка Джарджиса (Георгия Победоносца?) в посёлке Шафаг Бейлаганского района (в известной книге «Ответы иудейским мудрецам» на вопрос: приходилось ли быть когда-то пророкам, которых убивали, но они воскресали, Посланник назвал четыре имени, и среди них – Джарджиса); недалеко от селения Наваги, на крутом левом берегу реки Пирсаат, в крепости с минаретом вокруг келий и кладбища – склеп шейха Пир Гусейна Равани (Ширвани) (ум. 1074 г., по имеющимся данным прожил 120 лет), младшего брата суфийского поэта и философа Мухаммеда Бакуви; «Хасан-даши» в Мардакане с арабской скорописью: «Эта угодная Господу гробница принадлежит Пир Хасану – образцу самого совершенного человека. Построено во времена великого хагана Шаха Аббаса, да продлит Аллах его правление! Построено дервишем аль-Хусейни»; мавзолее Суфи Гамид в селении Умбаки; пир среди скал на окраине посёлка Мараза с нетленным святым Дири-баба (эффектная надпись наборной мозаикой выполнена каллиграфом по имени «Дервиш»); пир Омара Султана (ум. 1409 г.) в селе Авахил Шамахинского района (основатель суфийской школы хелвети); бакинская мечеть «Тезе-Пир», построенная во времена Ильханидов на могиле почитаемого дервиша; мечеть в селении Хазра (Святой) Гусарского района на месте погребения шейха Джунейда – деда шаха Исмаила.

И верится, что глубина прошлого выльется через настоящее в высоту будущего.

Год без Чингиза Гусейнова

60-е прошлого столетия – вежа удивительная. Страдания юного Вертера или зеркальное отображения Дориана Грея никого уже не волновали – какая к чёрту личность, мировой катаклизм можно было переживать только скопом. Конечно, социуму и культуре и раньше доводилось гулять рука об руку, но подобно тому, как пифии пророчествовали возле разлома тектонических плит, вдыхая ядовитые испарения, так и сочинителей откровения посещают гораздо чаще в эпоху перемен. В Азербайджане тогда своими текстами потрясали Айлисли, Чингиз Гусейнов, Максуд и Рустам Ибрагимбековы, Анар.

Время рванулось в XXI век, а Гусейнов, пытаюсь понять новые смыслы, перекапывал пласты прошлого.

«Фатальный Фатали», «Доктор N» – не просто биография, это житиё, где великая личность и свидетель, и участник драмы. История, разогнавшаяся на трассе или пробуксовывающая в трясине, – всё равно одна и та же История, без одного не бывает другого.

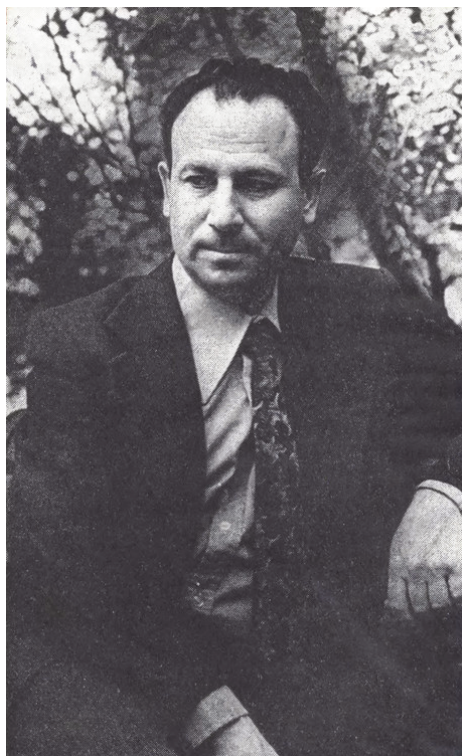
Копнуть глубже – это наткнуться на железный камень. Роман «Мерадж» – несколько лет такого интенсивного горения, что Мухамед является то ли во сне, то ли наяву.

Впрочем, Гусейнов всё о себе рассказал в мемуарном «Минувшее – навстречу». Читайте первоисточник, а не пересказ.

Последние свои 10 лет он не забывал поздравлять меня с днём рождения. Однажды так прокомментировал присланные мной стихи: «Высокая русская поэзия». Я знал, что Ч.Г. (так он всегда подписывался, я в шутку называл его: Че Гевара местного разлива) привлекает каждое поэтическое слово, и его приговоры – всегда оправдательные, но всё равно было приятно.

Он переправлял мне с оказией свои книги, в том числе последнюю – «Подковать скакуна». Редко у кого в Баку есть на руках эта книга... Как-то в электронном письме написал, что одно моё размышление о лжепророках и о способах их разоблачения помогло ему в некоем затруднении.

Ну а сам Ч. Г. помог мне взойти на высоту, где перо всегда сильнее меча, где нельзя поступиться правдой. Ибо наше перо – слепок того Калама, которым предначертано всё то, что сбылось и всё то, что сбудется.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ДМИТРИЙ ВОЙНОВ

Известно, что поэзии, как и любви, все возрасты покорны.

Дмитрий Войнов – коренной бакинец, преподаватель иностранных языков с многолетним опытом. С детства увлекался поэзией самых разных авторов, в числе его кумиров – такие разные имена, как Лермонтов, Лорка, Роберт Рождественский...

И вполне логично наступил тот день, когда давнее увлечение подтолкнуло автора этой публикации самого взяться за перо, чтобы попробовать себя в этой непростой ипостаси. Результат его творческих дерзаний сегодня и предстоит оценить нашим читателям.

В тумане

**Все покрылось туманом –
И дороги, и горы.
Синих птиц караваны
Улетели за море.**

**Все покрылось туманом –
И Сегодня, и Завтра,
Словно в тайном обмане
Потонуло внезапно.**

**Как прорваться навстречу
Ярким солнечным бликам?
Может, свечи затеплить,
А быть может, улыбки?**

**Мы прорвемся сквозь ключья
Темно-белого цвета,
Как сквозь снежные ночи
К краскам яркого лета.**

**Мы увидим цветенье
На зеленых долинах,
Алых маков сплетенья.
Гроздь красной рябины.**

**И спадет покрывало,
Станут лишними маски.
Мы увидим, как мало
Нам осталось от сказки.**

**Но зато без обмана
Мир в искрящихся бликах,
И мы, как алые маки,
Встречным дарим улыбки.**

Сны

Снова снятся ночью города и страны,
те места, где был я и где не был,
и уже не кажется мне странным,
что смешались в снах и быль, и небыль.
И уже не кажется мне странным,
что во сне друзья мне незнакомцы,
и уже не кажется мне странным,
что во сне на небе нету солнца...

Все сплелось, смешалось:
люди, лица, встречи,
и не разобраться, где же день, где вечер.
Только, помнишь,
в детстве –
золотые блики,
и в траве зеленой капли земляники.
Не найдешь дороги выбраться из леса,
не узнаешь, где ты, что это за место.
И не видно добрых огоньков навстречу
ни зимой, ни летом,
в полдень и под вечер...
Пусть нам снова снятся
города навстречу,
пусть соединятся
прошлый день и вечность.

Монолог несостоявшегося охотника

Я не буду стрелять в оленей,
если я человек, а не волк.
Пусть несутся по лесу их тени
всех превыше и бед, и склок.

Дело вовсе не в страхе, не в лени,
я готов стрелять –

но не в них
(Никаких у меня нет сомнений:
отличу своих от чужих!..)

А олени плывут над всеми...
Убивать красоту –

это грех.
Я не буду стрелять в оленей,
если я еще человек.

Манифест

«Нас не рассóрить!..» –
        бедам навстречу,
Нас не рассóрить лжи скоротечной!
Кто-то там спорит –
        нас не рассóрят.
Болью единой, радостью вечной
непобедимы и бесконечны,
мы – как земля,
        что сливается с морем.
Что с этим спорить –
        нас не рассóрить!
Нет, мы не зря пробивались сквозь беды,
тем освященнее наши победы.
Нет, мы не зря проходили сквозь горе,
горькая память нас не рассóрит.
Да, мы не зря претерпели страданья –
вечная правда нам в оправдание.
Нас не рассóрить!..
        Не о чем спорить!..

Несчастливый билет

Что ищу я в дальних переулках,
где в растворах тает бледный свет?
Может, чья-то дверь
        вдруг стукнет гулко,
передаст из юности привет.
Может, тот же голос я услышу,
что нам пел когда-то о любви,
может, солнца луч скользнет по крыше,
и попросит кто-то: «Позови!..»
Только это может не случиться,
и растает этот бледный свет,
только слышно нам,
        как время мчится,
отработав спрятанный билет.
Тот билет, что выдан был когда-то, –
жаль, что он всегда в один конец...
Не спешите в прошлое, ребята!
Кто совет послушал –
        молодец...

Застольная

Подходи сюда, кума, –
есть шафран и куркума,
перец есть и базилик.
Ты колдуньей станешь вмиг,
как начнешь ты волхвовать,
в чан приправы добавлять...
Честь и слава поварам,
тем, кто радость дарит нам,
разнеслась благая весть:
слава Богу, есть, что есть.
Сядем вместе мы за стол –
брадобрей и мукомол,
слесарь, плотник, инженер,
врач, учитель, землемер.
Насладимся мы едой,
этот день и твой, и мой.
На столе букет из вин –
холостяк и семьянин,
все мы любим вкус вина,
выпьем же бокал до дна!..
Будем жить и пировать,
полно горе горевать!
Честь и слава пастухам,
пчеловодам, пекарям
и румяным поварам –
всем, кто дарит радость нам!

Венеция

Ты встречаешь меня, как невеста,
Как созвездие этих слов,
Как созвучие воздуха с песней,
Словно рифма:
весна и любовь.

Сквозь столетья плывут мне навстречу
Твои окна, каналы, мосты.
Этот миг бесконечен, как вечность,
Этот миг красоты и мечты.

И в разрывах волшебного света,
Сквозь аркады и водную пыль
Ты летишь, в невесомость одета,
Словно сказка,
попавшая в быль...

Воспоминания о Дельфте

**Интересно, что сейчас
                    происходит в Дельфте?..
Ходит ли в мастерскую старый Левенгук¹?
Смешивает ли краски Вермеер Дельфтский²?
И задумчивый Спиноза³ завершает круг...
Так же ль всё струятся воды по каналам,
И взлетают птицы, и ложится тень,
Ведь воды с тех пор так утекло немало...
Неужели так же там проходит день?**

**Остановим время, но не шутки ради,
Насладимся снова вечной красотой,
И возникнут строем, будто на параде,
Люди, вещи, птицы в жизни этой, той...
Ночь взмахнет крылом –
                    и все исчезнет.
Нет, не верю, это – навсегда:
Левенгук, каналы, птицы и Вермеер,
Темная от времени вода.**

**Коль случится с вами,
                    побывайте в Дельфте –
Наяву, а может быть, во сне.
И тогда вы точно, уж поверьте,
Прикоснетесь к человечества весне.
Прикоснитесь к вечности руками,
Прислонитесь к памяти душой,
И спадет с нее навеки камень,
Тяжестью ненужной нам с тобой.
И опять навстречу явятся картины,
Птицы на картинах полетят.
Свет и тень сольются воедино,
Как четыре сотни лет назад.**

---

¹ Антоний Ван Левенгук – нидерландский натуралист и конструктор микроскопов.

² Ян (Йоханнес) Вермеер – нидерландский живописец, мастер бытового и портретного жанров, один из наиболее выдающихся мастеров «Золотого века голландской живописи».

³ Бенедикт Спиноза (1632-1677) – нидерландский философ-рационалист и натуралист.